

Норманны в истории Европы

Чарльз Гомер Хаскинс

THE NORMANS IN EUROPEAN HISTORY

BY

CHARLES HOMER HASKINS

GURNEY PROFESSOR OF HISTORY AND POLITICAL SCIENCE
IN HARVARD UNIVERSITY

BOSTON AND NEW YORK
HOUGHTON MIFFLIN COMPANY
The Riverside Press Cambridge

The Project Gutenberg eBook of Норманны в европейской истории.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Норманны в европейской истории

Автор: Чарльз Гомер Хаскинс

Дата выхода: 26 декабря 2023 года [eBook #72514]

Язык: Английский

Оригинальное издание: Boston: Houghton Mifflin, 1915

Кредиты: Брайану Уилсону, Тургуту Динсеру и команде онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE NORMANS IN EUROPEAN HISTORY ***

НОРМАННЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

НОРМАННЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ЧАРЛЬЗ ГОМЕР ХАСКИНС

ПРОФЕССОР ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ ГАРВАРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

БОСТОН И НЬЮ-ЙОРК
КОМПАНИЯ ХАУТОН МИФФЛИН
Риверсайд Пресс Кембридж

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1915 ГОД, ЧАРЛЬЗ ГОМЕР ХАСКИНС

ВСЕ ПРАВА ЗАЩИЩЕНЫ, ВКЛЮЧАЯ ПРАВО НА ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ
ЭТОЙ КНИГИ ИЛИ ЕЕ ЧАСТЕЙ В ЛЮБОЙ ФОРМЕ

Опубликовано в октябре 1915 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восемь лекций, которые здесь публикуются, были прочитаны в Лоуэллском институте в феврале 1915 года и в Калифорнийском университете в июле следующего года, и мне показалось лучшим напечатать их в той форме, в которой они были подготовлены для широкой аудитории. Их цель - не столько изложить анналы норманнской истории, сколько представить норманнов в связи с их временем и указать на более значительные особенности их деятельности как основателей и организаторов государств и вкладчиков в европейскую культуру. Биографические и описательные детали, соответственно, были подчинены стремлению дать общее представление о достижениях норманнов во Франции, в Англии и в Италии. Различные аспекты норманнской истории были достаточно полно рассмотрены историками, но, насколько мне известно, до сих пор не было предпринято ни одной попытки связного изложения всего предмета с этой точки зрения. Этот факт, как я надеюсь, может оправдать публикацию этих лекций, а также объяснить пропуск многих тем, которые, естественно, были бы рассмотрены в расширенном повествовании.

Эта книга частично опирается на труды различных ученых, перечисленных в библиографическом примечании в конце каждой главы, частично - на длительные личные исследования, результаты которых были опубликованы в различных специальных периодических изданиях и, частично, вскоре будут собраны в томе *"Исследования нормандских институтов"*. Когда это казалось уместным в тексте, я чувствовал себя вправе свободно опираться на более общие части этих статей, оставляя более специальные и критические проблемы для обсуждения в другом месте.

Я хочу поблагодарить руководство Института Лоуэлла и Калифорнийского университета, а также выразить признательность за полезную критику моему коллеге профессору Уильяму С. Фергюсону и секретарю Высшей школы искусств и наук Гарвардского университета г-ну Джорджу В. Робинсону. Мой долг перед нормандскими учеными и нормандской наукой более глубокий и личный, чем может показать любой список их имен и трудов.

Чарльз Х. Хаскинс.

Кембридж, Массачусетс.

Август, 1915 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I.	НОРМАНДИЯ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ	1
II.	ПРИХОД СЕВЕРЯН	26
III.	НОРМАНДИЯ И АНГЛИЯ	52
IV.	НОРМАННСКАЯ ИМПЕРИЯ	85
V.	НОРМАНДИЯ И ФРАНЦИЯ	116

VI. ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА НОРМАННОВ	148
VII. НОРМАННЫ НА ЮГЕ	192
VIII. НОРМАННСКОЕ КОРОЛЕВСТВО НА СИЦИЛИИ	218
ИНДЕКС	251

НОРМАННЫ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

I НОРМАНДИЯ И ЕЕ МЕСТО В ИСТОРИИ

В июне 1911 года в Руане Нормандия отпраздновала тысячелетний юбилей своего существования. Украшенная с изяществом и простотой, на которые способен только французский город, нормандская столица с одинаковым радушием приняла потомков завоевателей и завоеванных - норвежцев и шведов, датчан Дании и датчан Исландии, нормандцев Нормандии и Англии, Сицилии и Канады. Четверо норвежских студентов совершили путешествие из родных фьордов на открытой лодке викингов, в самом начале пути отправив на берег товарища, который настолько отошел от обычаев своих предков, что спал под одеялом. Из Соединенных Штатов смелые скандинавы при содействии компании American Express Company привезли из Миннесоты Кенсингтонский рунный камень, который якобы доказывает присутствие норвежских исследователей на северо-западе за сто тридцать лет до прихода Колумба. Конгресс по нормандской истории в течение почти недели слушал сообщения о каждом этапе прошлого норманнов в пяти одновременных секциях. На улицах звучала нормандская музыка, в театрах шли нормандские пьесы, в соборах - нормандские мистерии. Банкет следовал за банкетом, тост за тостом, пока сидр Нормандии не померк перед шампанским Франции. Наконец, великое представление, начинавшееся, как и город, с берега реки, развернуло огромную панораму нормандской истории на улицах, чьи названия перекликались с ее великими деятелями - Ролло и его норвежские спутники, прибывшие на кораблях викингов, герцоги и его преемники, Вильгельм Длинный Меч, Ричард Бесстрашный, Роберт Великолепный, Вильгельм Завоеватель, сыновья Танкреда Готевильского, изгнавшего пайнимов из Сицилии, и тот другой Танкред, водрузивший крестное знамя на стены Иерусалима, - все они со своими рыцарями, герольдами и оруженосцами, а затем еще один спектакль о достижениях Нормандии в мирном искусстве. А в последний вечер великая церковь аббатства Сент-Уэн впервые в своей истории горела красным огнем, пока вся масса не засветилась, и каждая статуя, каждая ниша с историей не предстали перед нами с ясными и четкими деталями норманнского прошлого, а ее фонарная башня, "корона Нормандии", сияла над городом и рекой, которые являются центром норманнской истории и где в этот день герцоги снова надели свою корону.

В этом быстротечном мире тысячелетний юбилей чего-либо - достаточно редкое явление, чтобы привлечь к нему внимание даже в эпоху, которая быстро становится черствой к празднованиям. Из событий, отмечаемых в 1915 году, открытию Тихого океана исполнилось всего четыреста лет, подписанию Великой хартии - семьсот. Старейший американский университет отметил лишь двести пятидесятую годовщину, старейший европейский - восьмисотую. Даже те нечастые памятные даты, которые переносят нас на тысячу и более лет назад, такие как тысячелетие короля Альфреда или шестнадцатисотлетний юбилей Константина в 1913 году, обычно напоминают о великих людях или великих событиях, а не

являются, как в случае с Нормандией, завершением тысячелетия непрерывного исторического развития. Насколько я могу сейчас вспомнить, единственной параллелью является Исландия, которая завершила свое тысячелетие достойным принятием новой конституции в 1874 году. Имея примерно такой же возраст, Исландия также напоминает Нормандию, будучи творением норвежских мореходов, форпостом викингов на западе, как Нормандия была форпостом на юге. Возможно, Исландия более индивидуальна, поскольку она, безусловно, более верна своим скандинавским традициям, но условия, позволившие ей сохранить свои ранние черты, также изолировали ее от более широких течений мировой истории. Нормандия, напротив, сразу же оказалась втянута в полноводный поток европейской политики и сама стала основателем новых государств, имперской державой, колонизатором земель за морями, матерью великой Нормандии в Англии, на Сицилии и в Америке.

История Нормандии - это история богатых и разнообразных достижений: войн, завоеваний и ратных подвигов, а также законов, правительства и религии, сельского хозяйства, промышленности, торговли и исследований, литературы, науки и искусства. Она возвращает нас к Ролло и Вильгельму Длинный Меч, к викингам и крестоносцам, к завоевателям Англии и Сицилии, к таким выдающимся прелатам феодальной эпохи, как Одо из Байе и Томас Бекет; Она ведет нас к адмиралам, деятелям искусства и литературы *Великого века* - Турвиллю и Дюкуэну, Пуссену, Мальербе и великому Корнелю, Шарлотте Корде и временам Террора, а также к художникам, ученым и литераторам XIX века - Жерико и Милле, Лапласу и Леопольду Делилю, Флоберу, Мопассану и Альберу Сорелю. Здесь прослеживается трудоемкая расчистка древних лесов, грубые процессы примитивного сельского хозяйства, изготовление нормандского сидра и разведение нормандской лошади, превратности торговли рыбой и шкурами куницы, гончарными изделиями, дешевым хлопком и крепкими водами, развитие центра моды, такого как Трувиль, или центров войны и торговли, таких как Шербур и Гавр. Здесь описывается медленное строительство монастырей и соборов, терпеливый труд священников и монахов, а также завоевание Канарских островов, колонизация Канады и освоение Великого Запада. Тысяча лет такой истории вполне заслуживает недели воспоминаний и ретроспективы.

Для американского путешественника, который направляется в Париж из Шербура, Гавра или Дьеппа, первое впечатление от Нормандии - это страна, поразительно похожая на Англию. Здесь те же высокие меловые скалы, та же "маленькая серая церковь на ветреном берегу", часто те же фруктовые сады и живые изгороди, маки и розы. Здесь есть деревья и широкие лесные массивы, как в немногих других частях Франции, спокойные полноводные реки и тихие сельские пейзажи, и повсюду сочная зелень лугов, парков и пастбищ, та яркая зелень севера, которая заставляла Альфонса Доде в Оксфорде содрогаться: "Зеленый ревматизм", когда он думал о коричневых от солнца равнинах и острых голых холмах своего родного Прованса. Нормандия ярче Англии, в ее пейзажах больше красок, но небо здесь не солнечное, а воздух дышит морскими туманами и северной прохладой. Здесь также присутствует серый тон, серые города и серое море, сочетающийся со строгим и мрачным элементом в нормандском характере, который, если и не принимает свои удовольствия печально, как англичане Тейна, то склонен принимать их трезво, и элементом меланхолии, чувством *le glas des choses mortes*, которое Флобер называл меланхолией северных варваров. Нормандский пейзаж также дает нам ощущение законченности и покоя, чувство богатого прошлого, не только в очевидной внешности разрушающейся стены и увитой

плющом башни, но и в более глубоком чувстве народа, связанного с почвой с незапамятной древности, приспособленного к каждому местному различию через долгие поколения использования и привычки, в интимном союзе человека и природы, который делает норманна неотделимым от его земли. Все это тоже английский язык, но английский с отличием. Как, по выражению Генри Джеймса, английский пейзаж - это пейзаж помещика, а французский - крестьянина, так и *mairie* и *préfecture*, публичный сад и публичный оркестр, кафе и вечно открытая церковь, *блуза* рабочего и бабушкин *челец* постоянно напоминают нам, что мы находимся в латинской стране и на пути в Париж.

История Нормандии отражает это двойственное впечатление путешественника: она обращена к Англии и морю, но принадлежит Франции и земле. Открытая внешнему миру великой долиной Сены, заливами и бухтами своей длинной береговой линии, Нормандия никогда не была притянута к морю в той же степени, что и ее соседка Бретань, и никогда не была изолирована от жизни континента. Там, где берег низкий, луга и поля тянутся до самой кромки воды; там, где он высокий, его линия относительно мало нарушена, так что потоки обычно устремляются к морю по коротким, крутым долинам, по которым проносятся поезда, связывающие маленькие приморские порты и места для купания с современным миром внутри. Несмотря на торговлю своих рек и портов, несмотря на рост промышленности вдоль своих потоков, Нормандия все еще остается в первую очередь сельскохозяйственной страной, уходящей корнями в богатую почву древнего прошлого, страной лошадей и скота, масла, сыра, сидра и любезных плодов земли; и преемственность ее истории опирается на саму землю. "За берегом и даже на нем, - говорит Видадь де ла Блаш, - древняя кумулятивная сила внутренних районов реагировала на море. Там существовала древняя и богатая цивилизация во всей своей полноте, основанная на почве, благодаря силе которой устояли и выстояли речь, традиции и народы древних времен"¹.¹ Завоеванная и колонизированная северными мореходами, земля Нормандии смогла вобрать своих завоевателей в закон, язык, религию и культуру Франции, где, по словам Сореля, их потомки сегодня сохраняют "привязанность к родной земле, любовь к предкам, уважение к руинам прошлого и нерушимое почитание его гробниц"².

Если характер Нормандии в значительной степени определяется географией, то ее границы и даже внутреннее единство - это в основном результат истории. К добру и худу, Нормандия не имеет естественных границ со стороны суши. Холмы на западе продолжают Бретань, равнины на востоке сливаются с Пикардией. Водораздел на юге не имеет четкой границы с Мэном и Першем; долины Сены и Эвра ведут прямо в Иль-де-Франс, отделенный от Нормандии только пограничными крепостями Авр и Вексин, которые являются вечным полем битвы нормандской истории - Эльзас-Лотарингией Нормандии! В этих пределах находятся две различные физико-географические области, одна из которых представляет собой нижнюю часть Парижского бассейна, а другая - западный регион, относящийся к Бретани и западу Франции. Эти районы принято называть Верхней и Нижней Нормандией - термины, освященные долгим употреблением и представляющие два контрастных региона и типа, но нет общего согласия относительно их точных границ или границ региона Средней Нормандии, который некоторые помещают между ними. Даже попытка определить эти области в терминах сыра - как земли, соответственно, сливочного Нёфшателя, упругого Пон-л'Эвека и текучего Камамбера - ущербна с точки зрения географической точности!

Наиболее характерными частями Верхней Нормандии являются долина Сены и область на севере и востоке, *rais de Caux*, окаймляющая побережье от Гавра до границы с Пикардией. Менее однообразное, чем голые равнины на востоке, плато Ко покрыто богатой растительностью, разбитой разрозненными фермами, где дом, фруктовый сад и

хозяйственные постройки защищены от ветра прямоугольными земляными валами, увенчанными деревьями, которые являются наиболее характерной чертой этого региона. Это страна *мадам Бовари* и крестьян Мопассана. Не менее типична и долина Сены, широкая, величественная, медленная, прокладывающая свой извилистый путь через высокие берега, которые становятся все выше по мере приближения к морю, огибающая старинные крепости, такие как Шато Гайяр и Танкарвиль, или разрушенные аббатства, такие как Жюмьеж и Сен-Вандриль, - где в саду до сих пор жужжат пчелы 1600 Метерлинка, - ловя прилив вскоре после вступления в Нормандию, достигая глубокой воды в Руане и встречая "долгожданный плеск волн" в большом эстуарии в его устье. На полпути от границы Нормандии до конца реки стоит Руан, хозяйка Сены и столица не только Верхней Нормандии, но и всех норманнских земель. Кельтский по названию и происхождению, как и большинство французских городов, главный город римской провинции *Лугдуненсис Секунда* и церковной провинции, которую она породила, политическое и торговое значение Руана сделало его также главным городом средневековой и современной Нормандии и местом смены политической власти, перед которой склонялись эти земли. Уже в XII веке он становится одним из знаменитых городов Европы, который местные поэты уподобляли Риму, а трезвые историки прославляли за журчащие ручьи и приятные луга, за холмистую местность и мощную оборону, за красивые церкви и частные дома, за богатые рынки и обширную внешнюю торговлю. Несмотря на все современные изменения, Руан по-прежнему остается городом, полным истории: в пергаментных его архивах и камнях его стен, в его величественном соборе с древними гробницами норманнских герцогов, в великолепном нефе его великой церкви аббатства, в яркой готике Сен-Маклу, в богатой резьбе перпендикуляра его Дворца правосудия и в его великолепных фасадах французского Ренессанса; Историческими также являются те незастроенные места, которые отмечают высадку северян и сожжение Жанны д'Арк.

Нижняя Нормандия отличается большим разнообразием и включает в себя холмистую местность Бокаж - так называемую Нормандскую Швейцарию, равнину Кан и пастбища Бессин, а также широкую полосу атлантического побережья, от мыса Ла-Аг до колышущихся песков залива Мон-Сен-Мишель. Это страна зеленых полей, фруктовых садов и утопающих в зелени аллей, промозглых парков и заплесневелых замков, заброшенных мельниц и старинных приходских церквей, причудливых деревянных домов и длинных деревенских улиц, тихих ручьев, маленьких портов и галечных пляжей, в конце концов сливающихся в соседние земли Бретани и Мэна. Его типичные места - Фалез, Вир и Аржентан с их древними замками нормандских герцогов; Байе и Кутанс, чьи парящие соборы возвращают нас к княжеским прелатам времен Завоевания; столицы провинций Старого режима, такие как Валонь, или Нового, такие как Сен-Ло; и лучше всего - венчающая славу чудесного Мон-Сен-Мишеля. Главный город - Кан, суровый и серый, сердце Нормандии, как Руан - ее голова, говорит нам старый поэт; не древняя римская столица, а творение средневековых герцогов, которые возвели здесь великие церкви-аббатства в честь брака и благочестия Вильгельма Завоевателя и Матильды, и которые основали свою кассу в его замке; интеллектуальный центр, место расположения единственного нормандского университета, академии и общества антикваров, которое сохранило для нас большую часть нормандского прошлого.

Созданная и обогащенная руками человека, земля Нормандии, в свою очередь, оказала глубокое влияние на характер ее жителей. Прежде всего, норманн - это крестьянин, трудолюбивый, упорный, осторожный, скрытный, недоверчивый к чужакам, замкнутый, проницательный, даже до хитрости, упорный в сделках, жаждущий наживы, но обладающий гением малых дел, а не больших, труда и экономии, а не предприимчивости и смелости. Подозрительный к новизне, он консерватор в политике и с большим уважением относится к

корыстным интересам. Обладание собственностью, особенно земельной, - его великое стремление; а поскольку, как давным-давно напомнил нам святой Франциск, собственность - это сеятель раздоров и судебных тяжб, он по природе своей склонен к тяжбам и адвокатуры. Известен отрывок Мишле, в котором нормандский крестьянин, вернувшись с полей, объясняет своим внимательным детям Гражданский кодекс; Расин, увековечивший Шикано в своих "Плайдэрах", разыграл эту сцену в одном из городков Нижней Нормандии. Даже в его время это была не новая черта, ведь увлечение юридической формой и хитросплетениями можно проследить в ранних временах *Coutume de Normandie*, а "Cara o сожженном Ньяле" показывает нам любовь к судебным процессам и тонкостям процедуры в полном объеме среди северян первобытной Исландии. Если Нормандия - это *страна наживы*, то она также является и *страной ума*. Твердолобый и практичный, норманн не идеалист и не мистик; даже его религия имеет практический привкус, а бретонцы склонны утверждать, что норманнских святых никогда не было. Когда перед нами стихотворения Корнеля и великолепные памятники романской и готической архитектуры, никто не может обвинить норманнов в отсутствии художественного чувства, однако и здесь воображение норманна склонно к сдержанности и суровости, скорее реалистическому, чем романтическому. Типичные современные писатели - Флобер и Мопассан; типичный художник - Милле, выбирающий для своих сюжетов барбизонские пейзажи, но верный крестьянским типам родной Нормандии. Генри Адамс настаивает на том, что стиль Флобера, точный, безличный, строгий, необычайно похож на стиль этих великих произведений нормандского романского стиля, старой башни Руанского собора и аббатства Святого Стефана в Кане, и показывает нам, "как старое искусство трансформируется в новое, не меняя своих методов".³ В истории - области, в которой привязанность нормандцев к прошлому принесла заметные результаты, - отличительными качествами нормандских работ были острая критика и большая эрудиция, а не блестящее воображение. В науке, когда такой великий норманн, как Лаплас, открыл гипотезу о небулах, он отнес ее к примечанию в приложении к своему упорядоченному и систематическому трактату о движении небесных тел. Нормандский ум не является ни туманным, ни гипотетическим!

Земля - это не весь дар природы Нормандии; мы также должны учитывать море, тех, кто пришел по морю, и тех, кто спустился к морю на кораблях; история рассказывает нам о другом типе норманнов, тех гигантах давних времен, которые, как сказал один из их потомков, "нашли моря слишком узкими, а землю - слишком прирученной". Люди, покорившие Англию и Сицилию, открывшие Канары и проникшие на Миссисипи, колонизировавшие Квебек и правившие островом Франция, не были домоседами, не были осторожными землевладельцами, интересующимися границами и наследствами и тщетно пытающимися разобраться в законах. Воины и искатели приключений в нетронутых землях и на неизведанных морях, они были организаторами государств и правителями народов, и именно их деятельность дает Нормандии главное право на внимание изучающего всеобщую историю. Это норманны истории и норманны романтики. Послушайте самые ранние характеристики их, дошедшие до нас с юга, как монах XI века Эме из Монте-Кассино рассказывает о деяниях южных норманнов, *fortissime gent*, которые распространились по всей земле, постоянно оставляя малое, чтобы приобрести большее, не желая служить, но стремясь подчинить себе всех;⁴ или как его современник, Джеффри Малатерра, сам, скорее всего, норманнского происхождения, описывает этот хитрый и мстительный род, презирающий свое собственное наследство в надежде получить большее в другом месте, жаждущий наживы и власти, быстро подражающий всему, что видит, одновременно щедрый и жадный; Они любят охотиться и охотиться на ястребов, любят лошадей, амуницию и красивую одежду, но готовы, если потребуется, переносить труд, голод и холод; искусны в лести и использовании изящных слов, но необузданны, если их не удерживает ярмо

справедливости.⁵ Обратимся к северным писателям следующего столетия: Уильяма Мальмсберийского, который описывает яростные набеги норманнов, привыкших к войне и едва ли способных жить без нее, их уловки и нарушения веры, их зависть к равным и [начальникам](#)⁶ ; или английского монаха Ордерикуса, который провел свою жизнь среди них в Нормандии и который говорит: "...

Род норманнов непокорен и готов на любые дикие поступки, если их не сдерживает сильный правитель. В каком бы собрании они ни оказались, они всегда стремятся доминировать, и в пылу своих амбиций они часто нарушают свои обязательства. Все это французы, бретонцы, фламандцы и другие соседи часто ощущали на себе; это же познали италийцы и лангобарды, англосаксы, и это их [погубило](#)⁷.

Чуть позже норманнский поэт Уэйс устами умирающего Вильгельма Завоевателя рассказывает о тех же норманнах - храбрых, доблестных и завоевательных, гордых и хвастливых, любящих веселье, трудно управляемых и нуждающихся в том, чтобы их правители держали их под ногами.⁸ Во всех этих рассказах прослеживается одна и та же история о высокодуховной, властной, беспринципной расе, жаждущей опасности и готовой на любые приключения, и нуждающейся всегда в уздечке и уздечке, а не в шпорах.

Контраст заключается не только между одиннадцатым веком и двадцатым, между беззаконной расой первопроходцев и расой, покоренной и смягченной поколениями порядка и мира; эти два типа присутствуют уже в ранние дни норманнской истории. Среди завоевателей Англии недавний историк выделяет "великих воинов вторжения... одинаково замечательных по прозорливости в совете и по безрассудной храбрости в час действия, чей ум обостряется опасностью и чья решимость только стимулируется препятствиями; неспособных к мирной промышленности, но готовых подготовить себя к войне и грабежу самым трудоемким обучением"; и напротив них "политиков... осторожные, благовидные, обдуманые, с огромной способностью к деталям и врожденной любовью к рутине; в какой-то мере сознающие свои моральные обязательства, но в основном озабоченные малой экономией и выгодой; ограниченные в своем кругозоре, но быстро признающие высшие силы и использующие их для своих целей; равнодушные к высоким идеалам и в то же время уважительные к идеалистам; в целом твердолобые, тяжелые, трудолюбивые и упорные люди"⁹.

Эти контрастные типы жизни и характера заманчиво отнести к соответствующему влиянию земли и воды, к различиям между крестьянином и всадником на море. Можно даже попытаться построить философию норманнской истории на этой основе. В своем нормальном и ненарушенном состоянии Нормандия - это часть Франции, как в жизни, так и в географии, и как таковая она демонстрирует лишь обычные локальные отличия от остальных французских земель. Так было при римлянах, так было и при франках. В начале X века приход северян вносит новый элемент, который развивает отношения с морем и странами за морем, со Скандинавией, а затем и с Британскими островами. Нормандия перестает быть провинциальной, почти перестает быть французской; она даже становится центром атлантической империи, простирающейся от Шотландии до Пиренеев. Она посылает своих паломников в Компостелу, свое рыцарство - в Иерусалим, своих младших сыновей - на Сицилию и в южную Италию. Его отношения с морем не прекращаются с политическим отделением от земель по ту сторону Ла-Манша в 1204 году. Англичане на время возвращаются в XV веке; норманны пересекают Атлантику в XVI и заселяют Канаду в XVII. Но подавляющее влияние земли преобладает и влечет своих детей обратно к себе. Морепоплавательный импульс ослабевает, активность обращается внутрь, провинция

окончательно поглощается нацией, Нормандия снова становится частью Франции, а оригинальность и самобытность ее истории исчезает в жизни целого.

Философия или не философия, но история Нормандии делится для наших целей на три удобных периода. Первый из них длится с древнейших времен до прихода северян в 911 году, события, которое создало Нормандию как отдельное образование. Второй - это история независимого нормандского герцогства с 911 года до французского завоевания в 1204 году, три великолепных века нормандской независимости и нормандского величия. Третий семисотлетний период посвящен Нормандии как части Франции.

* * * * *

Интерес и важность этих нескольких периодов зависят от точки зрения. Многие люди придерживаются мнения, что единственная история, которая имеет значение, - это современная история, и чем современнее, тем лучше, потому что тем ближе к нам и нашему времени. Для таких все бессмысленно до Французской революции или Франко-прусской войны - или, возможно, до войны 1914 года. Для тех, кто заботится только о своем времени, прошлое не имеет перспективы; как сказал один выдающийся создатель и автор истории, Джеймс Бьюкенен и Тиглат-Пилесер становятся современниками. Этот укороченный интерес к непосредственному прошлому исходит из здравого принципа, а именно: важной функцией истории является объяснение настоящего в свете прошлого, из которого оно пришло. В результате естественной реакции от изучения, которое остановилось на Марке Аврелии, американских колониях или Венском конгрессе, возник спрос на историю позавчашнего дня, который когда-то был объявлен наименее известным периодом в человеческой летописи. Это вполне законно, если не останавливаться на достигнутом и не принимать на веру легкое предположение, что то, что находится ближе всего к нам, обязательно является самым важным, даже для нас самих. Современная Германия больше обязана Мартину Лютеру, чем Ницше, больше Карлу Великому, который одиннадцать столетий назад завоевывал и цивилизовал саксов и начал порабощение славян, чем многим более современным фигурам на Sieges-allee в Берлине. Наш метод отсчета времени и широты по шестидесятым годам меньше обязан современникам Джеймса Бьюкенена, чем Тиглату-Пилесеру. Если мы должны применять материальные стандарты к истории, мы должны учитывать как массу, так и квадрат расстояния.

Очевидно также, что мы должны учитывать расстояние как в пространстве, так и во времени. Бостонский пожар 1872 года не разбудил Париж, и наши сердца не трепещут при упоминании мэров-социалистов и депутатов-консерваторов, чьи имена становятся нарицательными, когда улицы французских городов переименовывают в их память. Для нормандца взгляд на нормандскую историю иной, чем для других французов, для француза иной, чем для американца.

Не подлежит сомнению, что для среднестатистического нормандца недавний период больше, чем более ранний. На его жизнь непосредственно и постоянно влияют бюрократические традиции Старого режима, новая свобода и земельные переделы Революции, приход железной дороги, парохода и начальной школы. Вильгельм Завоеватель, Филипп Август, Жанна д'Арк, их деяния и их время стали для него просто традициями, если они действительно таковыми являются. Во всех этих изменениях, однако, нет ничего отличительного, ничего особенного, ничего такого, что нельзя было бы с таким же успехом изучить в какой-нибудь другой части Франции. Их местные и специфически норманнские аспекты представляют интерес для Нормандии, но они бессмысленны для всего мира. После объединения с Францией в 1204 году история Нормандии становится местной историей, а

все, что имеет более чем местный интерес, она делит с остальной Францией. С точки зрения мира в целом, история Нормандии идет параллельно с историей других регионов Франции. Нормандия внесет свой вклад в мир великих имен в искусстве, музыке и литературе, в обучении, промышленности и политике; она примет участие в великих движениях французской истории, Реформации, Революции, новой республике; но она будет лишь частью большого целого и будет представлять интерес для студента в целом благодаря своему членству в теле Франции.

То же самое можно сказать и о периоде до прихода северян. При кельтах, римлянах и франках регион, ставший Нормандией, ничем не отличался от остальной Галлии, и еще один недостаток - это один из регионов, о котором наши знания особенно скудны. Несколько названий племен в *"Галльской войне"* Сезара и у римских географов, несколько разрозненных надписей времен империи, несколько житий святых и время от времени редкие документы франкских времен - все это вместе с результатами археологических исследований составляет основу ранней норманнской истории. В конце концов, Нормандия была удалена от Рима и лежала в стороне от основных течений франкской жизни и политики, так что мы не должны искать здесь много света на общие условия. Тем не менее именно в эту неясную эпоху были заложены основы Нормандии. Прежде всего, население, в основе своей галло-римское, получившее германскую примесь саксов и франков задолго до прихода северян, но все же преимущественно негерманское по своему расовому типу. Далее - язык, определяемый процессом романизации и сохраняющийся как романская речь, несмотря на саксов, франков и северян, пока в самых ранних памятниках XI века мы не узнаем зачатки современного французского. Затем право, франкское право, которое северяне должны были усвоить, увековечить и перенести в Англию. В-четвертых, религия, христианская вера, с трудом одержавшая победу в стране, в основном сельской и открытой для вторжения варваров, но прочно утвердившаяся к шестому веку и уже усиленная монастырскими основаниями, которые должны были стать центрами веры и культуры в более поздние века. И наконец, основа политической географии, опирающаяся на римские города, которые с некоторыми изменениями были сохранены в качестве епархий средневековой церкви и соединены римскими дорогами, остававшимися до наших дней великими магистралями местного сообщения. Начало отдельной организации было положено, когда к концу IV века эти северо-западные районы впервые выделяются в самостоятельную административную область - провинцию *Лугдуненсис Секунда*, которая совпадает с поздней Нормандией. Затем, как это регулярно происходит по всей Галлии, гражданская провинция становится церковной провинцией, в центре которой находится старейшая церковь Руана, а провинция архиепископа Руанского закрепляет границы политической области после того, как политическая власть уходит, и переносит в Средние века очертания римской организации. Во всем этом процессе нет ничего особенно отличного от того, что происходило на большей части северной Галлии, но его результаты были фундаментальными для Нормандии и для всей норманнской истории.

Новая эпоха начинается с приходом северян в начале X века, в результате чего Нормандия выделяется из остальной Франции и включается в более широкие течения европейской истории. Сначала она была форпостом скандинавского севера, но вскоре ее отношения изменились, так как она породила завоевателей Англии и Сицилии. Норманны XI века, утверждает Генри Адамс, занимали более важное место в центре мировой истории, чем их английские потомки. Они "были частью, и большей частью, Церкви, Франции и Европы". Папы опирались на них, порой очень сильно. Завоевав Англию, "нормандские герцоги

отбросили королей Франции в тень..... В 1066 году норманны были повсюду, и повсюду они были лидерами своего века". 10 Столетие спустя норманны правили половиной Италии, двумя третями Франции и всей Англией; они положили начало Ирландии и Шотландии. Никто не может писать о европейских делах всего этого периода, не уделив большого места норманнам и их деяниям, а такие события, как завоевания Англии и Ирландии, изменили ход истории.

Нормандия также занимает свое место в истории европейских институтов, ведь норманны были не только завоевателями, но и организаторами, а их политические творения были самыми эффективными государствами своего времени. Мастеровитые, но в то же время юридически подкованные и деловые, знающие толк в деталях и рутине, нормандские князья обладали верным инстинктом государственного строительства как дома, так и за рубежом. Нормандское герцогство было компактным и мощным государством еще до того, как его герцог пересек Ла-Манш, а центральное правительство, которое норманны создали в Англии, демонстрировало те же характеристики в более широком масштабе. Англо-норманнская империя двенадцатого века стала чудом своего времени, а история норманнского королевства Сицилия показала, что норманнский гений ассимиляции и политической организации не ограничивался герцогами Руана. Нормандские институты, игравшие важную роль в XI и XII веках, сохранили свое постоянное значение, оказывая влияние на центральную администрацию Франции, которое до сих пор остается неясным, и оказывая решающее влияние на законодательство и правительство Англии. Нормандия была связующим звеном между франкским правом континента и английским общим правом и, таким образом, претендует на долю в юриспруденции тех обширных земель, на которые распространилось общее право. Например, институт суда присяжных имеет нормандское происхождение или, скорее, франкское происхождение и нормандское развитие.

Таким образом, в силу своей значительной роли в событиях своего времени, в силу решающего характера событий, в которых участвовали норманны, и в силу постоянного влияния своих институтов, Нормандия герцогов может претендовать на важное место в общей истории мира. Стремясь описать место норманнов в европейской истории, мы, соответственно, минуем те периоды, более ранние и более поздние, которые представляют в основном местный интерес, и сосредоточимся на героическом веке десятого, одиннадцатого и двенадцатого веков. Мы начнем с прихода северян и создания нормандского государства. В третьей лекции мы рассмотрим норманнское завоевание Англии; в четвертой - норманнскую империю, к которой оно привело. Затем мы проследим события, которые привели к отделению Нормандии от Англии и ее окончательному объединению в 1204 году с французской монархией при Филиппе Августе, и завершим наш обзор норманнов севера очерком норманнской жизни и культуры в этот период. В двух заключительных лекциях будет прослежено становление норманнского королевства в Южной Италии и Сицилии и рассмотрена блестящая композитная цивилизация южных норманнов со времен правления великого короля Рожера до воцарения его еще более знаменитого внука, императора Фридриха II.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Полноценной общей истории Нормандии не существует. Обзор материалов, литературы и проблем см. в превосходном резюме Н. Prentout, *La Normandie* (Paris, 1910, перепечатано из *Revue de synthèse historique*). Для библиографических целей его следует дополнить *Каталогом нормандских произведений муниципальной библиотеки Кана* (Caen, 1910-12). Об общих чертах нормандской географии см. краткое изложение Видаля де ла Блаша в "Истории Франции" Лависса, переизданной с иллюстрациями под названием "Франция"

(Париж, 1908). Лучше всего проследить эту тему в J. Sion, *Les paysans de la Normandie orientale* (Paris, 1908), и R. de Félice, *La Basse-Normandie* (Paris, 1907). Различные аспекты норманнского гения и характера восхитительно описаны в книге Альбера Сореля "*Pages normandes*" (Париж, 1907). Материалы исторического конгресса, приуроченного к Millénaire 1911 года, должны были быть напечатаны полностью, но до сих пор появились лишь различные перепечатки отдельных сообщений. Книга Ж. Туфле "*Тысячелетие Нормандии*" (Руан, 1913) представляет собой не отчет о праздновании, а иллюстрированный сборник популярных статей. Один из наиболее заметных памфлетов, опубликованных по этому случаю, - "*Роль Нормандии в истории Франции*" Габриэля Монода (Париж, 1911).

II ПРИХОД СЕВЕРЯН

Центральным фактом норманнской истории и отправной точкой для ее изучения является событие, столь ярко отмеченное тысячелетием 1911 года, - пожалование Нормандии Роллону и его северным последователям в 911 году. История Нормандии, конечно, началась задолго до этого года. Там была земля, а также в значительной степени люди, то есть, сказать, вероятно, большая часть элементов, которые пошли на формирование населения страны в более поздние времена; и история региона может быть прослежена на несколько столетий назад. Но, в конце концов, ни кельтские *цивитаты*, ни римская провинция *Лугдуненсис Секунда*, ни церковная провинция Руан, занявшая ее место, ни северо-западные *лажи* Франкской империи не были Нормандией. Им не хватало названия - это очевидно; им не хватало также индивидуальности характера, что еще более важно. Они были частью, но не отличительной частью чего-то другого, в то время как более поздняя Нормандия была отдельным образованием с собственной жизнью и историей. И разделительная линия должна быть проведена в тот момент, когда северяне впервые обосновались на этой земле и дали ей новое имя и новую историю.

Надо сказать, что дата 911 года, как и большинство точных дат в истории, несколько условна. Северяне впервые вторглись в Нормандию в 841 году, и их вторжения не прекращались до 966 года, так что 911 год приходится на середину столетия с четвертью вторжений и заселений и не знаменует ни начала, ни конца эпохи. Правда и то, что эта дата, как и многие другие, которые появляются в наших историях крупным шрифтом, не известна с полной уверенностью, поскольку некоторые историки помещают события, обычно приписываемые этому году, в 912 год или даже позже. В целом, однако, есть все основания для сохранения 911 года - ведь тысячелетний юбилей должен иметь какую-то определенную дату!

Что касается фактических событий того года, то мы располагаем лишь рассказом историка-романтика, написанным сто лет спустя, который то и дело дополняется крайне скудными записями того времени. Главный факт ясен: франкский король, Карл Простой, пожаловал Роллону в качестве вотчины значительную часть, восточную, позднейшей Нормандии. По всей видимости, Роллон отдал дань за свою вотчину по феодальной моде, положив свои руки между руками короля, что, как нам говорят, "ни его отец, ни его дед, ни его прадед до него никогда не делали ни для одного человека". Легенда, однако, гласит, что Ролло отказался преклонить колени и поцеловать ногу короля, воскликнув: "Нет, клянусь Богом!", и что спутник, которому он передал эту нежелательную обязанность, выполнил ее так неуклюже, что опрокинул короля, к большому веселью собравшихся северян. Ролло получил

не все последующее герцогство, а только область по обе стороны Сены, которая стала называться Верхней Нормандией, и только в 924 году северяне приобрели также среднюю Нормандию, или Бессен, а запад, Котентен и Авраншин, достался им только в 933 году.

Что касается личности Ролло, то у нас есть только свидетельства более поздних нормандских историков сомнительного авторитета и норвежская сага о Гарольде Фэрхайре. Если, что кажется вероятным, их рассказы относятся к одному и тому же человеку, то на севере он был известен как Хрольф Егерь, поскольку был настолько огромен, что ни одна лошадь не могла его унести, и он должен был передвигаться пешком. На родине он был пиратом, но под гнетом короля Гарольда был отправлен в изгнание, после чего продолжил свое ремесло на Западных островах и в Галлии и стал великим ярлом среди своего народа. В саге он назван норвежцем, но датские ученые пытались доказать, что он был датчанином, а в последнее время в ход пошли дубины в пользу его шведского происхождения. Мне же норвежская теория кажется наиболее вероятной, поскольку основана на достоверной саге и подтверждается другими случайными свидетельствами. Однако, как бы ни было важно значение Ролло, чтобы три великие страны претендовали на него как на своего, подобно семи городам, которые боролись за честь родины Гомера, вопрос о его национальности исторически имеет второстепенный интерес, и во времена, когда национальные границы еще не были очерчены, бесполезно подгонять недостаточные свидетельства под ту или иную теорию. Важным фактом является то, что Норвегия, Дания и еще более далекая Швеция внесли свой вклад в колонистов, поселившихся в Нормандии при Ролло и его преемниках, и достижения норманнов таким образом стали общим наследием скандинавской расы.

Колонизация Нормандии была, конечно, лишь малой частью работы этого героического века скандинавской экспансии. Великая эмиграция с Севера в IX и X веках частично объясняется ростом централизованного правительства и последующим отъездом независимых, буйных и неприрученных людей на новые поля приключений; но ее главной причиной, несомненно, было то, что лежит в основе колонизационных движений во все века, - рост населения и потребность в большем пространстве. Пятью столетиями ранее эта жажда земли толкнула германские племена через Рейн и Дунай и вызвала великое скитание народов, разрушившее Римскую империю; а набеги викингов были просто более поздним аспектом того же *Völkerwanderung*, заторможенного удаленным положением скандинавских земель и большей сложностью миграции по морю. Ведь в отличие от готов, которые пронесли по карте Европы в огромных кривых походных колоннах, или франков, которые продвигались вперед медленными этапами постепенного заселения римской Галлии, скандинавские захватчики были людьми моря и мигрировали на кораблях. Глубокие фьорды Норвегии и изрезанные берега Северного моря и Балтики сделали их вынужденными моряками и рыбаками и научили их осваивать океанские просторы. На своих кораблях-драконах - мелких, построенных из клинкера, полупалубных судах, заостренных с обоих концов, низких посередине, где ствол был защищен рядом щитов - они могли пересекать море, исследовать бухты и заливы, следить за течением рек гораздо выше их устья. Большие корабли могли достигать в длину семидесяти пяти футов и вмещать до ста двадцати человек, но это были самые большие, и даже они предлагали лишь медленное средство передвижения. Поначалу мы должны думать, что все движение - это небольшая и разрозненная группа, страшная скорее своими свирепыми, внезапными и искусными методами нападения, чем силой превосходства в численности или организации. Правда заключается в том, что морская мощь, стратегическое значение которой в современной войне так высоко оценил адмирал Мэхэн, в девятом и десятом веках была монополией скандинавов, насколько это касалось Западной Европы. Хозяева морей, северяне преследовали побережья и речные долины, как им вздумается, и не было никого, кто мог бы загнать их обратно.

За пределами Балтики, где датчане опустошали южное побережье, а шведы продвигались на восток, чтобы заложить основы Русского государства и проникнуть до Константинополя, перед хозяевами северных морей открывались два основных пути. Один вел на запад, к Оркнейским, Шетландским островам и побережью Шотландии, а затем либо на юг, к берегам Ирландии, либо дальше на запад, к Исландии, Гренландии и Америке. Другой вел через Северное море в Англию, Низкие страны и на побережье Галлии. Оба пути использовались викингами свободно, и в обоих направлениях они достигли значительных результатов: Исландия и королевства островов на севере, зарождение городской жизни и торговли в Ирландии, Дanelaw в Англии и герцогство Нормандия.

Когда в конце VIII века начались великие северные нашествия, Карл Великий правил всеми христианскими землями западного континента. Огнем и мечом он обратил в христианство и цивилизацию язычников-саксов на севере и продвинул свои границы до датской границы, так что благочестивый монах из Сент-Галла сокрушается, что не покорил и датчан - "то ли божественное провидение было тогда не на нашей стороне, то ли наши грехи восстали против нас". И тот же сплетник-хроникер - не самый лучший из авторитетов, правда, - оставил нам поразительную картину первого опыта Карла Великого со скандинавскими захватчиками: - Однажды Карл случайно прибыл в некий город.

Однажды Карл случайно прибыл в некий приморский город Галлии Нарбоненсис. Пока он сидел за ужином и не был узан горожанами, несколько северных пиратов прибыли, чтобы совершить свои грабежи в этом порту. Увидев корабли, некоторые подумали, что это еврейские купцы, другие - что африканцы, третьи - бретонцы. Но мудрый король, зная по форме и скорости кораблей, какой на них экипаж, сказал окружающим: "Эти корабли везут не товары, а жестоких врагов". При этих словах все франки состязались друг с другом в скорости, с которой они бросились в атаку на лодки. Но это было бесполезно. Северяне, услышав, что там стоит человек, которого они называли Карлом Молотом, испугались, как бы весь их флот не был захвачен в порту и не был разбит на части, и бегство их было столь стремительным, что они скрылись не только от мечей, но даже от глаз тех, кто хотел их поймать. Однако набожный Карл, охваченный святым страхом, встал из-за стола и, глядя в окно на восток, долго оставался в таком положении, лицо его было залито слезами. Никто не осмелился спросить его, но, обратившись к своим последователям, он сказал: "Знаете ли вы, почему я плачу? Воистину, я не боюсь, что они причинят *мне* вред. Но я глубоко огорчен тем, что при моей жизни они так близко подошли к этим берегам, и меня переполняет печаль, когда я смотрю вперед и вижу, какое зло они принесут моему потомству и его народу" ¹¹.

От реальности такого вторжения великий Карл был избавлен, но на Британских островах оно уже началось. В 787 году Англосаксонская *хроника* сообщает нам, что "сначала пришли три корабля северян из страны Хаэрета" [Дании?], после чего управляющий портом Дорсет "прискакал туда и погнал их в город короля, потому что не знал, кто они такие; и там они его убили. Это были первые корабли датчан, которые искали землю английского народа". Шесть лет спустя они обрушились на священный остров Линдисфарн, разграбили церковь, хранящую память о нортумбрийском христианстве, и убили монахов или загнали их в море. В 807 году они впервые высадились в Ирландии, и "после этого в Эрин хлынули великие морские потоки чужеземцев, так что не было в нем ни одной точки без флота". Затем наступил черед континента, сначала вдоль побережья Фризии и Фландрии, а затем на территории нынешней Франции. В 841 году, когда внуки Карла Великого ссорились из-за осколков его империи в Фонтене, первый флот северян вошел в Сену; в 843 году, когда они заключали договор о разделе в Вердене, викинги вошли в Нант в день святого Иоанна и убили епископа перед главным алтарем, когда он читал *Sursum corda* из мессы. В течение

двух лет они разграбили Гамбург и Париж. По возможности они обосновывались в устьях великих рек, часто на островах, таких как Вальхерен, Нуармутье или Иль-де-Ре, откуда реки открывали им всю страну - Эльбу и Везер, Рейн и Мёз, Шельду, Сену, Луару и Гаронну, даже Гвадалквивир, по которому, как сообщает арабский летописец, "темно-красные морские птицы" проникали в Севилью. Одна группа, более смелая, чем остальные, вошла в Средиземное море и достигла Марселя, откуда под предводительством Гастингса разграбила итальянский город Луна, очевидно, полагая, что это Рим.

Примерно в середине девятого века число норвежских пиратов значительно увеличилось, а их набеги стали более регулярными и постоянными, что во многих случаях привело к образованию постоянных поселений. В 855 году древнеанглийская *хроника* сообщает нам, что "язычники впервые остались зимовать в Шеппи", в устье Темзы, и в дальнейшем год за годом повествует о деяниях зимовавшего в Англии отряда викингов, который здесь называют просто войском. Речь идет уже не о летних набегах, а о непрерывной оккупации. В 878 году в середине зимы "войско ушло в Чиппенхем и захватило землю западных саксов и расположилось там; и многих людей они изгнали за море, а из оставшихся большую часть покорили и заставили подчиниться им, кроме короля Альфреда, и он с небольшим отрядом с трудом отступил в леса и в болотные леса". В следующем году похожий отряд, теперь разросшийся до "великой армии", появился на континенте и в течение четырнадцати лет опустошал территорию между Рейном и Луарой. Год за годом "стали язычников сверкала"; в 886 году они осадили Париж, который был освобожден не благодаря доблести короля, а благодаря тому, что он предложил им Бургундию для разграбления. Столетие спустя англичане начали откупаться от них данегельдом. "Все люди, - сетует летописец, - предаются бегству. Никто не кричит: "Встань и сражайся за свою страну, за свою церковь, за своих соотечественников". То, что они должны были бы защищать оружием, они позорно выкупают платежами". Ничего не оставалось делать, как добавить к литании новое прошение: "От ярости северян, Боже милостивый, избавь нас".

* * * * *

Для писателей того времени, не видевших постоянных результатов расселения викингов, северяне были варварами-пиратами, лишенными благочестия и жалости, "которые не плакали ни о своих грехах, ни о своих мертвых", а их походы были просто бессмысленным грабежом и разрушением. Более того, эти авторы регулярно были монахами или священниками, и именно церковь пострадала сильнее всего. Обнесенный стеной город или замок часто мог успешно сопротивляться, но монастыри, защищенные от христианских разбойников своим священным характером, были для язычников севера просто возможностью пограбить. Иногда монахи погибали вместе со своим монастырем, часто им удавалось спастись, сохранив жизнь и несколько драгоценных титулов, чтобы по возвращении найти лишь груды почерневших руин и опустевшую деревню. Многие религиозные учреждения полностью исчезли во время нашествий. В Нормандии почти не сохранилось церквей, построенных до X века. Поскольку монастыри в это время были главными центрами образования и культуры во всей Западной Европе, их гибель была гибелью цивилизации, и в этом отношении вердикт монастырских летописцев вполне оправдан. Однако у этой истории есть и другая сторона, которую скандинавские ученые не замедлили подчеркнуть. Будучи еще язычниками и, с одной стороны, варварами, северяне все же обладали собственной культурой, хорошо развитой в материальном плане, отличавшейся художественным мастерством и богатой сокровищами поэзии и истории. Ее материальные сокровища были частично восстановлены трудами северных археологов, а ее

литературные богатства теперь в значительной степени доступны на английском языке в многочисленных переводах саг и эддических поэм.

В конце концов, варварство, как и культура, - вещь относительная, и, если судить по современным стандартам, викинги не были варварами. Они скорее демонстрируют странное сочетание примитивного и цивилизованного - элементарные страсти, выражающиеся в высокой степени литературного искусства, варварские украшения, дополненные искусным мастерством, ярость берсерка, дополненная умной стратегией, безжалостная дикость в сочетании с сильным чувством общественного порядка, постоянные распри и убийства, сосуществующие с самой продуманной системой закона и судопроизводства. Молодая с нашей точки зрения цивилизация викингов имела за плечами историю, насчитывающую, возможно, пятнадцать веков.

С материальной стороны цивилизация викингов характеризуется значительной степенью богатства и роскоши. Многие из этого, естественно, было добыто грабежами, но многое также было получено в результате торговли. Северные воины, похоже, не испытывали того презрения к торговле, которое характерно для многих военных обществ, и они с готовностью переключились с войны на торговлю. В гробнице викингов, недавно обнаруженной на Гебридских островах, рядом с мечом, копьем и боевым топором всех воинов была найдена пара весов - эмблема двойной жизни, которую вождь вел на земле и, возможно, надеялся продолжить в будущем! О торговле, особенно торговле с Востоком, свидетельствуют огромные сокровища золотых и серебряных монет, найденные во многих регионах севера. Тонко обработанные предметы из золота, серебра и инкрустированного металла, которые, как считалось раньше, импортировались с юга и востока, теперь известны, как в значительной степени местные изделия, на которые, конечно, повлияло подражание иностранным образцам, но также и традиции орнаментации, такие как использование форм животных, которые можно проследить непрерывно до самых ранних веков скандинавской истории. Щиты и дамасцированные мечи, наручи и шейные кольца, булавки и броши - особенно броши: если вы найдете незнакомый предмет, говорит Монтелиус, назовите его брошью и, как правило, будете правы - все это свидетельствует, как по своему изобилию, так и по красоте исполнения, о развитой стадии искусства и ремесла.

Эта любовь севера к роскоши украшений хорошо видна в хрониках и сагах. Когда в 968 году ирландцы изгнали викингов из Лимерика, они забрали у них "их драгоценности и лучшее имущество, их седла, красивые и чужие, их золото и серебро, их прекрасно сотканые ткани всех видов и цветов - сатин и шелк, приятный и пестрый, алый и зеленый, и всевозможные ткани в том же духе". "Как, - спрашивает валькирия в *"Слове Ворона"*, - поступает великодушный князь Гарольд с людьми, прославившимися подвигами, которые охраняют его землю?" Ворон отвечает: "Да.

О них хорошо заботятся, о воинах, что бросают кости при дворе Гарольда. Они наделены богатством и прекрасными мечами, рудой гуннов и девами с Востока. Они радуются, когда у них появляется надежда на битву, они вскакивают в горячем порыве и налегают на весла, щелкая уключинами и треща толами. Я уверен, что они яростно гребут веслами воду по приказу короля.

Валькирия: Я спрошу тебя, ибо ты знаешь правду обо всем этом, о меде поэтов, поскольку ты должен знать, в каком состоянии находятся менестрели, живущие с Гарольдом.

Ворон: По их веселью и золотым кольцам легко понять, что они друзья короля. У них красные плащи с красивой бахромой, мечи с серебряными наконечниками и кольчуги, золоченые атрибуты и шлемы с гравировкой, кольца на запястьях - подарки Гарольда.¹²

Что касается социальной организации, то в обществе викингов прослеживается германское деление на три класса: раб, юнец и благородный. Их соответствующие характеры и занятия описаны в "*Ригсмале*" следующим образом.

У Тралла была смуглая кожа, руки морщинистые, костяшки согнуты, пальцы толстые, лицо уродливое, спина широкая, пятки длинные. Он начал тратить свои силы, связывая лыко, делая грузы и неся домой охапки в течение долгого изнурительного дня. Его дети занимались тем, что строили изгороди, пахали пашни, ухаживали за свиньями, пасли коз и копали торф. Их звали Сажа и Корова, Неуклюжий, Лут и Лентяй и т. д. Карл, или чурбан, был рыжим и румяным, с закатившимися глазами, и занимался тем, что ломал волов, строил плуги, строгал дома и делал телеги. У Эрла, благородного, были желтые волосы, румяные щеки, острые, как у молодой змеи, глаза. Его занятиями были: создание щита, сгибание лука, метание копья, бряцание копьем, скачки на лошадях, метание костей, фехтование и плавание. Он начал пробуждать войну, окрашивать поле в красный цвет и повергать [обреченных](#)¹³.

Среди тех, кто отправлялся в море, было много и чурлов, и графов, но знатные, естественно, преобладали, и именно их подвиги воспевают саги и поэмы. Война викингов не была простым столкновением мечей; они вели свои военные действия с мастерством и предусмотрительностью и демонстрировали огромную способность приспосабливаться к новым условиям, будь то вторжение в открытую страну или осада укрепленного города. Однако многое следует приписать их *furor Teutonicus*, тому буйству военного духа, который они унаследовали от далеких предков. Не все они были медвежатниками в волчьих шкурах, но все, похоже, испытывали тот восторг от войны и конфликтов ради собственной выгоды, которым дышит их поэзия:...

Меч в руке короля прокусывал травы Водена [почты], как виски через воду, острия копий сталкивались, щиты разбивались вдребезги, топоры стучали по головам воинов. Мишени и черепа были растоптаны под огнем щитов [оружия] северян и твердыми пятками их рукоятей. На острове стоял шум, короли окрашивали блестящие ряды щитов в кровь людей. Клинки горели в кровавых ранах, алебарды склонялись, чтобы забрать жизнь людей, океан крови обрушился на мечи, поток валов обрушился на берег Сторда. Ореолы войны смешались под сводом пряжек; под тучами мишеней дул боевой зной, под покровом Водена блестели острия мечей [кровь]. Многие падали в поток клейма. ¹⁴

И снова:-

Клинки разбивались о черные мишени, раны затягивались, когда принцы встречались. Клинки бились о гребни шлемов, раны-граверы, острие меча, кусали. Я слышал, что в железной игре пал дуб Водена [герои] перед мечами [лед пояса меча].

Второе бремя: Там было сцепление остриев и скрежет краев: Эрик прославился там.

Второй посох: Князь покраснел от клейма, был обед для воронов; копье искало жизнь человека, летели кровавые копья, губитель шотландцев кормил коня ведьмы [волков], сестра Нари [Ада] топтала ужин орлов [корсаров]. Боевые журавли [валы] бились о стенки мечей [пряжек], губы раненых [колючки стрел] не оставались жаждущими крови. Волк рвал раны, и волна меча [кровь] билась о клюв ворона.

Третье бремя: Кровь, выпитая во время войны, упала на коня Гиальфа: Эрик дал волкам падалу у моря.

Третий посох: Летающее копье укусило, мир был нарушен, волк был рад, и лук был натянут, болты звенели, острия копий кусались, льняная тетива выносила стрелы из лука. На руке у

него висела пряжка, и он, грозящий игрой клинков, стал могучим героем. Повсюду вокруг короля разгоралась битва. Прославился на восток за морем воинственный Эрик.¹⁵

Или послушайте, как странные сестры плетут паутину о судьбе Ирландии под властью Бриана Бору.

Широко раскинулась нить, предвещающая бойню, висящее облако луча; идет кровавый дождь. Серая паутина хозяев поднята на копьях, паутина, которую мы, друзья Водена, наполняем красной нитью.

Эта паутина искорежена человеческими кишками и утяжелена человеческими головами; окровавленные дротики - это древка, окованные железом - это стойки; она перебрасывается стрелами. Давайте же разрушим нашими мечами эту паутину победы!

Война и Меченосец, Сангрид и Свипл, сплетают ее на вытянутых мечах. Древко будет петь, щит - звенеть, шлем-гончая [топор] - падать на цель.¹⁶

А тем, кто встречал свою смерть в бою, было уготовано подобное существование в грядущей жизни: они не были обречены, как "соломенные мертвецы", ступать по сырым, холодным и сумрачным дорогам в страну Хель, но - цитирую Гуммира¹⁷ - как мертвые с оружием отправлялись "прямо к Одину, не измученные болезнью, в полной мужской силе", чтобы проводить свои дни в славных битвах и ночи в не менее славных пирах при дворе Валгаллы.

В колыбели юного викинга убаюкивали такими песнями, как, например, эта:...

Моя мать сказала, что мне нужно купить лодку и весла, и что я должен отправиться за границу с викингами, встать вперед на носу и управлять дорогой корой, и так плыть к гавани и рубить там человека за человеком.

Когда он вырастает, дочь графа презирает его как мальчика, который "никогда не давал теплой еды волку", "не видел, как ворон осенью кричит над черновиком", и не был там, где скрещиваются тонкие края клинков; тогда он завоевывает себе место рядом с ней, отвечая: "Я ходил с кровавым клеймом и с кровавым острием".

Я ходил с кровавым клеймом и со свистящим копьём, а за мной следовала раненая птица. Викинги яростно напали; мы подняли неистовую бурю, пламя охватило людские жилища, мы уложили истекающих кровью корсаров в городских воротах¹⁸.

И в конце концов, подобно Рагнару Лодброку, схваченному и умирающему в яме со змеями, он может рассказать свою историю о том, как кормил орла и волчицу с тех пор, как впервые острил меч в возрасте двадцати лет, и закончить свою жизнь неустрашимым под вечно повторяющийся припев: "Мы рубились мечом":

Смерть не страшна. Я готов уйти. Они зовут меня домой, фейсы, которых послал мне из своего зала Воден, Владыка Хозяев. Весело буду пить я эль на своем высоком сиденье с ансами. Дни моей жизни окончены. Со смехом умру я.¹⁹

В политическом плане общество викингов было аристократическим, но это была аристократия, в которой все дворяне были равны. "У нас нет господина, мы все равны", - говорили люди Ролло, когда спрашивал, кто их господин; и люди с таким мышлением вряд ли стали бы тратить свое время на бросание костей при дворе короля Гарольда, даже если бы их независимость означала волчий жребий изгнания. О том, какую политическую

организацию они могли создать, можно судить по двум примерам эпохи викингов. Один из них - Исландия, описанная лордом [Брайсом20](#) как "почти уникальный пример сообщества, чья культура и творческая сила процветала независимо от каких-либо благоприятных материальных условий", - это любопытное децентрализованное и демократическое сообщество, где жизненные потребности создали правительство с судебными и законодательными обязанностями, а чувство равенства и местная независимость не позволили правительству приобрести какие-либо административные или исполнительные функции, - сообщество с "большим количеством законов и отсутствием центральной исполнительной власти, большим количеством судов и отсутствием власти для исполнения их решений". Другой пример - Йомбург, странное сообщество йомвикингов, созданное в Померании, в устье Одера, и содержащееся военной гильдией в условиях строжайшей дисциплины. В члены принимались только безусловно храбрые мужчины в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет; в замок не допускались женщины, и ни один мужчина не мог отсутствовать в нем более трех дней за раз. Члены брали на себя обязанность взаимной поддержки и мести, а награбленное распределялось по жребью.

Ни один из этих типов викингской общины не мог быть воспроизведен в Нормандии, поскольку оба были порождены специфическими местными условиями, а северяне были слишком приспособляемы, чтобы основывать государства с помощью резинового штампа. Свободное полугосударство, подобное Исландии, могло существовать только там, где отсутствие соседей или прежних жителей устраняло всякую опасность осложнений, как внутренних, так и внешних. Строгая гильдия воинов, как в Йомбурге, могла возникнуть только в крепости. Какую бы форму ни приняло общество викингов в Нормандии, оно должно было во многом зависеть от местных условий; однако оно вполне могло содержать элементы, встречающиеся в других обществах - исландское чувство равенства и независимости и военную дисциплину йомвикингов в окружении их вендских врагов. И оба эти элемента характерны для норманнского государства.

Таковыми, вкратце обрисованными, были северяне, пришедшие в Нормандию. Теперь нам предстоит проследить за ними в их новом доме.

Прежде всего, следует отметить, что отношения между Нормандией и севером не были прекращены с пожалованием 911 года. Мы должны думать о новом нормандском государстве не как о планете, отправленной в космос, чтобы двигаться отдельно и отдельно по новой орбите, а как о колонии, форпосте скандинавских народов на юге, подпитываемом новыми группами колонистов из северного дома и лишь постепенно отрывааемом от связей с севером и втягиваемом в политическую систему франкской Галлии и ее соседей. На протяжении примерно ста лет после прихода Ролло ключ к нормандской истории лежит в этом факте и в обусловленном им взаимодействии скандинавских и франкских влияний. Само пожалование 911 года могло быть расценено по-разному с точки зрения двух сторон. Карл Простой, вероятно, считал, что создает новую вотчину с нормандским вождем в качестве своего вассала, связанного с ним феодальными узами, а для Ролло, не имевшего феодальных представлений, пожалование вполне могло показаться прямым даром, которым он и его соратники должны были владеть так же, как владели землей у себя дома. С одной точки зрения - феодальное владение, с другой - независимое скандинавское государство, и это противоречие в положении Нормандии объясняет многое в ее ранней истории. Новая колония была спасена от поглощения окружающей средой благодаря продолжающейся миграции с севера; прежде чем стать франкской и феодальной, она успела прочно утвердиться и провести границы, отделявшие ее от соседей. Будучи одновременно

франкским графством и датской колонией, она постепенно превратилась в полунезависимое герцогство, которое и стало исторической Нормандией XI и XII веков.

Хотя Ролло принял крещение в 912 году и озаменовал свое обращение обширными земельными пожалованиями великим церквям и монастырям своих новых территорий, христианство легло на него и оставило его норвежским мореходом в душе до самого конца, когда он попытался умиротворить потусторонние силы не только золотыми дарами церкви, но и человеческими жертвоприношениями северным богам. Его законодательство, насколько его можно восстановить по теневым рассказам поздних историков, было в основе своей скандинавским, а его последователи ревностно охраняли северные традиции равенства и независимости. Его сын, Вильгельм Длинный Меч, был более христианским и франкским типом, но его смерть, отмеченная в латинской поэме, которая представляет собой самый ранний известный пример народного эпоса в Нормандии, стала сигналом для скандинавской и языческой реакции. Мы слышим о новых прибытиях на Сену викингов, поклонявшихся Тору и Одину, о независимой группе в Байе под предводительством некоего Хайгрольда или Гарольда и даже о призывах норманнов к северянам за морем. Герцоги Руана, говорится в *"Саге о святом Олафе"*, "хорошо помнят свое родство с вождями Норвегии; они почитают их так, что всегда были лучшими друзьями норвежцев, и все норвежцы, которые хотели бы найти убежище в Нормандии". Только в начале одиннадцатого века скандинавская иммиграция заканчивается, и Нормандия встает на ноги.

Не раньше одиннадцатого века история Нормандии выходит из неопределенного периода легенд и преданий и обретает надежную основу в виде современных свидетельств. Во всей Европе десятое столетие является одним из самых неопределенных и неясных из всех христианских веков. Для критика, как однажды заметил один оксфордский дон, отличающийся знанием этой эпохи, ее восхитительная неясность делает ее еще более интересной, но есть пределы прелести неясности, и французский ученый, попытавшийся восстановить историю этого периода в Испании, обнаружил, что все сохранившиеся документальные источники информации являются выдумкой! С Нормандией дела обстоят не так плохо, поскольку фальсификаторы там выбирали другие периоды для размещения своей продукции, но для X века практически нет ни современных документов, ни современных нормандских хроник. Самый ранний нормандский историк, Дудо, декан Сен-Кантена, писал после 1000 года и не был лично знаком с зарождением нормандского государства. Рассеянный, риторичный, левоверный, готовый исказить события, чтобы прославить предков нормандских герцогов, которые были его покровителями, Дудо не заслуживает доверия, и только самый осмотрительный критик может вычленить несколько фактов из его путаной и набившей оскомину риторики. Тем не менее, он был переписан его норманнскими преемниками, в прозе и в стихах, и нашел своих защитников среди патриотически настроенных норманнов более позднего времени. Только в последние годы его фундаментальная недостоверность была полностью установлена, и вместе с ней исчезла всякая надежда на детальное знание ранней норманнской истории. Только с одиннадцатого века мы достигаем прочного фундамента летописей и хартий во времена правления князей, которых Дудо стремится прославить в лице их предшественников. А когда мы доходим до этого периода, героическая эпоха завоеваний и поселений заканчивается, и норманны становятся такими же, как и другие французы.

В этот момент перед нами встает фундаментальный вопрос: насколько Нормандия была подвержена скандинавскому влиянию? Каков был вклад севера в Нормандию с точки зрения расы и языка, законов и обычаев? И ответ должен быть таким: в большинстве случаев ощутимый вклад был незначительным. Каким бы ни было положение дел в эпоху

колонизации и заселения, к последующему столетию норманны в удивительной степени поглотились своим окружением.

Сейчас общепризнанно, говорит профессор [Мейтланд²¹](#), что по крайней мере за полвека до битвы при Гастингсе норманны были французами, французами по языку, французами по закону, гордились своей прошлой историей, были готовы сражаться с другими французами, если норманнское правление оказывалось под угрозой, но все же французами, которые рассматривали Нормандию как члена государства или группы государств, обязанных служить, трудно сказать, повиноваться, королю в Париже. Их разговорный язык был французским, письменный - латинским, но латинским французским; стиль их юридических документов был стилем французской канцелярии; очень немногие технические термины их права были скандинавского происхождения. Когда, наконец, "обычай" Нормандии появляется в письменном виде, он занимает свое место среди других французских обычаев, и это несмотря на то, что в течение долгого времени Нормандия была одним из владений принца, между которым и королем французов было мало любви и частых войн; а особенности, которые отличают обычай Нормандии от других французских обычаев, скорее, обусловлены законодательством Генриха Анжуйского, чем какой-либо скандинавской традицией.

Законодательство Нормандии к тому времени было франкским, а речь - французской. Даже второй герцог, Вильгельм Длинный меч, счел необходимым отправить своего сына в Байе, чтобы тот выучил норвежский язык, поскольку в Руане на нем больше не говорили. А во французском языке Нормандии, нормандском диалекте, скандинавский элемент поразительно мал, о чем говорят внимательные изучающие местные *говоры*. Только в одной сфере жизни, морской, заметно скандинавское влияние, и у историка французского флота Буреля де ла Ронсьера есть несколько поразительных страниц о сохранении языка норвежских викингов в повседневной речи французских моряков и рыбаков.

Вопрос о расе сложнее, и он, конечно, совершенно не зависит от вопроса о языке, поскольку язык, как уже было сказано, является не критерием расы, а критерием социального контакта, а фундаментальные физические характеристики расы не зависят от речи. "Череп, - говорит Рис, - тверже, чем согласные, и расы скрываются за ними, когда языки ускользают". В этом вопросе научная экспертиза снова неблагоприятна для расширенного скандинавского влияния. Ярко выраженные северные типы, конечно, встречаются - я помню, как во время моего первого путешествия по Нормандии увидел на обочине дороги крестьянина, который мог бы выйти в тот момент из висконсинского лесопильного лагеря или с пшеничного поля в Миннесоте, - но статистика антропометрии показывает устойчивое преобладание круглоголового типа, который преобладает в других частях Франции. Только в двух регионах сильно проявляется тевтонский тип - в нижней долине Сены и в Котентене, и именно в этих регионах и в точках вдоль побережья наиболее часто встречаются географические названия скандинавского происхождения. Термины *bec* и *fleur*, *beuf* и *ham*, *dalle* и *tot* - *Bolbec*, *Harfleur*, *Quillebeuf*, *Ouistreham*, *Dieppedalle*, *Yvetot* - рассказывают ту же историю, что и термины, используемые в навигации, а именно, что северяне были людьми моря и селились в устьях рек и вдоль побережья. Однако более раннее население, хотя и сократилось в результате войн, грабежей и голода, не было уничтожено. Оно выжило в достаточном количестве, чтобы навязать свой язык завоевателям, сохранить на большей части территории страны свой основной расовый тип и превратить морских северян в сухопутных норманнов.

Каков же был скандинавский вклад в создание Нормандии, если он не был ни правом, ни речью, ни расой? Прежде всего, это была сама Нормандия, созданная как отдельное образование в результате норманнской оккупации и пожалования Ролло и его

последователям, без которых она так и осталась бы недифференцированной частью северной Франции. Далее, новый элемент в населении, численно небольшой по отношению к массе, но закваска для всего целого - быстро впитавший франкское право и христианскую культуру, но сохранивший северные качества предприимчивости, смелости и лидерства. Не случайно имена лидеров ранних норманнских движений во многом норвежские. И, наконец, род князей, властных и властолюбивых, но обладающих талантом политической организации, строителей государства дома и за границей, которые сделали Нормандию самым сильным и централизованным княжеством во Франции и присоединили к ней королевство за морями, ставшее сильнейшим государством в Западной Европе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Лучшее изложение истории возникновения Нормандии - Н. Prentout, *Essai sur les origines et la fondation du duché de Normandie* (Paris, 1911). О франкской стороне норвежских экспедиций см. W. Vogel, *Die Normannen und das fränkische Reich* (Heidelberg, 1906), дополненный F. Lot, в *Bibliothèque de l'École des Chartes*, LXIX (1908). Их опустошение Нормандии иллюстрируется судьбой монастыря Сен-Вандриль: F. Lot, *Études critiques sur l'abbaye de Saint-Wandrille* (Paris, 1913), ch. 3. Существует обширная литература на скандинавских языках; названия фундаментальных работ Стеенструпа, Мунка, Ворсаэ и Александра Бурге см. в Charles Gross, *Sources and Literature of English History* (London, 1915), § 42. Значительный материал на английском языке был опубликован в *Saga-Book* Общества викингов (Лондон, с 1895 г.). О материальной культуре севера см. Sophus Müller, *Nordische Altertumskunde* (Strassburg, 1897-98), а также различные работы Монтелиуса. Ранняя поэзия собрана и переведена Вигфуссоном и Пауэллом, *Corpus Poeticum Boreale* (Оксфорд, 1883). Удобные краткие изложения на английском языке: C. F. Keary, *The Vikings in Western Christendom* (London, 1891); A. Mawer, *The Vikings* (Cambridge, 1913); и L. M. Larson, *Canute the Great* (New York, 1912).

III НОРМАНДИЯ И АНГЛИЯ

После прихода северян главным событием нормандской истории становится завоевание Англии, и как отношения с севером являются главной чертой десятого века, так и отношения с Англией доминируют в одиннадцатом веке, а центральным моментом является завоевание 1066 года. В этой череде событий центральной фигурой, конечно же, является Вильгельм Завоеватель, по происхождению герцог Нормандии, а по завоеванию - король Англии.

* * * * *

О предшественниках Вильгельма у нас нет времени подробно рассказывать. Внук четвертого нормандского герцога, Ричарда Доброго, Вильгельм был сыном герцога Роберта, который погиб в Малой Азии в 1035 году, возвращаясь из паломничества в Иерусалим. Чтобы отличить его от более позднего герцога с тем же именем, его называют Робертом I или Робертом Великолепным, иногда и совсем неправильно - Робертом Дьяволом, из-за неоправданной путаницы с этим героем, или скорее злодеем, романтики и большой оперы. Современник великого английского короля Канута, Роберт был известным человеком в

Европе начала XI века, и если бы наши источники информации позволили нам узнать историю его короткого правления, мы, вероятно, обнаружили бы, что многое, что было характерно для Нормандии времен его сына, может быть отнесено к его времени. В истории не раз случалось, что великого отца затмевал великий сын. К этому следует добавить тот факт, о котором современники Вильгельма никогда не позволяли ему забыть, что он был незаконнорожденным сыном. Его мать Арлетт была дочерью кожевника из Фалеза, и хотя неясно, был ли герцог Роберт когда-либо женат на ком-либо еще, его союз с Арлетт не имел более высокой санкции, чем датский обычай его предков. Их сын был известен в свое время как Вильгельм Бастард, и только великие достижения его правления позволили заменить его сначала Вильгельмом Великим, а затем Вильгельмом Завоевателем.

Если бы не путаница с другими великими Уильямами - один из которых недавно был возведен восхищенными подданными в ранг Вильгельма Величайшего, - то было бы определенным преимуществом в сохранении титула Великий, чтобы напомнить нам, что Вильгельм был не только завоевателем, но и великим правителем. Величайшая светская фигура в Европе своего времени, он также один из величайших в ряду английских государей, независимо от того, судим ли мы о нем по способности к правлению или по результатам его правления, и ни один из них не оказал более глубокого влияния на весь ход английской истории. Покойный Эдвард А. Фримен, посвятивший пять солидных томов истории Нормандского завоевания и Вильгельма и никогда не стеснявшийся в выражениях, идет еще дальше:...

Ни один человек, когда-либо ступавший по этой земле, не был наделен большими природными дарами; ни одному человеку не было дано совершить большее. Если рассматривать только масштаб деяний человека без учета его морального облика, то в победителе Валь-эз-Дюна, Варавиля и Сенлака, в восстановителе Нормандии, завоевателе Англии мы должны видеть того, кто может по праву претендовать на место в первом ряду величайших людей мира. Ни один человек никогда не делал свою работу более тщательно в данный момент; ни один человек никогда не оставлял после себя свою работу как более истинное достояние на все времена..... Если мы не можем отвести ему место среди чистых патриотов и героев, то он столь же мало имеет права на место среди простых тиранов и разрушителей. Вильгельм Нормандский не претендует на долю в чистой славе Тимолеона, Ильфрида и Вашингтона; он не может претендовать даже на более смешанную славу Александра, Карла и Кнута; но у него еще меньше общего с простыми врагами их рода, с Навуходоносорами, Свегенами и Буонапарте, которых Бог время от времени посылал в качестве простых бичей для виновного мира..... Он никогда полностью не отбрасывал мысли о справедливости и милосердии, и в самые мрачные часы перед его глазами все еще стояла некоторая доля страха [Божьего22](#).

Я процитировал суть характеристики Фримена не потому, что она кажется мне полностью справедливой или даже исторической, а для того, чтобы наглядно показать важность Уильяма и его работы. Не дело историка отводить ниши в зале славы. Он не Радамонт, чтобы отделять Альфредов этого мира от Навуходоносоров, Уошингтонов от Наполеонов. Пока он имеет дело с отдельными людьми, его дело - объяснить нам каждого человека в свете его времени и его условий, а не сравнивать его с людьми далеких времен и мест, чтобы расставить всех по окончательной шкале ценностей. Когда-то в дискуссионных обществах было модно обсуждать, был ли Демосфен большим оратором, чем Цицерон, и был ли он равен Дэниелу Вебстеру. Еще более бесполезно рассуждать о том, был ли Вильгельм Завоеватель большим человеком, чем Александр, или меньшим, чем Джордж Вашингтон, поскольку эти величины несоизмеримы. Если сравнения такого рода вообще правомерны,

они должны проводиться между схожими вещами, между современниками или между людьми в быстрой последовательности. Когда же речь идет о больших промежутках времени и обстоятельств, они вырывают каждого человека из его истинного окружения и становятся в корне неисторичными.

Способный полководец, сильный в бою и еще более сильный в стратегии и ремесле, искусный дипломат, прирожденный правитель людей, Вильгельм был еще более великим в сочетании видения, терпения и мастерской воли, которые делают его государственным деятелем, и результаты его государственного управления крупно написаны на страницах английской истории. Для современников его самой яркой характеристикой была безжалостная сила и несгибаемая воля, и если бы они были знакомы с теорией Ницше о "сверхчеловеке", то, несомненно, отнесли бы его к этому классу. Суровый и гневливый, автор англосаксонской *хроники* подходит к нему, как хорошо сказал [Фриман](#)²³, "с опущенными глазами и затаенным дыханием, как будто он вряд ли имеет дело с человеком, похожим на него по страстям, а скорее рисует портрет существа другой природы". Эта, наиболее адекватная характеристика *Uebermensch* одиннадцатого века, звучит следующим образом:²⁴

Если кто хочет узнать, каким человеком был король Вильгельм, какой славы он добился и сколькими землями владел; то мы опишем его таким, каким мы его знали, мы, которые смотрели на него и жили при его дворе. Этот король Вильгельм, о котором мы говорим, был очень мудрым и великим человеком, более почитаемым и более могущественным, чем любой из его предшественников. Он был мягок к тем добрым людям, которые любили Бога, но безмерно суров к тем, кто противился его воле. Он основал благородный монастырь на том месте, где Бог позволил ему завоевать Англию, поселил в нем монахов и сделал его очень богатым. В его дни был построен великий монастырь в Кентербери, а также множество других по всей Англии; кроме того, эта земля была заполнена монахами, которые жили по правилу святого Бенедикта, и таково было состояние религии в его дни, что все желающие могли соблюдать предписания своих орденов. Король Вильгельм также пользовался большим почтением: он надевал свою корону три раза в год, когда бывал в Англии: на Пасху - в Винчестере, на Пятидесятницу - в Вестминстере, а на Рождество - в Глостере. И в это время с ним были все люди Англии: архиепископы, епископы, аббаты, а также графы, таны и рыцари. Также он был очень суров и гневлив, так что никто не смел ничего делать против его воли, и он держал в тюрьме тех графов, которые поступали против его воли. Он отстранял епископов от их сана, аббатов - от их должностей, заключал в тюрьму танов, и в конце концов не пощадил своего родного брата Одо. Этот Одо был очень влиятельным епископом в Нормандии, его кафедра была в Байе, и он был первым, кто служил королю. У него было графство в Англии, и когда Вильгельм был в Нормандии, он был первым человеком в этой стране, и его он бросил в тюрьму. Не стоит забывать и о добром порядке, который установил Вильгельм; он был таков, что любой человек, который сам был ничем не примечателен, мог спокойно путешествовать по королевству с полной грудью золота; и никто не смел убить другого, какую бы обиду он от него ни получил. Он правил Англией и, будучи зорким к собственным интересам, так тщательно обследовал королевство, что во всем государстве не было ни одного участка земли, о владельце которого он не знал бы, сколько он стоит, и это он потом заносил в свой реестр. Земля бриттов была под его властью, и он построил там замки; кроме того, он полностью властвовал над островом Мэн [Англси]: Шотландия также была подчинена ему благодаря его огромной силе; земля Нормандии принадлежала ему по наследству, и он владел графством Мэн; и если бы он прожил еще два года, то покорил бы Ирландию своей доблестью, и это без битвы. Воистину, в те времена было много бед и очень больших несчастий; он заставлял строить замки и притеснял бедняков. Король был также

очень суров, он брал у своих подданных много марок золота и много сотен фунтов серебра, и это по праву или без права, и без особой нужды. Он был склонен к скупости и жадно любил наживу. Он создал большие леса для оленей и издал законы, по которым всякий, кто убьет оленя или зайца, должен быть ослеплен. Как он запретил убивать оленей, так и кабанов; а высоких оленей он любил, как будто был их отцом. Он также постановил, что зайцы должны выходить на свободу. Богатые жаловались, бедные роптали, но он был так крепок, что не обращал на них внимания; они должны были исполнять все воли короля, если хотели жить, или сохранить свои земли, или удержать свои владения, или быть в своих правах. Увы, чтобы кто-то так возвысился и вознес себя в своей гордыне над всеми! Да явит Всемогуший Бог милость к его душе и дарует ему прощение грехов! Мы написали о нем все эти вещи, как хорошие, так и плохие, чтобы добродетельные люди следовали добру, полностью избегали зла и шли путем, ведущим в Царство Небесное".

Этот *реквискат* монаха из Питерборо перенес нас на полвека вперед, пока Завоеватель, в полной зрелости своей силы и мощи, не проскакал навстречу своей смерти по крутой улице горящего города Мант и не был похоронен в своей собственной великой церкви аббатства в Кане. А добрый мир, который он подарил стране в конце концов, наступил как в Нормандии, так и в Англии лишь после многих бурных лет войн, мятежей и раздоров. Вильгельму было всего шестьдесят лет, когда он умер; когда его отец был погребен в базилике далекой Никеи, ему было всего семь или, самое большее, восемь лет. Завоевание Англии было совершено на сороковом году его жизни, когда он уже тридцать один год правил как герцог. Или, если вычесть годы его юности, завоевание Англии приходится как раз на середину пути между его совершеннолетием и смертью. Я привожу эти цифры, чтобы скорректировать перспективу. Место Вильгельма в череде английских королей настолько значимо, а его достижения в Англии настолько важны, что они всегда имеют тенденцию затмевать в нашем сознании его ранние годы в качестве герцога. Однако без этих лет становления не было бы завоевания Англии, и без их изучения невозможно понять это завоевание.

Если мы быстро пропустим, как это необходимо сделать из-за недостатка информации, дюжину лет несовершеннолетия Вильгельма, то обнаружим, что его правление в Нормандии было занято главным образом борьбой с его вассалами, соседями и королем Франции, что было необходимым следствием его феодального положения как герцога. Нормандские вассалы, всегда беспокойные и мятежные, после смерти Роберта Великолепного, похоже, вспыхнули с новой силой, и дошедшие до нас сведения о событиях следующих двенадцати лет свидетельствуют о постоянном состоянии анархии и беспорядка. Восстание баронов достигло своего апогея в 1047 году, когда вся Нижняя Нормандия поднялась под предводительством двух главных *виконтов* региона, Ранульфа из Байе и Неэля из Сен-Совера, руины родового замка которого Сен-Совер-ле-Виконт до сих пор встречают путешественника, выезжающего из Шербурга в Париж. Вильгельм, охотившийся в окрестностях Валогнаса, был вынужден бежать ночью полуодетым и в одиночку пробираться по вражеской территории к своему замку Фалэз по хитроумным тропам. С помощью французского короля ему удалось собрать армию из Верхней Нормандии и встретиться с мятежниками на большой равнине Валь-де-Дюн, недалеко от Кана, где *Мон-Жуа* французов и *Декс Ай* сторонников герцога ответили на призывы баронов к их местным святым - Святому Соверу, Святому Северу и Святому Аманду. Вильгельм одержал победу; лидеры восстания были отправлены в изгнание, но один из них, Гримуд из Плесси, предатель, очевидно, искавший смерти Вильгельма ночью в Валонье, был заключен в тюрьму в Руане в кандалы, которые он носил до самой своей смерти.

После краха великого восстания и разрушения замков мятежных баронов в Нормандии наступил период внутреннего мира и порядка. Однако внешние трудности скорее усиливались по мере роста власти молодого герцога. При обсуждении феодального общества слишком часто предполагается, что если между лордами и вассалами соблюдаются феодальные обязательства, то все идет хорошо, и что анархия, которой полны Средние века, была результатом нарушения этих феодальных связей. И хотя, несомненно, тяжелая вина лежит на прямых нарушениях феодальных уз, следует также помнить, что в самой структуре феодального общества существовал фундаментальный дефект. Этот недостаток можно выразить тем, что феодальные узы были только вертикальными, а не боковыми. Сеньор был связан со своим вассалом, а вассал - со своим сеньором, и пока эти отношения продолжались, они обеспечивали связь социальных и правовых отношений, которая могла бы удерживать общество вместе. Но между двумя вассалами одного и того же сеньора не было никакой связи, ничего, что обязывало бы одного из них жить в мире и согласии с другим. Совсем наоборот. Война была нормальным состоянием европейского общества в феодальный период, право на ведение частной войны было одним из заветных прав феодального барона, и оно распространялось везде, где его не ограничивали узы феодальности и вассалитета. Герцог Нормандии и граф Анжуйский были вассалами короля Франции, но их отношения друг с другом были совершенно независимыми и, за исключением особых соглашений или дружбы, обычно были отношениями вражды.

Поэтому важной частью истории Нормандии является борьба с соседями герцогства - Фландрией на севере, королевским доменом на востоке, Мэном и Анжу на юге и Бретанью на западе. К счастью для Нормандии, бретонцы были слабо организованы, а фламандцы, объединенные в один из самых сильных французских фьефов, были в целом дружелюбны, и в этот период дружба была скреплена браком Вильгельма с Матильдой, дочерью графа Фландрского, одним из немногих княжеских браков того времени, который был основан на привязанности и соблюдался с верностью. С Анжу дело обстояло иначе. Начав как пограничное графство против бретонцев нижней Луары, с черной скалой Анжера в качестве центра и крепости, Анжу, хотя и оставаясь сравнительно небольшим по площади, превратилось в одно из сильнейших государств западной Франции. При замечательных графах Джеффри Грейгауне, Фульке Красном и Фульке Черном, предках английских королей Плантагенетов, оно стало доминирующей державой на Луаре, а теперь при их преемнике Джеффри Молоте оно угрожало дальнейшей экспансией, раздвигая свои границы на север и восток. Джеффри, современник и соперник Вильгельма, известен нам по яркой характеристике, написанной его племянником и преемником и представляющей собой типичный фрагмент феодальной биографии:[25](#)

Мой дядя Джеффри стал рыцарем еще при жизни своего отца и начал свое рыцарство с войн против своих соседей: одну - против пуатевинцев, графа которых он захватил в Мон-Куре, а другую - против жителей Мэна, графа которых, по имени Герберт Бэкон, он также захватил. Он также вел войну против собственного отца, в ходе которой совершил множество злодеяний, в которых впоследствии горько раскаивался. После смерти отца, вернувшегося из Иерусалима, Джеффри овладел его землями и городом Анжером, воевал с графом Тибо Блуаским, сыном графа Одо, и по дару короля Генриха получил город Тур, что привело к новой войне с графом Тибо, в ходе которой в битве между Туром и Амбюзом Тибо был взят в плен с тысячей своих рыцарей. Таким образом, помимо части Турени, унаследованной от отца, он приобрел Тур и замки вокруг него - Шинон, Иль-Бушар, Шаторено и Сент-Энъян. После этого он воевал с Вильгельмом, графом норманнов, который впоследствии получил королевство Англия и был великолепным королем, и с народом Франции и Буржа, и с Вильгельмом графом Пуату, и с Эмери виконтом Туара, и с Хоэлем графом Нанта, и с

бретонскими графами Ренна, и с Хью графом Мэна, который отрекся от своей верности. За все эти войны и проявленную в них доблесть его по праву прозвали Молотом, как того, кто молотом повергал своих врагов.

В последний год своей жизни он сделал меня своим племянником рыцарем в возрасте семнадцати лет в городе Анже, на праздник Пятидесятницы, в год Воплощения 1060, и пожаловал мне Сентонж и город Сент из-за ссоры, которую он имел с Петром из Дидонны. В этом же году король Генрих умер в день Рождества святого Иоанна, а мой дядя Джеффри на третий день после Мартинмаса пришел к хорошему концу. Ибо в ночь перед смертью, отложив все заботы о рыцарстве и мирских делах, он стал монахом в монастыре святого Николая, который его отец и он сам построили с большой преданностью и наделили своим имуществом.

Главным источником конфликта между Вильгельмом и Джеффри стало графство Мэн, откуда анжуйцы овладели нормандскими крепостями Домфронт и Аленсон, и только после смерти Джеффри, в 1063 году, взятие его главного города, Леманса, завершило объединение Нормандии и Мэна, которое продолжалось на протяжении большей части нормандской истории. Завоевание Мэна стало первым плодом деятельности Вильгельма как завоевателя.

С сюзереном Вильгельма, королем Франции, отношения были более сложными. С юридической точки зрения не могло быть никаких сомнений в том, что герцог Нормандии является феодальным вассалом французского короля и как таковой связан обязательствами верности и службы, которые вытекали из его присяги на почтение и верность. На самом деле в обществе XI и XII веков такие узы свободно и часто разрывались, но не сбрасывались. Здесь, как и во многих других сферах средневековой жизни, мы встречаемся с тем постоянным противоречием между теорией и практикой, которое шокирует наши более последовательные умы. Как люди Средневековья терпели Священную Римскую империю, которая претендовала на всеобщее господство и зачастую осуществляла лишь самую локальную и рудиментарную власть, так они принимали монархию, подобную той, что была у ранних Капетингов, претендовавшую на власть над всей Францией и ограниченную в своем фактическом управлении несколькими фермами и замками в окрестностях Парижа. И так же, как они поддерживали идеалы возвышенного рыцарства и строгого аскетизма, далеко выходящие за рамки гнусной реальности обычного рыцарства или монашества, так и постоянное нарушение феодальных обязательств не меняло феодальных уз и не разрушало узла феодальных отношений. В эту эпоху необузданности свирепая дикость чередовалась с рыцарским великодушием, а неуправляемый гнев - с самоуничижительным покаянием.

В такие времена отношения короля и его великих феодалов во многом зависели от личного темперамента, политической ситуации и даже импульса момента, и мы не должны ожидать такой целеустремленности и последовательности в политике, которая преобладает в более спокойные периоды. Тем не менее, с учетом сиюминутных колебаний, отношения Нормандии с королями Капетингов развиваются по сравнительно простой схеме. Положение Нормандии в долине Сены и ее близость к королевским владениям открывали бесконечные возможности для трений, однако в течение примерно столетия напряженных отношений удавалось избегать благодаря союзу и дружбе, основанным на общих интересах. Хью Капет вступил на престол при поддержке нормандского герцога, а его преемники часто находили опору в нормандском оружии. Роберт Великолепный, отправляясь на Восток, передал своего юного сына королю Генриху, и наследник, судя по всему, рос под опекой короля. Именно Генрих спас Вильгельма от его баронов в 1047 году, и именно Вильгельм обеспечил более

половины солдат короля в кампании против Анжу в следующем году. Затем, примерно в середине одиннадцатого века, наступают перемены, которые объясняются растущей силой и влиянием Нормандии. Генрих поддержал восстание Вильгельма Аркского в 1053 году и предпринял попытку большого вторжения в Нормандию в том же году, а в 1058 году он сжег и разграбил свой путь в сердце нормандской территории. Выжидательная игра и своевременные атаки нанесли поражение этим попыткам при Мортемере и Варавиле, но Вильгельм отказался использовать свое преимущество для прямого нападения на своего короля, к которому он продолжал относиться с личным уважением как к своему феодалу. Даже после того, как Вильгельм сам стал королем, он, по-видимому, продолжал оказывать военную службу, которой был обязан как герцог. К этому времени, однако, подчинение стало лишь номинальным; просто как герцог Вильгельм был теперь более могущественным правителем, чем король Франции, и Капетинской монархии пришлось ждать своего часа еще более века.

Прежде чем оставить чисто норманнский период правления Вильгельма и перейти к завоеванию Англии, важно рассмотреть внутреннее состояние Нормандии под его властью. Даже самое тщательное исследование этой темы должно быть кратким из-за недостатка имеющихся свидетельств. Время не слишком ласково обошлось с нормандскими документами, и на фоне огромного массива англосаксонских хартий и уникального отчета об англосаксонской Англии, сохранившегося в Domesday survey, современная Нормандия может похвастаться лишь несколькими разрозненными документами и любопытным изложением прав и привилегий герцога при Вильгельме, составленным через четыре года после его смерти и лишь недавно восстановленным как авторитет для его царствования. Источники нормандской истории, вероятно, никогда не были столь обильны, как в Англии; безусловно, на континенте, за пределами Ватикана, нет ничего, что могло бы сравниться с необычайно полным и непрерывным рядом английских государственных документов. Огромные пробелы в нормандских записях, которые часто считают следствием революции, на самом деле появились гораздо раньше. Несомненно, во многих местах во время революционных восстаний происходило бессмысленное уничтожение документов, и в этот период было много потерь при примитивной организации местных архивов, как, несомненно, и во время небрежности и коррупции в период Реставрации. Тем не менее, изучение копий и выписок из монастырских и соборных архивов, сделанных учеными XVII и XVIII веков, показывает, что, за несколькими значительными исключениями, материалы для ранней нормандской истории тогда были немногим богаче, чем сейчас, так что большие потери должны были произойти до этого времени, то есть в Средние века и во время опустошения, вызванного английским вторжением и протестантскими войнами XVI века. Например, в соборной библиотеке в Байе хранятся три тома огромного картулярия, обуглившегося от огня, в который он был брошен при разграблении города протестантами. С другой стороны, следует отметить, что Французская революция принесла местным документам одно благотворное последствие - секуляризацию церковных архивов и их передачу в большие хранилища Департаментских архивов, чья организация до сих пор вызывает зависть у ученых-историков по всему Ла-Маншу. Тот, кто в течение многих месяцев пользовался доступом к этим замечательным коллекциям документов, может выразить свою благодарность тем, кто их создал, а также тем, кто сейчас так вежливо ими управляет.

Собирая воедино наши разрозненные сведения о Нормандии XI века, мы прежде всего отметим, что это было феодальное общество, то есть земля по большей части находилась в наследственном владении лорда при условии несения военной службы. Действительно,

феодалыне идеи распространились настолько далеко, что проникли даже в церковь, так что в некоторых случаях доходы духовенства передавались мирянам, а архидаконства и пребенды превращались в наследственные вотчины. Вместе с феодальной службой появились различные признаки феодального владения и развитая феодальная юрисдикция сеньора над своими арендаторами и больших баронов над меньшими. Во всем этом нет ничего, что отличало бы Нормандию от соседних стран северной Франции, и поскольку феодальное общество обычно является децентрализованным, мы должны были бы ожидать, что полномочия управления будут находиться в основном в руках местных лордов. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаются некоторые особенности, имеющие огромное значение как для нормандской, так и для английской истории.

Прежде всего, военная служба, причитающаяся герцогу, систематически оценивалась в грубых единицах по пять или десять рыцарей, и эта служба или ее подразделения были привязаны к определенным участкам земли, или рыцарским пошлинам. Размеры службы были установлены обычаем и регулярно соблюдались. Еще более значительными были ограничения, наложенные на военную мощь баронов. Символом и основой феодальной власти был замок, поэтому герцог запрещал строить замки и крепости без его разрешения и требовал передавать их ему по первому требованию. Частные войны и кровная месть пока не могли быть полностью запрещены, но они были строго ограничены. Никому не разрешалось выходить на поиски врага с хауберком, штандартом и рожком. В герцогских лесах запрещалось устраивать нападения и засады; нельзя было брать пленных во время междоусобицы, а также уносить с собой оружие, лошадей и имущество. Запрещались поджоги, грабежи и расточительство при предъявлении претензий на землю, и, кроме как за открытое преступление, никто не мог быть приговорен к потере конечности, кроме как по решению соответствующего герцогского или баронского суда. Чеканка монет, обычно являвшаяся привилегией крупных лордов, в Нормандии была монополией герцога. Что может означать отсутствие подобных ограничений, хорошо видно на примере Англии времен правления Стефана, когда частные войны, нелегализованные замки и баронская чеканка монет были главным злом разнузданной феодальной анархии.

В отправлении правосудия, несмотря на большие полномочия баронов, герцог имеет большую резервную юрисдикцию. Определенные места находятся под его особой защитой, определенные преступления отдаются преступнику на его милость. Административная машина, хотя во многих отношениях все еще примитивная, шла в ногу с властью герцога. Если у капетинского короля местными представителями были только полуфеодалыне агенты на его фермах, то у нормандского герцога для целей местного управления есть настоящий государственный чиновник, *виконт*, командующий его войсками, охраняющий его замки, поддерживающий порядок, отправляющий правосудие и собирающий герцогские доходы. Нигде превосходство нормандских герцогов над их королевскими владыками не проявилось так ярко, как в финансовом вопросе. Хозяйство капетинского короля XI века все еще было тем, что немцы называют *Naturalwirtschaft*, экономической организацией, основанной на оплате продуктами и трудом, а не деньгами. "Менее могущественный, чем некоторые из его великих вассалов", - так описывает его главный историк [Люшер26](#), - "король живет, как и они, за счет доходов от своих ферм и пошлин, платежей своих крестьян, труда своих крепостных, налогов, замаскированных под подарки, которые он берет с епископов и аббатов в окрестностях. Его амбары в Гонессе, Жанвиле, Манте, Этампе обеспечивают его зерном; его погреба в Орлеане и Аржантейле - его вином; его леса в Руврае (ныне Булонский лес), Сен-Жермене, Фонтенбло, Ивелине, Компьене - его дичью. Он проводит время на охоте, чтобы развлечься или накормить свой стол, и постоянно путешествует из поместья в поместье, из аббатства в аббатство, вынужденный в полной мере использовать свои права

на развлечения и часто переезжать с места на место, чтобы не истощать ресурсы своих подданных."

Иными словами, при существующих способах коммуникации перевозить короля и его домочадцев было проще, чем продукты, и король буквально "кочевал" с фермы на ферму. Такие условия были типичны для эпохи, и изменить их можно было только с развитием денежного обращения, позволявшего королю покупать там, где он хотел, и платить тому, кому он хотел, за услуги, будь то личные, политические или военные. Только с помощью твердых денег средневековый правитель мог стать независимым от ограничений, которые накладывал на него феодализм. Теперь, хотя нормандский герцог получал большую часть своих доходов от своих ферм и лесов, мельниц и рыболовства, местных монополий и пошлин, он также имел значительный денежный доход. Каждый *виконт* получал определенную сумму, и, вероятно, существовал регулярный метод сбора и учета. Если король хотел наделить монастырь доходами, он давал столько-то мер зерна на мельницах Буржа или столько-то мер вина на виноградниках Жуи; в то время как нормандский герцог в аналогичном положении давал деньги - двенадцать фунтов на ферме Аргентана, шестьдесят шиллингов и десять пенсов в виде пошлины в Эксме или сто шиллингов в *прево* Кана. Ничто не могло яснее показать превосходство Нормандии в фискальной, а значит, и в политической организации, где под формами феодализма мы уже можем разглядеть зачатки современного государства.

К государственной власти Вильгельма следует добавить его контроль над нормандской церковью. Глубоко секуляризованная и почти поглощенная окружающим ее светским обществом в результате вторжения норвежцев, нормандская церковь была обновлена и освежена волной монашеской реформы, прокатившейся по Западной Европе в первой половине XI века, и теперь занимала в духовном и интеллектуальном плане почетное и сильное положение. Но она не была верховной. Герцог назначал епископов и большинство аббатов, участвовал в провинциальных советах и пересматривал решения судов. Либеральный в дарах церкви и пунктуальный в соблюдении религиозных обрядов, Вильгельм не оставлял сомнений в том, кто является хозяином, а его уважительное, но независимое отношение к папству уже предвещало конфликт, в котором он заставил уступить даже могущественного Гильдебранда.

* * * * *

Я подробно остановился на этих вопросах внутренней организации не только потому, что они имеют фундаментальное значение для понимания многих институтов Нормандской империи, но и потому, что они также служат для объяснения того, как возникла Нормандская империя. Завоевание Англии настолько единообразно рассматривается с английской точки зрения, что часто представляется как более или менее случайное вторжение вольных разбойников. Если смотреть на это с должной точки зрения, которая, как я смею думать, является норманнской, оно предстает как естественный результат норманнской дисциплины и норманнской экспансии. Только потому, что герцог был силен дома, он мог надеяться быть сильным за границей, только потому, что он был хозяином необычайно энергичного, слаженного и хорошо организованного государства в Нормандии, он мог попытаться выполнить на первый взгляд невозможную задачу завоевания королевства и еще более сложную задачу организации его под твердым управлением. Мы должны учитывать не только слабость Англии, но и силу Нормандии, более сильной, чем любой из ее континентальных соседей, более сильной, чем даже сама королевская власть.

То, что экспансия Нормандии была направлена на Англию, стало результатом не только особых условий 1066 года, но и постоянного *сближения* двух стран, в котором активное участие принимала норманнская сторона. Благодаря географическому положению, скандинавскому заселению обеих стран и коммерческой предприимчивости купцов Руана, история Нормандии и Англии различными путями сближалась в X веке, пока в 1002 году брак английского короля Этельреда с Эммой, сестрой герцога Ричарда Доброго, не создал династические связи далеко идущего значения. Их сын Эдуард Исповедник воспитывался при нормандском дворе, так что его привычки и симпатии стали скорее нормандскими, чем английскими, а его восшествие на английский престол в 1042 году открыло путь к быстрому развитию нормандского влияния как в церкви, так и в государстве, которое Фримен, с его сильными антииностранными чувствами, считал настоящим началом Нормандского завоевания. Когда бездетное правление Эдуарда подошло к концу, на престол претендовали два основных претендента: Гарольд, сын Годвина, самого могущественного графа Англии, и герцог Вильгельм. Гарольд не мог претендовать на престол по наследству и до самой смерти Эдуарда, похоже, не пользовался поддержкой короля, но он был человеком сильным и властным и явно занимал ведущее положение в королевстве. Вильгельм, будучи внучатым племянником Этельреда и Эммы, был кузеном (первым двоюродным братом по отцу) Эдуарда, и это утверждение он подкрепил ранним высказыванием Эдуарда в его пользу и клятвой, которую он потребовал от Гарольда в поддержку своей кандидатуры. Точные факты относительно клятвы Гарольда, данной во время невольного визита в Нормандию за два или три года до этого, неизвестны, но она позволила Вильгельму представить себя защитником нарушенного обязательства и дала ему большое моральное преимущество в виде поддержки Папы Александра II, которому он передал вопрос на рассмотрение. После смерти Эдуарда Гарольд сам был избран *витаном*, или национальным советом, и коронован, так что на его стороне было все, что можно было получить от таких юридических форм и от поддержки, которая за ними стояла. Однако мы не должны допускать анахронизма, считая, что он был национальным героем или даже кандидатом от национальной партии. В одиннадцатом веке не было такого понятия, как нация в том смысле, в котором этот термин понимается в современном мире, и меньше всего это слово можно было применить к Англии, разбитой, разделенной и измученной датскими вторжениями и внутренними разногласиями. Даже понятие "иностранец" было еще смутным и неоформившимся, а правление Канута, не говоря уже о других, показало Англии, что ей нечего бояться короля иностранного происхождения. Состязание между Гарольдом, который был наполовину датчанином по крови, и Вильгельмом, как бы велико ни было его национальное значение, не может быть возведено в ранг национальной борьбы.

С момента смерти Эдуарда Исповедника и коронации Гарольда в январе 1066 года до переправы через Ла-Манш в сентябре Вильгельм был занят подготовкой к вторжению в Англию. Такая экспедиция выходила за рамки обязательств по несению военной службы, которые можно было требовать от своих феодальных вассалов, и Вильгельм был вынужден обратиться к норманнской любви к приключениям и ратным подвигам и пообещать обширные земли и богатую добычу в результате своих будущих завоеваний. Ему также пришлось привлекать рыцарей из других частей Франции - Бретани, Фландрии, Пуату, даже искателей приключений из далекой Испании и Сицилии. Кроме того, встал вопрос о транспорте, ведь у Нормандии не было флота, и создать за шесть месяцев семьсот лодок, которые обязались предоставить родственники и вассалы Вильгельма, было делом нелегким. Все было готово к концу августа в устье Дива, о чем американскому гостю напоминает причудливый отель Гийом-ле-Конкерант, но средневековые моряки не умели

ходить галсами против ветра, и шесть недель прошли в ожидании благоприятного бриза. Наконец было решено воспользоваться западным ветром до устья Соммы, и здесь, в Сен-Валери, флот собрался для последнего перехода. В конце сентября норманны высадились на берег в Певенси и двинулись к Гастингсу, где 15 октября встретились с войсками Гарольда, только что одержавшими великую победу над норвежцами при Стэмфордбридже.

Немногие сражения Средневековья по значимости могли сравниться с битвой при Гастингсе, и немногие известны лучше. Помимо прозаических рассказов латинских летописцев, у нас есть современные элегии Ги Амьенского и Бодри Бургуйского, пылкие стихи *"Романа де Ру"* мастера Уэйса, наиболее подробное повествование, но написанное, к сожалению, спустя столетие после события, и уникальное и яркое изображение на гобелене из Байе. Этот замечательный памятник, доступный всем в различных изданиях, представляет собой рулон ткани длиной двести тридцать футов и шириной двадцать дюймов, на котором красками вышит ряд из семидесяти девяти сцен, повествующих об истории Завоевания от отъезда Гарольда в злополучное путешествие, приведшее его ко двору Вильгельма, до окончательного поражения английской армии на поле Гастингса. Эпизоды, обозначенные краткими названиями, хорошо подобраны и выполнены с реалистичностью деталей, что имеет огромное значение для жизни и культуры эпохи. Хранившийся в соборе, а затем в муниципальном музее Байе, за исключением заметного перерыва в 1804 году, когда Наполеон выставил его в Париже, чтобы вызвать энтузиазм в отношении нового французского завоевания Англии, гобелен, судя по внутренним свидетельствам, был первоначально выполнен как украшение для этого собора английскими мастерами по приказу епископа Одо, сводного брата Завоевателя. Нет никаких оснований для распространенного мнения, что это работа королевы Матильды или ее фрейлин, но попытки поместить его на одно или даже два столетия позже оказались безуспешными против свидетельств доспехов и костюмов, и общее мнение ученых теперь рассматривает его как относящийся к одиннадцатому веку и, таким образом, в значительной степени современный событиям, которые на нем изображены.

Современная литература о битве также соразмерна ее значению. Классический рассказ о ней содержится в третьем томе величественной *"Истории нормандского завоевания"* Фримена, где история излагается с редким сочетанием мельчайших деталей и захватывающего повествования, напоминающего, как говорят, битву из *"Илиады"* или норвежской саги. Как бы ни было великолепно это повествование, его энтузиазм часто выходит за рамки свидетельств источников, и в ряде основополагающих моментов его уже нельзя признать исторически обоснованным. Теория палисады, на которой основывалась концепция Фримена об английской тактике, была разрушена язвительной критикой глубокого знатока англо-норманнской истории Дж. Горация Раунда, а вся его трактовка подверглась энергичной атаке с точки зрения научного изучения военной истории со стороны Вильгельма Шпатца и его выдающегося мастера Ганса Дельбрюка из Берлина. К сожалению, берлинские критики находятся под слишком сильным влиянием определенных теорий военной организации; они не называют английского солдата того периода дегенератом, но считают его, как и нормандского рыцаря, неспособным дисциплинированным и объединенным действиям, необходимым для настоящей стратегии, неспособным даже сформировать щитовую стену и выполнить притворное бегство, описанное современными летописцами битвы. Хотя верно, что средневековые сражения были гораздо более индивидуалистичными, чем сражения древних или современных армий, и не имели гибких условий, лежащих в основе современной тактики, есть лучшие из

современных свидетельств определенного стратегического движения при Гастингсе. Однако в одном вопросе современные военные критики заставили нас изменить наши представления о сражениях прежних времен, а именно в отношении численности участников. Против постоянной тенденции к преувеличению размеров военных сил, которая в Средние века усилилась из-за полной безрассудности летописцев при работе с большими цифрами, современная критика указала на ограниченность пространства для сражений, транспорта и комиссариата. Пять миллионов, с которыми Ксеркс, как говорят, вторгся в Грецию, физически невозможны, поскольку Дельбрюк показал, что при таком количестве войск, двигавшихся в нормальных условиях, арьергард не смог бы пересечь Тигр, когда первые персы достигли Фермопилеи. Точно так же пятьдесят или шестьдесят тысяч рыцарей, приписываемых Вильгельму Завоевателю, сокращаются до одной десятой, когда их сравнивают с официальными списками английских и нормандских рыцарских пошлин. Если армия Вильгельма не превышала пяти или шести тысяч человек, то армия Гарольда не могла быть намного больше, а вполне возможно, что и меньше; хотя панегирист Вильгельма оценивает численность англичан в 1 200 000 человек, не более 12 000 могли стоять в самом тесном строю на холме, который они заняли в Гастингсе. Мелкие стычки, для тех, кто следил за сражениями на Марне, Эзне, Висле и Сане, но не менее важные в мировой истории!

Несмотря на все споры, основные линии сражения представляются достаточно ясными. Войска Гарольда заняли хорошо обороняемый холм в восьми милях от Гастингса на лондонской дороге: впереди - профессиональная гвардия хаусекаров, защищенная сплошной стеной щитов и поддерживаемая тегнами и другими полностью вооруженными войсками, позади или по бокам - сельские левиты, вооруженные копьями, каменными дубинами и крестьянским оружием. У них было мало лучников и не было конницы, но крутой холм был хорошо защищен от атак норманнских коней и благоприятствовал стойкой обороне, которую диктовала английская тактика. Линия норманнов состояла сначала из лучников, затем из тяжеловооруженных пеших воинов и, наконец, из закованных в латы всадников, в центре которых находился Вильгельм со штандартом, полученным им от Папы. После предварительной атаки лучников и пеших рыцарей, рыцари вышли вперед, впереди шел менестрель Тайллефер, "жонглер, которого облагодетельствовало храброе сердце", *который много раз напевал, подбрасывая меч в воздух и ловя его, когда он пел...*

Де Карлеманье и де Поллант	О Роланде и Карле Великом,
E d'Oliver e des vassals	Оливер и все вассалы
Qui morurent en Rencevals.	Кто пал в бою при Ронсевальсе.

Но кони отпрянули от холма, преследуемые множеством англичан, и только вид Вильгельма, снявшего шлем с головы, чтобы его могли видеть его люди, снова сплотил рыцарей. Основная масса англичан стояла за щитами, и их строй можно было нарушить только притворным бегством, от которого норманны повернули, чтобы окружить и разрубить на куски своих преследователей. Но и тогда хаускарлы оставались непоколебимы, пока стрелы метких норманнских лучников не открыли бреши в их рядах, в которые всадники Вильгельма уперлись, отбиваясь от боевых топоров королевской гвардии. А затем, с наступлением темноты, Гарольд был смертельно ранен стрелой, гвардия была рассечена на части, а остатки бежали. "Здесь Гарольд был убит, а англичане обратились в бегство" - таков последний заголовок на гобелене из Байе, а на полях спойлеры срывают с мертвых почтовые плащи и сгоняют с лошадей убитых рыцарей.

"Одна битва решила судьбу Англии". Предстояла еще мрачная работа - усмирение Эксетера, преследование Нортумберленда, подчинение графов, но это были лишь локальные эпизоды. Не было никого, кроме Вильгельма, кто мог бы эффективно занять место Гарольда, и когда на Рождество он был коронован в Лондоне, он мог в свое удовольствие ослабить сопротивление. Хроника этих поздних лет относится скорее к английской, чем к нормандской истории.

Результаты завоевания также имеют главное значение для завоевателей. Для норманнов непосредственным результатом стали большие возможности для расширения во всех сферах жизни. Воину предстояло завершить покорение земель, организатору и государственному деятелю - внести новые коррективы в центральное и местное управление, прелату - привести свою новую епархию в соответствие с практикой церкви на континенте, монахам - основать новые приорства и управлять новыми землями, которые их монастыри теперь получали за Ла-Маншем. Норманнский горожанин и норманнский купец последовал за норманнскими войсками, в норманнскую колонию в Лондоне, в торговцев в портах, в округа на западной границе. Отчасти, конечно, перемены сводились к замене одних людей другими, к тому, что вместо Стиганда в Кентерберии появился нормандский архиепископ, на карте появились Монтгомери и Перси, Моубрей и Мортимеры, а также десятки других фамилий английской истории; но это была еще и работа по перенастройке и реорганизации, которая потребовала от норманнов всего их конструктивного дара. Определенная *элегантность* проходит через норманнскую жизнь и отражается в норманнской литературе, по мере того как норманны все больше осознают славу своих достижений и величие своей новой империи. Англия стала придатком Нормандии, и люди еще не понимали, что вскоре эти отношения изменятся на противоположные.

Для Англии Нормандское завоевание навсегда определило ориентацию английской политики и английской культуры. Географически относясь, вместе со скандинавскими странами, к окраинным землям Европы, Британские острова подвергались серьезной опасности разделить свою удаленность от общего движения европейской жизни и дрейфовать в глубине истории. Союз с Нормандией повернул Англию на юг и сразу же втянул ее в полное течение европейских дел - политические переплетения, церковные связи, культурные влияния. Англия стала частью Франции и тем самым полностью вошла в жизнь мира, к которому принадлежала Франция. Она восприняла французскую речь, французскую литературу и французское искусство; ее право стало в значительной степени франкским, а ее институты - более феодальными. Однако связь с Францией проходила через Нормандию, и французское влияние приобретало нормандские формы. Больше всего это касалось той области, в которой норманны преуспели, - государственного управления: Английский феодализм был норманнским феодализмом, в котором бароны были слабы, а центральная власть сильна, и именно тяжелая рука норманнских королей превратила расшатанное и распадающееся англосаксонское государство в английскую нацию. Англия европеизировалась только ценой норманизации.

С точки зрения как непосредственных достижений, так и конечных результатов, завоевание Англии стало венцом норманнской истории. Несомненно, что-то было обусловлено удачей - отсутствием английского флота, благоприятной возможностью во французской политике, ошибками англичан. Но основополагающими фактами, без которых все это ничего бы не значило, были сила и дисциплина Нормандии и личность ее лидера. Дипломат, воин, вождь

людей, Вильгельм был прежде всего государственным деятелем, и именно его организаторский гений "превратил поражение английского оружия в становление английской нации". Однако этот организаторский талант не был исключительным даром нормандского герцога, его в значительной степени разделяли и нормандские бароны, о чем красноречиво свидетельствует история нормандского правления в Италии и Сицилии. Для Вильгельма и его последователей завоевание Англии лишь дало более широкое поле для реализации качеств государственного строительства, которые уже проявились в Нормандии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Подробное изложение отношений между Нормандией и Англией в XI веке дано Э. А. Фрименом в его *"Истории нормандского завоевания"* (Оксфорд, 1870-79), но значительная часть этой работы нуждается в переработке в свете более поздних исследований, особенно исследований Раунда. Существует краткая биография Вильгельма Завоевателя, написанная Фрименом в серии "Двенадцать английских государственных деятелей" (Лондон, 1888), и более полная, написанная Ф. М. Стентоном в "Героях народов" (1908). Об институтах Нормандии см. мои статьи на "Рыцарская служба в Нормандии в одиннадцатом веке" в *English Historical Review*, XXII, pp. 636-49; "Нормандские *Consuetudines et iusticie*" Вильгельма Завоевателя", *ibid.* XXIII, pp. 502-08; и "Нормандия при Вильгельме Завоевателе", в *American Historical Review*, XIV, pp. 453-76 (1909); также L. Valin, *Le duc de Normandie et sa cour*, 912-1204 (Paris, 1910). О церкви и государстве см. Н. Böhmer, *Kirche und Staat in England und in der Normandie* (Leipzig, 1899). О взаимоотношениях нормандских герцогов с их континентальными соседями рассказывают А. Fliche, *Le règne de Philippe Ier roi de France* (Paris, 1912); L. Halphen, *Le comté d'Anjou au XIe siècle* (Paris, 1906); R. Latouche, *Histoire du comté du Maine pendant le Xe et le XIe siècle* (Paris, 1910); F. Lot, *Fidèles ou vassaux* (Paris, 1904), ch. 6 (о феодальных отношениях нормандских герцогов и французских королей). Есть хороший очерк Франции XI века, сделанный Люшером в *"Истории Франции"* Лависса, II, часть 2; более полная работа по этому периоду ожидается от Мориса Пру. Литературу о битве при Гастингсе см. в Gross, *Sources and Literature*, nos. 707a, 2812, 2998-3000; наиболее важные работы - Round, Spatz и Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst*, III, pp. 147-62 (1907). Гобелен Байе наиболее доступен в небольшом издании Ф. Р. Фоука (переиздание, Лондон, 1913); см. также Gross, № 2139, и Ph. Lauer, в *Mélanges Charles Bémont* (Paris, 1913), pp. 43-58. Фримен обсуждает результаты Завоевания в своем пятом томе; см. также Gaston Paris, *L'esprit normand en Angleterre*, в *La poésie du moyen âge*, вторая серия (Париж, 1895), pp. 45-74.

IV НОРМАНДСКАЯ ИМПЕРИЯ

В лекции о Нормандии и Англии мы стремились представить в нормандской перспективе события, приведшие к нормандскому завоеванию, и показать, как этот решающий триумф нормандской силы и смелости стал возможен благодаря развитию исключительной герцогской власти в Нормандии и Мэне и личному величию Вильгельма Завоевателя. Теперь нам предстоит проследить дальнейший процесс экспансии - до шотландской границы, до Ирландии, до Пиренеев, пока империя королей Плантагенетов не стала главным

политическим фактом в Западной Европе. Нормандская империя является выдающейся чертой двенадцатого века, как завоевание Англии - одиннадцатого.

* * * * *

Это великое имперское государство принято называть не Нормандской, а Анжуйской империей, поскольку его правители Генрих II, Ричард и Иоанн происходили по мужской линии от графов Анжуйских. Однако это словосочетание является ошибочным, поскольку заставляет предполагать, что анжуйские графы были ее создателями, что ни в коем случае не так. Центром империи была Нормандия, а ее основателями - нормандские герцоги. Брак принцессы Матильды с графом Джеффри Плантагенетом присоединил Анжу к Нормандии, а не Нормандию к Анжу, и именно в качестве герцога Нормандии их сын Генрих II начал свою политическую карьеру. Расширение его владений на юг за счет брака лишь придало Нормандии центральное положение в его королевстве, и именно потеря Нормандии при Иоанне привела к краху империи.

Против применения термина "империя" к владениям Генриха II можно привести более веские доводы. Насколько мне известно, оно не опирается ни на один современный авторитет, и даже если бы фразу удалось случайно найти у писателя двенадцатого века, она не имела бы никакого веса. Западная Европа в Средние века знала только одну империю - Священную Римскую империю германской нации - с одной точки зрения, ни Священную, ни Римскую, ни империю, как заметил Вольтер много позже, но, возрожденная Карлом Великим и Оттоном Великим, она представляла уму средневековья идею универсальной монархии, которую они унаследовали от Древнего Рима. Для людей двенадцатого века императором был Фридрих Барбаросса; он не мог быть Генрихом II. Правительство нормандско-анжуйского правителя также не согласуется с современным определением империи как "государства, образованного властью одного государства над другими государствами".²⁷ Его различные владения, если не считать Ирландии, не были зависимы ни от Англии, ни от Анжу, ни от Нормандии. Король в Англии, герцог в Нормандии, граф в Анжу и Мэне, снова герцог в Аквитании, Генрих управлял каждым из своих владений как его феодал - точно так же, как если бы германский император в наши дни объединил в себе титулы короля Пруссии и Баварии, великого герцога Баденского, герцога Брауншвейгского, принца Вальдекского и так далее по всем членам Германской конфедерации. Такое государство не является империей в смысле древней Римской или современной Британской империй, поскольку не имеет зависимых территорий. Это империя только в более широком и свободном смысле слова, великое составное государство, большее, чем простое королевство, и имперское по протяженности, если не по организации.

То, что королевство Генриха было имперским по протяженности, легко увидеть по карте. Оно простиралось от Шотландии до границ Испании, как империя его современника Фридриха I простиралась от Балтики и Северного моря до центральной Италии. И если королевства Германии, Италии и Бургундии, составлявшие империю Фридриха, в совокупности занимали большую территорию, то фактическая власть правителя, будь то в армии, правосудии или финансах, была явно меньше, чем в англо-норманнском государстве. У Генриха была более сильная армия, большие доходы, более централизованное правительство. Кроме того, норманнская империя была менее искусственной, чем кажется нам на первый взгляд, привыкшим к ассоциациям современной карты. В государстве, расположенном вдоль Ла-Манша, не было ничего аномального, особенно при средневековых способах коммуникации: Нормандия была ближе к Англии, чем Ирландия; из Лондона в Руан было так же легко добраться, как из Лондона в Йорк. Географические связи были также сильны между континентальными владениями Генриха, ведь дороги двенадцатого века не исходили из

Парижа, а шли в основном по старым римским линиям, а из Руана было прямое и легкое сообщение с Леманом, Туром, Пуатье и Бордо. В вопросе расы мы также должны остерегаться заблуждений, связанных с нашими современными представлениями. Английская нация была лишь самым смутным понятием, французская нация не существовала до XV века, а личная преданность владыке многих земель была естественным выражением условий эпохи. Вопреки нашим предрассудкам, единое государство должно быть сформировано из твердолобого норманна, кельтского рыбака с бретонского побережья, "пекера острова" более позднего времени, анжуйца, туранго, пуатевинца, трубадура из Аквитании, и гасконец с далекого юга, с его чужой кровью и неарийским языком, уже хорошо заметный тип, чьи развязно-гасконские замашки предвещают д'Артаньяна из *"Трех мушкетеров"* и "гасконского кадета" *Сирано де Бержерака*. Но управлять этими разнообразными землями из Лондона или Руана было не сложнее, чем из Парижа; сделать их частью нормандской империи было в то время так же легко, как и французского королевства. Над различными языками и диалектами господствовала латынь, на которой говорили о законах и управлении, и французский язык, на котором говорили о суде и делах; а в политических вопросах эти страны, как мы увидим, были вполне способны к объединенным действиям.

Давайте вспомним, как формировалась империя Генриха II. После смерти Завоевателя в 1087 году земли, которые он объединил и которыми управлял с таким добрым миром, были разделены между двумя его старшими сыновьями - Робертом, получившим Нормандию, и Вильгельмом Рыжим, Англия. За исключением регентства Вильгельма над Нормандией во время отсутствия его брата в крестовом походе, эти две страны оставались разделенными во время его правления, и вновь объединились только в 1106 году, когда преемник Вильгельма, его младший брат Генрих I, победив и свергнув Роберта при Тинчбруе, правил как герцог Нормандии и король Англии. Это было наследство, которое после смерти принца Вильгельма на Белом корабле Генрих пытался передать своей дочери Матильде, но оно по большей части перешло к его племяннику Стефану Блуаскому. Стефан, однако, так и не смог прочно закрепиться в Англии и вскоре уступил Нормандию мужу Матильды, графу Джеффри Анжуйскому, который завоевал ее и стал править ею от имени своего сына Генриха, впоследствии Генриха II. Коронованный герцогом Нормандии в 1150 году, Генрих сменил отца на посту графа Анжуйского в следующем году, а после смерти Стефана в 1154 году стал королем Англии. Тем временем, в 1152 году, он заключил брак величайшей политической важности с Элеонорой, герцогиней Аквитанской, чей союз с французским королем Людовиком VII только что был аннулирован папой; этот союз сделал его хозяином Пуату, Аквитании и Гаскони, а вместе с ними и двух третей Франции. За исключением некоторых изменений в центральной Франции, единственным дополнением к этим территориям, сделанным во время правления Генриха, было завоевание восточной Ирландии в годы, последовавшие за 1169 годом. Мы не можем углубляться в эти ирландские кампании и их последствия для всей последующей истории острова. Отметим лишь, что ведущие духи были норманнами, за исключением тех, кто был ирландскими изгнанниками, и что имена, которые теперь появляются в ирландских летописях, - это норманнские имена: Лаки и Клары, Фицджеральды и де Курси, такие же ирландцы, как и сами ирландцы.

Таким образом, империя Генриха II осталась в том объеме, в каком она была при его восшествии на английский престол в возрасте двадцати одного года; она была не создана им, а унаследована или присоединена в результате брака. Соответственно, он может претендовать на величие не как завоеватель, а как правитель. Но хотя Генрих мало что предпринимал для завоевания новых территорий, он многое сделал для укрепления своих владений и расширения европейского влияния и власти. Его дочери были замужем за

величайшими принцами своего времени: Генрихом Львом, герцогом Саксонии и Баварии, королем Альфонсом VIII Кастильским, королем Вильгельмом II Сицилийским. Он заключил союз с правителем Прованса и планировал брак с Савойским домом, который дал бы ему контроль над проходами в Италию. Он принимал участие в борьбе папы и антипапы, папы и императора, вел переписку с константинопольским императором, отказался от короны Иерусалимского королевства и умер накануне своего отъезда в крестовый поход. Никто не мог претендовать на большее влияние на международные дела своего времени.

Занимая такое международное положение, Генрих не должен рассматриваться, как это обычно делается, только как английский король. Он родился и получил образование на континенте, начал править на континенте и провел большую часть своей жизни в своих континентальных владениях. Он управлял большей территорией за пределами Англии, чем в ней самой, и его континентальные земли занимали в его политике не меньшее место, чем Англия. Возможно, это слишком много, чтобы сказать, выражаясь современным языком, что он "мыслил имперски", но он определенно не мыслил национально; и когда его последний биограф говорит о континентальных походах Генриха как об "иностранных делах" ²⁸, он мыслит изолированно, поскольку Нормандия, Анжу, Гасконь были не более иностранными, чем сама Англия. Генрих не является национальной фигурой, ни английской, ни французской; он интернационален, если не сказать космополитичен. Только с точки зрения более поздних времен мы можем связывать его с английской историей, когда после распада Нормандской империи при его сыновьях постоянное влияние его деятельности продолжало наиболее полно ощущаться в Англии.

И как человек, и как правитель, фигура Генриха II дошла до нас искаженной любовью и ненавистью эпохи самых яростных и ожесточенных споров. Блестящий, но едва ли героический для своих друзей, для своих врагов он был настоящим демоном тирании и преступлений, чей яркий конец навевал множество моралей о грехах принцев и возмездии Всевышнего. Исключительно сильный мужчина, он не считался в каком-то смысле сверхчеловеком, а скорее был очень похож на человека, искушенного во всех отношениях, как и другие люди, и уступающего там, где уступают они. Грузный, с бычьей шеей, чувственный, с квадратной челюстью, веснушчатым лицом, рыжеватыми волосами и огненными глазами, которые пылали во внезапных пароксизмах гнева, он, по выражению епископа Стаббса, "должен был выглядеть в целом как грубый, страстный, беспокойный человек" ²⁹. "В целом он выглядел грубым, вспыльчивым, беспокойным человеком" ²⁹. Доминирующее впечатление производит неутомимая энергия, сопровождаемая физической неугомонностью, которая заставляла его шептать и писать во время мессы, охотиться с утра до ночи и постоянно ездить с места на место по своим обширным владениям с быстротой, которая всегда заставляла его врагов врасплох. Однажды он преодолел сто семьдесят миль за два дня. Хорошо образованный для принца своего времени и способный держать себя в руках в беседе с придворными клерками, его вкусы не были ни умозрительными, ни романтическими, но рано обратились к практической жизни. Он был прежде всего "способным, благовидным, проницательным, осторожным, беспринципным деловым человеком" ³⁰, любящим работу и любящим детали, с ярко выраженным организаторским даром и мастерством дипломатии, мудрым в подборе подчиненных, искусным в уклонении, но быстрым и уверенным в действиях. Сильный, ясно мыслящий и упорный, Генрих представляет собой тип человека, занимающегося крупными делами, и в другую эпоху мог бы сколотить большое личное состояние как успешный бизнесмен. В двенадцатом веке главная возможность для таланта такого рода была в

государственной жизни, где королевский дом был одновременно и правительством государства, укрепление королевской власти было самым надежным средством достижения национального единства и безопасности, а интересы короля совпадали с интересами государства. В наши дни, с их криками о том, что на государственных должностях должны быть деловые люди, это кажется вполне естественным; но мы должны помнить, что феодализм означал прямо противоположное эффективности бизнеса, и что проблема создания эффективного правительства в феодальном обществе во многом зависела от поддержания делового управления правосудием, финансами и армией. Своими успехами в этих областях Генрих проделал долгий путь к созданию современного государства и, по сути, создал самое высокоорганизованное и эффективное правительство своего времени в Западной Европе.

Наши представления о характере государственной деятельности Генриха II в результате современных исследований претерпели некоторые изменения. Прежде всего, стало ясно, что он был скорее администратором, чем законодателем, и что те его законодательные акты, которые дошли до нас, относятся скорее к категории инструкций для его чиновников, чем к общим законам. Эти меры лишены постоянства статута; они дополняются, изменяются, отменяются в соответствии с волей государя, чей беспокойный нрав проявлялся в постоянной череде юридических и административных экспериментов. Многие из его изменений, по-видимому, осуществлялись скорее по устному приказу, чем по письменным инструкциям. Во-вторых, оригинальность Генриха несколько уменьшилась благодаря более тщательному изучению работ его предшественников, в частности Генриха I, в правление которого теперь можно проследить за работой некоторых элементов, которые когда-то считались нововведениями его внука. Однако в целом деятельность Генриха II выдерживает проверку анализом и позволяет ему занять достойное место в ряду государственных деятелей Средневековья.

* * * * *

Как бы ни была развита политическая организация владений Генриха, во многом она была обусловлена обстоятельствами своего времени, и мы должны быть осторожны, представляя себе ее в терминах двенадцатого века, а не пятнадцатого или двадцатого. В распоряжении нормандского государя не было ни одной из юридических или бюрократических традиций, которые все еще сохранялись в Константинополе и не могли не оказать влияния на нормандское королевство Сицилии. Не пришло время и для создания из рук в руки сильного центрального правительства для своих различных территорий, как это стало возможным в Бургундском государстве XV века и в Австрийском государстве, которое было создано по его образцу. Генрих находился в центре феодального общества и должен был извлечь из него максимум пользы. Ему приходилось считаться с партикулярными традициями своих владений, а также с феодальной оппозицией сильному правительству, а Западная Европа была еще далека от тех экономических условий, которые лежат в основе современных бюрократий.

Когда мы говорим об англо-норманнской или анжуйской империи, мы, соответственно, должны с самого начала выбросить из головы любое представление о правительстве со столицей, центральным казначейством и судебной системой, а также общим собранием. Центральная казна существовала только в самых развитых государствах, и прошло много лет, прежде чем суды утвердились на постоянной основе в Вестминстере и Руане. Правительство все еще было чем-то личным, сосредоточенным в личности государя, а государственные министры все еще были его домашними слугами. У короля не было постоянной резиденции, и, когда он переезжал с места на место, его домочадцы и служащие

переезжали вместе с ним. Действительно, короли только начинали понимать, что безопаснее оставлять свои сокровища в каком-нибудь крепком замке, чем таскать их с собой в странствиях; только в 1194 году захват Ричардом Львиное Сердце своего багажа научил французского короля Филиппа Августа оставлять свои деньги и титулы в Париже, когда он отправлялся в военный поход. Мы не должны удивляться тому, что главным общим элементом империи Генриха был сам Генрих, дополняемый его ближайшими домашними офицерами, и что многие из этих офицеров, такие как сенешали и юстициары, были ограничены в своих функциях Англией, Нормандией или Анжу, и обычно оставались в своей стране, чтобы присматривать за делами в отсутствие короля. Однако было и одно заметное исключение - канцлер, или королевский секретарь. Будучи по обычаю духовным лицом, что исключало возможность превращения его должности в наследственную вотчину, характер обязанностей канцлера постоянно привязывал его к персоне государя и делал его естественным спутником королевских поездок. Однако он был далеко не простым личным секретарем или амануэсом, а стоял во главе регулярного секретарского бюро, имевшего своих клерков и капелланов и свою хорошо организованную систему наблюдения за делами короля. Изучение истории институтов показывает, что в целом нет лучшей проверки силы или слабости средневекового правительства, чем его канцелярия. Если у него не было канцелярии, как это было при ранних нормандских герцогах, или если его методы, как видно из его официальных актов, были нерегулярными и неделовыми, как при Роберте Куртуазном, то в общем ведении дел, несомненно, будет недостаток организации и преемственности. Если же, напротив, канцелярия была хорошо организована, ее правила и практика регулярно соблюдались, документы были четкими, ясными и точными, это, как правило, означало, что за ней стоит эффективное правительство.

Теперь, если судить по самым строгим стандартам, канцелярия Генриха II достигла высокой степени совершенства. Совсем недавно она стала предметом тщательного исследования самого выдающегося медиевиста нашего времени, покойного Леопольда Делисле, который не может сдержать своего восхищения ее регулярностью, точностью и законченностью, а также необычайной широтой и быстротой ее работы. Документы, изданные от имени Генриха II во время его долгого тридцатипятилетнего правления, говорит [Делиль31](#), "как для его английских, так и для континентальных владений, составлены по одному плану в одинаковых формулах и выражены с безупречной точностью в простом, ясном и правильном стиле, который также удивительно единообразен, за исключением небольшого числа документов, в которых видна рука не королевских чиновников". Если суждение этого мастера нуждается в поддержке, я буду рад подтвердить его личным изучением нескольких сотен хартий и ордеров Генриха. Такое единообразие, следует заметить, свидетельствует не только о масштабах и технических достижениях канцелярии, но и о схожих административных условиях в различных доминионах, которым адресованы эти документы: должностные лица, функции, юридические и административные процедуры везде очень похожи. Более того, изучение этих хартий выявляет еще один факт, имеющий фундаментальное значение. Еще более важным, чем единообразие процедуры в канцелярии, является тип издаваемого документа, поскольку сила правительства заключается не в законодательстве, а в управлении, то верный показатель эффективности государства можно найти в объеме и характере его административной переписки. По этому показателю Нормандская империя намного опережает всех своих современников. Каждый платеж из казны, каждое разрешение счета, каждый призыв в армию, каждое распоряжение или запрет исполнительной власти осуществлялись официальным королевским распоряжением - *per breve regis*, как мы читаем страницу за страницей в списках счетов. Из многих тысяч подобных распоряжений, изданных в правление Генриха, до нас дошли лишь немногие, но

никто не может читать их, краткие, прямые, выверенные до костей и мышц, не осознавая, какой острый ум и какие четкие административные методы они представляют. Вот пример: [32](#)

H. Dei gratia rex Anglorum et dux Normannorum et Aquitanorum et comes Andegavorum R. thesaurario et Willelmo Malduit et Warino filio Giroldi camerariis suis salutem.

Liberate de thesauro meo XXV marcas fratribus Cartusie de illis L marcis quas do eis annuatim per cartam meam.

Teste Willelmo de Sancte Marie Ecclesia. Apud Westmoster.

Разумеется, цель этих предписаний может быть самой разной: отнять у А эту землю; сделать право Б на эту ренту; закрепить С в его владении; привести своих рыцарей в такое-то место в такое-то время; созвать двенадцать человек для решения вопроса о праве Д; - но каждое имеет свою форму, которая всегда четкая и точная. Все они говорят на языке сильной, деловой администрации, которая ожидает быстрого и беспрекословного повиновения во всех своих обширных владениях.

Если такой системе дать достаточно времени, она неизбежно окажет сильное и упорное влияние в пользу централизации и единообразия, и было бы интересно узнать, что было достигнуто в этих направлениях за полвека существования Нормандской империи. Прощальный совет, который Генрих получил от своего отца Джеффри, заключался в том, чтобы избегать переноса обычаев и институтов из одной части королевства в другую, и мудрость этого предупреждения была очевидна в феодальных условиях, если не во всех имперских правительствах. Но есть разница между областью местных обычаев и институтами управления, и если даже в вопросах феодального права есть некоторые свидетельства обобщения определенных реформ в правилах наследования, то в управлении государством невозможно было держать различные части империи в герметичных отсеках до тех пор, пока существовала общая администрация и частый обмен чиновниками между различными регионами. Мы должны помнить, что Генрих был постоянным экспериментатором, и если что-то хорошо работало в одном месте, оно обязательно должно было быть опробовано в другом. Так, ассизы оружия и ордонанс о десятине для крестоносцев были впервые обнародованы в его континентальных владениях, а великое английское расследование рыцарских пошлин в 1166 году на шесть лет опередило параллельную норманнскую меру. Великая борьба с Бекетом по поводу церковных судов, похоже, имела нормандский пролог. Хронологический порядок в каждом конкретном случае вполне может быть делом случая; но в административных вопросах влияние, скорее всего, распространялось от более старых и лучше организованных доминионов к новым и более слабо связанным, от Англии, Нормандии и Анжу, с одной стороны, к Пуату, Аквитании и Гаскони - с другой.

* * * * *

Из наследственных территорий Генриха Анжу представляется наименее важным с точки зрения конституционного влияния. Гораздо меньшая по площади, чем Нормандия или Англия, она была компактным и сравнительно централизованным государством задолго до воцарения Генриха, но возможность немедленных действий со стороны графа упростила ее управление до такой степени, что ее опыт не имел большого значения в англо-нормандских условиях. Определенно не прослеживается никакого анжуйского влияния в области финансов, и оно не представляется вероятным в отправлении правосудия. В случае Нормандии и Англии сходство институтов наиболее близко, и возникает множество

интересных проблем, которые возвращают нас к последствиям Нормандского завоевания и даже дальше.

Разумеется, одной из фундаментальных проблем английской истории является вопрос о том, насколько сильно было норманизировано правительство Англии в столетие после завоевания. Для французского ученого, такого как Бутми, все начинается заново в 1066 году, когда "была прослежена и определена линия, по которой впоследствии шла вся история политических институтов".³³ Для Фримена же, напротив, введенные тогда изменения были временными, а не фундаментальными. Он не устает повторять, что старые англичане - это настоящие англичане; прогресс приходит путем возвращения к принципам англосаксонского периода и отбрасывания новшеств, которые вкрались в современное и злое время; "мы продвинулись вперед, вернувшись к более древнему положению вещей, мы реформировали, вызвав к жизни институты более ранних и грубых времен, освободив себя от рабских тонкостей норманнских юристов, отбросив как проклятую вещь новшества тирании Тюдоров и узурпации Стюартов."³⁴ Тенденция современного научного мнения лежит между этими крайностями. Оно отказывается отбрасывать англосаксонский период, чьи институты мы только начинаем правильно читать; но оно отвергает его идеализацию руками Фримена, который, как было сказано, видел все вещи "сквозь туман мотов и витанов", а не такими, какими они были на самом деле, и находит больше правды в замечании Карлайла, что горшкообразное спокойствие англосаксов нуждалось в тренировке и дисциплине столетия нормандской тирании.³⁵

Много ли в нем было нужды или мало, но норманнский учитель пришел и сделал свое дело, и когда он закончил, две страны были во многих отношениях похожи. Он оставил свой след в английском языке и английской литературе, которые в течение трех столетий были погружены во французский язык двора, замка и города и в процессе навсегда превратились в смешанную речь. Он оставил свой след в архитектуре в виде великих соборов норманнских епископов и массивных замков с норманнскими хранилищами. Он сделал Англию феодальным обществом, как бы далеко она ни продвинулась в этом направлении, а ее законодательство с того дня и по сей день - феодальным. И он переделал центральное правительство под сильной рукой властной династии, которая заставляла своих подданных выполнять волю короля. Каким бы постоянством мы ни наделяли англосаксонские местные институты, - а мы не можем не признать их таковыми в значительной степени, - сейчас не считается, что англосаксы оказывали какое-либо заметное влияние на центральную администрацию. В лучшем случае Англия до Завоевания представляла собой рыхлое скопление племенных общин, разделенных местными чувствами и ревностью крупных графов, и ее королевская власть не укреплялась с течением времени. Национальное собрание мудрых людей, чью настойчивость Фримен тщетно пытался доказать, стало феодальным советом нормандских баронов, а этот совет, *curia regis* и королевский дом, который был его постоянным ядром, стали отправной точкой нового конституционного развития, которое привело к появлению палаты лордов, судов закона и великих департаментов центральной администрации.

* * * * *

Однако в энергичном государстве центральное и местное никогда не бывают полностью разделены, и именно там, где они соприкасаются, недавние исследования смогли показать некоторую преемственность в развитии между двумя периодами, а именно в фискальной системе, которая достигла кульминации в казначействе английских королей. Из всех

институтов англо-норманнского государства ни один не является более важным и более характерным, чем казначейство, иллюстрирующее одновременно сравнительное богатство государей и эффективное управление государством. Нигде в Западной Европе король не получал таких больших доходов, как здесь; нигде они не собирались и не управлялись так регулярно и по-деловому; нигде счета не дают такого полного представления о "всей структуре общества". Основные черты этой системы просты и поразительны.

В каждом административном округе Нормандии и Англии у короля был свой агент - в Англии шериф, в Нормандии *виконт* или *байли* - для сбора доходов, которые состояли в основном из доходов с земель и лесов, пошлин и штрафов в королевских судах, доходов от различных феодальных инцидентов и различных платежей, которые время от времени взимались под названием данегельд, скутадж, помощь или дар. Дважды в год, на Пасху и на Михайлов день, эти агенты должны были являться в казначейство и предоставлять свои отчеты королевским чиновникам. На Пасху шериф должен был вносить половину своей выручки, получая за это до 1826 года квитанцию в виде палочки с зазубринами или тали, разделенной посередине, чтобы было точное соответствие между частью, оставленной в казне, и частью, унесенной шерифом, которая должна была быть предъявлена при сведении счетов за год в Михайлов день. Большая сессия казначейства в Михайлов день была очень важным событием и подробно описана в интереснейшем современном трактате "*Диалог о казначействе*", написанном казначеем короля Ричардом в 1178-79 годах. Там шериф встречался с крупными чиновниками королевского двора, которые были также крупными чиновниками англо-норманнского государства - юстициаром, канцлером, констеблем, казначеем, камергером и маршалом, усиленными клерками, счетчиками, калькуляторами и другими помощниками. Свое название это место и учреждение получили от клетчатого стола или шахматной доски - латинское название *scaccarium* означает "шахматная доска", по размеру и форме не отличающейся от бильярдного стола, покрытого сукном, на котором были вычерчены столбцы для пенсов, шиллингов, фунтов, сотен и тысяч фунтов. На одной стороне были начертаны суммы, которые шериф должен был выплатить, а на другой он и его клерк пытались компенсировать их с помощью счетов, квитанций, ордеров и жетонов, представляющих реальную наличность. Этот великий поединок, разыгранный с мастерством и осторожностью каждой из сторон, поскольку ставки были высоки, можно было сравнить с шахматной партией между шерифом и королевскими чиновниками. Его результаты записывались каждый год, округ за округом и пункт за пунктом, на большом свитке, названном трубным свитком из-за трубок, или шкур пергамента, сшитых конец в конец, из которых он состоял. Для Англии у нас есть непрерывная серия этих свитков, начиная со второго года правления Генриха II, а также странный свиток Генриха I, представляющий собой уникальную для современной Европы запись о финансах и правительстве. Серия, несомненно, была столь же полной для Нормандии, но от правления Генриха сохранился только вал 1180 года и фрагменты вала 1184 года. Для других земель Плантагенетов ничего не сохранилось.

Эта замечательная фискальная система включала в себя, соответственно, регулярный метод сбора доходов, центральное казначейство и счетную комиссию, а также особый и тщательный способ проверки счетов. Ничего подобного не было к северу от Сицилии, и современники восхищались как ее административной эффективностью, так и богатством и ресурсами, которые она подразумевала. Хотя нечто подобное, похоже, существовало на всех территориях империи Плантагенетов, и различные органы, по-видимому, поддерживали определенное сотрудничество, все наши записи происходят из Англии и Нормандии, и не может быть никаких сомнений в том, что это отчетливо англо-норманнское учреждение. Однако вопрос о том, является ли он английским или нормандским по происхождению и как

он появился, во многом остается неясным. Казначейство не является нововведением Генриха II, поскольку сохранившийся список Генриха I и некоторые случайные свидетельства показывают, что оно существовало по обе стороны Ла-Манша в правление его деда. Во времена автора *"Диалога"* существовала традиция, что он был привезен из Нормандии Вильгельмом Завоевателем, но ее следует отбросить, поскольку некоторые элементы системы можно проследить в англосаксонской Англии. Правда в том, что казначейство - сложный институт, некоторые части которого могут быть довольно древними и являться результатом параллельного развития по обе стороны Ла-Манша; по крайней мере, проблема приоритета не имеет определенного решения. Однако его наиболее характерная черта - особый метод счета - не кажется ни норманнским, ни английским, а происходит от абака древних римлян, который использовался и преподавался в континентальных школах XI и XII веков.

Тот, кто попытается решить с помощью римских цифр простую задачу на сложение или вычитание, а еще лучше - на умножение или деление, без труда поймет, почему люди, не знакомые с арабской системой счисления, прибегали к счетной машине или абакусу. Трудность, конечно же, заключается не столько в неуклюжей форме отдельных римских чисел, сколько в отсутствии нуля и отсчета по положению, который он делает возможным. Этот недостаток восполняет абакус. С помощью шлифованной доски, покрытого тканью стола или ряда жетонов он обеспечивал ряд столбцов, каждый из которых представлял десятичную группу - единицы, десятки, сотни и т. д., - с помощью которых можно было быстро и точно выполнять числовые операции. Арифметика абакуса, используемая древними римлянами, как и современными китайцами, стала регулярным предметом обучения в школах Средневековья, откуда его счета были введены в операции англо-норманнской казны. Самый последний исследователь этого предмета, Реджинальд Лейн Пул, связывает это изменение с англичанами, которые учились в соборной школе Лаона в начале двенадцатого века. Мне же кажется, что это произошло несколько раньше, благодаря абакистам, приехавшим в Англию в XI веке из школ Лотарингии.³⁶ В любом случае его введение было гораздо большим, чем просто изменение в счетоводстве. Как ни удобен был такой подсчет в целом, он был единственно возможным методом для людей, не умевших ни читать, ни писать, таких как англо-норманнские шерифы и многие королевские чиновники, и его использование позволило вести фискальные дела государства в больших масштабах, открыто и публично, полной справедливости по отношению ко всем сторонам, точности, определенности и оперативности. Это была деловая система для занятых и деловых людей.

* * * * *

В истории судебного управления личная инициатива Генриха II проявилась более ярко, чем в финансовой сфере. Король особенно любил юридические вопросы и часто принимал участие в их решении, однако его влияние было направлено в первую очередь на создание системы судов и судей, которые могли бы работать в его отсутствие и без его вмешательства. Хотя этот институт уже встречался ранее и в Англии, и в Нормандии, именно в правление Генриха система странствующих судей была полностью организована с регулярным кругом заседаний и быстро расширяющейся юрисдикцией, которая разрушала местные привилегии и исключения и своими решениями создавала общее право. Будучи до сих пор главным феодальным собранием, занимавшимся делами короля и его баронов, при Генрихе королевский суд становится постоянным органом профессиональных судей и трибуналом для всего королевства. Не случайно в его правление появился трактат Гланвилла *"Законы и обычаи Англии"* - первый из великой серии учебников, ставших вехами развития английского

права. Правление Генриха также является важным периодом в развитии нормандского права, самая ранняя формулировка которого дошла до нас через десять лет после его смерти в "*Très Ancien Coutumier de Normandie*", а сведение местных обычаев к письменности - это процесс, который происходил и в других его континентальных владениях; однако, как и в области финансов, Англия и Нормандия явно лидировали в юридической литературе и в развитии права. Действительно, различие между правосудием и финансами не такое резкое, как может показаться на первый взгляд, поскольку рост юрисдикции означал увеличение прибыли от пошлин и штрафов, а для обеспечения вмешательства королевских судей требовались большие выплаты. В этом смысле Генриха часто называли, и вполне справедливо, продавцом правосудия, но его последний биограф отмечал, что "если товар был дорогим, то он, по крайней мере, был лучшим в своем роде, а между продажей правосудия и несправедливости лежит глубокая пропасть. Взятка может потребоваться, чтобы привести в движение машину закона, но она не сможет отклонить ее ход, когда она уже запущена".³⁷ Колеса правительства вращаются как корыстными интересами, так и бескорыстной государственной мудростью.

Из множества судебных реформ правления Генриха ни одна не является более значимой, чем меры, принятые им для расширения использования суда присяжных в качестве метода разбирательства в королевских судах, и ни одна не иллюстрирует лучше отношение норманнов к английским институтам. Как ни характерен суд присяжных в истории английского правительства и английского права, как одновременно палладиум личной свободы и основа представительных учреждений в парламенте, поразителен тот факт, что изначально он был "не народным, а королевским", не английским, а нормандским, или, скорее, франкским через посредничество [Нормандии](#)³⁸. Хотя история присяжных насчитывает более тысячи лет, они появились в Англии только после Нормандского завоевания, а решающие шаги в их дальнейшем развитии были сделаны во время союза Англии и Нормандии и, вероятно, в результате норманнского опыта. В настоящее время ученые считают, что современный суд присяжных - это результат присяжных дознаний соседей, проводившихся по приказу норманнских и анжуйских королей, и что процедура этих дознаний во всех существенных отношениях та же, что и у франкских правителей за три века до этого. Кроме того, по общему мнению, хотя подобные расследования появились в Англии сразу после нормандского завоевания - ярким примером тому служат результаты исследования Domesday, - их использование в судебных процессах остается исключительным до эпохи Генриха II, когда они становятся в определенных случаях вопросом права и частью устоявшегося закона страны. То, что до этого было особой привилегией короля и тех, кому он ее даровал, при Генрихе стало правом его подданных и частью обычной системы правосудия. Это расширение прерогативной процедуры короля на его подданных, несомненно, происходило постепенно, сначала для одного класса дел, а затем для другого, но, похоже, было сформулировано в определенном королевском акте или серии актов, возможно, в королевских ордонансах или ассизах, откуда процедура часто называется ассизой. В Англии самая ранняя из известных нам ассиз появилась в 1164 году в Кларендонских конституциях, за которыми вскоре последовало применение этого способа судебного разбирательства к другим видам дел. В Нормандии неоднократные упоминания о подобных ассамблеях встречаются несколькими годами ранее, между 1156 и 1159 годами, так что, насколько можно судить по имеющимся данным, приоритет Нормандии в этом отношении очевиден. Более того, Нормандия предлагает два свидетельства, которые являются еще более ранними. В старейшем картотеке собора Байе, называемом *Черной книгой* и до сих пор хранящемся высоко в одной из его древних башен, находятся два предписания герцога, предписывающие его судьям провести дознание под присягой, в соответствии с герцогским ассизом, по фактам спора между епископом Байе и некоторыми

из его арендаторов. Герцогский инициал был оставлен пустым, когда эти грамоты копировались в картотеку, чтобы позже его мог вставить в красках иллюминатор, который так и не появился; и те, кто впервые изучал эти документы, сделали поспешный вывод, что они были изданы Генрихом как герцогом Нормандским до того, как он стал королем. Однако обычно средневековые писцы не оставляли рубрикатора без руководства, когда ему нужно было вставить свои инициалы, а слегка помечали нужную букву на самом месте или на полях, и внимательное изучение хорошо исписанных полей *Черной книги* Байе показывает, что это не было исключением из правил, и что в обоих случаях, о которых идет речь, инициал G был тщательно указан. G, конечно, может означать только отца Генриха, Джеффри, так что для его правления можно доказать общее использование assize в качестве метода судебного разбирательства в герцогских судах. Поскольку до нас не дошло никаких подобных документов о его предшественниках, было бы заманчиво предположить влияние анжуйских прецедентов; но это противоречит тому, что мы знаем о судебных институтах Анжу в этот период, а также о политике Джеффри в Нормандии, которая должна была во всех отношениях следовать системе Генриха I. Хотя первое общее использование присяжного дознания как способа судебного разбирательства, таким образом, предшествовало Генриху II, это все же нормандский институт.

Было бы слишком утомительно обсуждать многочисленные проблемы, связанные с использованием суда присяжных в правление Генриха, или следить за многими изменениями, которые все еще необходимы для преобразования присяжного дознания в современный суд присяжных. Для нашей цели достаточно отметить его норманнский характер: сначала он был перенесен в Англию норманнами в своей старой форме, а затем развился в свою новую форму на норманнской земле. Однако следует помнить, что его более поздняя история относится скорее к Англии, чем к Нормандии. С появлением новых форм судопроизводства в XIII веке суд присяжных на континенте приходит в упадок и в конце концов исчезает; "если бы не завоевание Англии, - говорит Мейтланд, - он бы погиб и давно стал предметом антикваров".³⁹ Однако в Англии он рано вошел в отношения с местными судами сотни и графства, где пустил корни и превратился в популярный метод судопроизводства, который впоследствии стал защитой против королевских чиновников, впервые введших его. Являясь оплотом свободы личности, суд присяжных также занимает важное место в становлении представительного правления, ведь именно с помощью представительных присяжных сельские жители впервые заявили о себе в местных судах, как при установлении налогов, так и при решении дел, и именно в переговорах королевских чиновников с местными присяжными мы можем проследить зарождение Палаты общин. Не случайно первое использование местных присяжных для оценки военных и фискальных обязательств относится к поздним годам правления Генриха II.

Может показаться, что от франкских расследований девятого века до присяжных и представительных собраний двадцатого еще далеко, но развитие идет непрерывно, и ведет оно через Нормандию. В этом смысле англоязычные страны являются наследниками ранних норманнов и норманнских королей, которые, пусть и неосознанно, обеспечивали распространение и увековечивание норманнских методов судопроизводства. В такие моменты история Нормандии сливается с историей Англии, Британской империи и Соединенных Штатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Основные события истории Нормандской империи описаны в общих работах мисс К. Л. Норгейт "Англия при анжуйских королях" (Лондон, 1887); сэра Дж. Х. Рамсея "Анжуйская империя" (Лондон, 1903); Г. Б. Адамса "История Англии от норманнского завоевания до смерти Иоанна" (Лондон, 1905); Х. У. К. Дэвиса "Англия при норманнах и анжуйцах" (Лондон, 1905). Существует краткая биография Генриха Второго, написанная миссис Дж. Р. Грин (Лондон, 1888; переиздание, 1903); и более поздняя - Л. Ф. Зальцмана (Бостон, и др., 1914). Примечательную характеристику Генриху и его деятельности дает Уильям Стаббс во введении к своему изданию "Бенедикт из Питерборо, II" (Лондон, 1867), перепечатанному в его "Исторических введениях" (Лондон, 1902), с. 89-172. О континентальных аспектах правления см. F. M. Powicke, *The Loss of Normandy* (Manchester, 1913); и его статьи в *English Historical Review*, XXI, XXII (1906-07). Ср. A. Cartellieri, *Die Machtstellung Heinrichs II. von England*, in *Neue Heidelberger Jahrbücher*, VIII, pp. 269-83 (1898); F. Hardegen, *Imperialpolitik König Heinrichs II. von England* (Heidelberg, 1905). Наиболее полный отчет об ирландских делах содержит G. H. Orpen, *Ireland under the Normans* (Oxford, 1911).

* * * * *

Лучшим общим изложением конституционных и правовых вопросов являются работы Стаббса, *Конституционная история Англии*, I (последнее издание, Оксфорд, 1903), исправленные различными специальными исследованиями Дж. Х. Раунда, которые можно найти, главным образом, в его *Феодальной Англии* (Лондон, 1895; переиздание, 1909) и *Лондонской коммуне* (Вестминстер, 1899); и Поллока и Мейтланда, *История английского права* (второе издание, Лондон, 1898). Результаты последних исследований включены в исследования и примечания, приложенные к французскому переводу Стаббса, выполненному Пти-Дютайи (Париж, 1907); этот дополнительный материал переведен на английский язык У. Э. Родсом (Манчестер, 1911). Замечательные исследования канцелярии содержатся в L. Delisle. *Recueil des actes de Henri II concernant les provinces françaises et les affaires de France*, introduction (Paris, 1909); и о казначействе в R. L. Poole, *The Exchequer in the Twelfth Century* (Oxford, 1912). См. также Hubert Hall, *Court Life under the Plantagenets* (London, 1890; переиздание, 1902). О более ярко выраженной норманнской стороне государственного управления см. в Haskins, "The Government of Normandy under Henry II," in *American Historical Review*, XX, pp. 24-42, 277-91 (1914-15); и более ранние работы "The Early Norman Jury," *ibid.*, VIII, pp. 613-40 (1903); "The Administration of Normandy under Henry I," in *English Historical Review*, XXIV, pp. 209-31 (1909); "Normandy under Geoffrey Plantagenet," *ibid.*, XXVII, pp. 417-44 (1912); Delisle, *Des revenus publics en Normandie au XIIe siècle*, in *Bibliothèque de l'École des Chartes*, X-XIII (1848-52); Valin, *Le duc de Normandie et sa cour*, дополненный R. de Fréville, "Étude sur l'organisation judiciaire en Normandie aux XIIe et XIIIe siècles," in *Nouvelle Revue historique de droit*, 1912, pp. 681-736. Лучшим общим изложением норманнского права до сих пор является работа H. Brunner, *Die Entstehung der Schwurgerichte* (Berlin, 1872).

V НОРМАНДИЯ И ФРАНЦИЯ

В июле 1189 года Генрих II лежал при смерти в своем замке Шинон. Покинутый и атакованный своими сыновьями, изгнанный из Лемана и Тура Филиппом Французским и

вынужденный заключить унижительный мир, больной телом и сломленный духом, престарелый король добрался до старой твердыни анжуйских графов в долине Вьенны. Проклиная неверного Ричарда, когда тот насильно поцеловал его в Коломбьер, он возлагал надежды на своего младшего сына Иоанна, пока ему не принесли список тех, кто отрекся от верности. "Сир, - сказал писарь, зачитавший документ королю, охваченному лихорадкой, - да поможет мне Христос, первым здесь записан граф Иоанн, ваш сын". "Что, - вскричал король, поднимаясь с постели, - Иоанн, мое сердце, мой лучший возлюбленный, ради продвижения которого я навлекаю на себя все эти страдания? Пусть теперь все идет как идет; я больше не забочусь ни о себе, ни о чем-либо в этом мире". Через два дня он умер, проклиная своих сыновей, проклиная день своего рождения и постоянно повторяя: "Позор побежденному королю". Покинутый всеми, кроме своего незаконнорожденного сына Джеффри, который получил благословение отца и перстень с английским леопардом, Генрих был разграблен своими слугами, лишившись золота, вещей и одежды, как Вильгельм Завоеватель был разграблен в час своей смерти в Руане, пока кто-то из жалости не набросил на труп короля короткий плащ, или "мантию с прорезями", за которую его называли люди. Через два дня его тихо уложили в женском монастыре Фонтевро, где более поздний возраст лишил его могилу всего, кроме благородной лежащей фигуры, которой она отмечена до сих пор. Так ушел из жизни величайший правитель своей эпохи; так начался распад Нормандской империи.

* * * * *

Поразительно драматичный как в общественном, так и в личном плане, конец Генриха II дает материал для греческой трагедии, и мы можем, если захотим, представить себе Эсхила или Софокла, рисующих стремительность его взлета, *гибрис* его великолепия и сокрушительную *враждебность* его падения. Даже прометеевские нотки не лишены отрыва непобежденной души Генриха от Бога, когда он в полете оглядывается на горящий город Ле-Ман: "Боже мой, раз уж, чтобы увенчать мое смятение и увеличить мой позор, ты так подло отнял у меня город, который я любил больше всего на земле, где я родился и вырос, где похоронен мой отец и тело святого Юлиана, я отомщу и тебе; я непременно отниму у тебя то, что ты любишь во мне больше всего." Жизнь Генриха не нуждается в кощунственном завершении, чтобы предоставить неисчерпаемый материал для нравоучений, а в эпоху Средневековья, как никакую другую, отданную моральным урокам, она послужила источником многих историй о преступлениях и судьбе злодеев. Тщеславный и занятный валлиец Джеральд де Барри, или Гиральд Камбрэнский, в котором один из недавних авторов считает, что обнаружил [протожурналиста](#)⁴¹, нашел в карьере Генриха основу для большой книги, посвященной *наставлениям принцев*. Но если пути богов темны и непостижимы для греческих трагиков, то для Джеральда в них нет никакой тайны. Наказание Генрих получил за нарушение религии: во-первых, за брак с Элеонорой, разведенной женой его феодала Людовика VII, во-вторых, за ссору с архиепископом Бекетом и последовавшие за этим притеснения церкви, и в-третьих, что самое страшное, за неучастие в крестовом походе. Молот церкви, Генрих был рожден для разрушения. Современный мир более осторожен в вопросах объяснения необъяснимого и склонен искать человеческие причины, когда их можно найти, однако крах империи Плантагенетов - не самая сложная проблема для историка. Что-то он припишет более масштабным силам развития, что-то - характеру сыновей Генриха и его политике в отношении них.

Генрих II - не единственный в истории случай короля, который мог управлять всеми домами, кроме своего собственного, отца, который был проницательным и суровым в отношениях с миром, но был подвержен безответной привязанности и несвоевременной слабости в

отношениях со своими детьми. Зная других людей, он не знал своих сыновей, и его грубые ошибки в отношениях с ними были ошибками государственной политики, поскольку касались управления его владениями и престолонаследия. Даже тем, кто не испытывал симпатий к Генриху, было мало что сказать в оправдание характера и неблагоприятного поведения его сыновей. "От дьявола мы пришли и к дьяволу мы вернемся", - сказал Ричард, и никто не захотел ему возразить. Из четырех законных сыновей, достигших зрелости, старшим был Генрих, коронованный отцом в 1170 году и потому известный как Молодой король. Красивый и приятный, расточительный *в щедрости*, покровитель рыцарских видов спорта и особенно турниров, входивших тогда в моду, Молодой король пользовался большой популярностью при жизни, а после ранней смерти был оплакан как ровесник Гектора и Ахилла и запечатлен как герой придворной романтики. Однако все это не имело под собой никаких оснований. Он был неверным, неблагодарным, абсолютно эгоистичным, занозой в боку своего отца и постоянным источником слабости империи. Женившись в возрасте пяти лет на дочери Людовика VII, он стал орудием французского короля в его интригах против Генриха II, а также центром феодальной реакции и личной ревности. Король по имени, но не по сути, будучи коронован лишь в качестве средства обеспечения престолонаследия, принц Генрих жаждал по крайней мере собственного подвластного королевства и дважды, в 1173 и 1183 годах, возглавлял серьезные и широкомасштабные восстания против своего отца, дурные результаты которых не были отменены его покаянием на смертном одре в разгар второго восстания. В этом восстании 1183 года с ним был его младший брат Джеффри, герцог Бретани, "сын погибели", такой же лживый и вероломный, лишенный даже такого искупительного достоинства, как популярность. К счастью, Джеффри тоже умер раньше своего отца.

После смерти молодого короля старшим наследником Генриха остался Ричард, известный современному миру как Левинное Сердце. Обладая большой энергией отца, Ричард, похоже, больше, чем кто-либо из его братьев, унаследовал вкусы и темперамент своей матери, Элеоноры Аквитанской. Авантюрный и пылкий, любитель пышности и великолепия, ценитель поэзии и музыки, будь то песни провансальских менестрелей или торжественные церковные песнопения, он принадлежал по этой стороне своей натуры к герцогам Аквитании и стране трубадуров. Он любил войну и опасности, в которых проявлял большую личную храбрость, а при проведении военных предприятий демонстрировал выдающиеся способности стратега; но его дарования правителя на этом не заканчивались. Блеск его личных подвигов и романтика его крестоносных приключений могли бы поразить воображение современников больше, чем прозаические достижения его отца, а его дары религиозным домам могли бы даже склонить в его пользу историков монастырей, но за все это великолепие его подданные платили по счетам. Несмотря на огромные доходы, ему постоянно требовались деньги на свои экстравагантности, а для его фискальных поборов никогда не находилось оправдания в виде масштабных мер государственной политики. Действительно, насколько мы можем судить, Ричард не имел никакой государственной политики. "Его амбиции, - говорит Стаббс, - были амбициями простого воина: он готов был сражаться за что угодно, но продавал все, за что стоило сражаться".⁴² Самолюбивый и эгоцентричный, он следовал туда, куда вели его желания, не чувствуя ни верности своим обязательствам, ни ответственности как правителя. Став герцогом Аквитании в семнадцать лет, он стремился преодолеть все препятствия и немедленно навести порядок и единство в регионе, который никогда не пользовался ни одним из этих благ; и он быстро поставил на уши страну, которую должен был лучше всего понимать. Вскоре он поднял восстание против своего отца, а также воевал с Молодым королем; впоследствии в своих целях он перешел на сторону короля Франции и шутил со своими приближенными над тем, как его отец был посрамлен и низложен. Даже став королем в возрасте тридцати двух лет, Ричард оставался

импульсивным юношей; он так и не повзрослел. Надменный и властный, он отторгал от себя друзей и союзников; унаследовав управление огромной империей Плантагенетов, он не проявил никакого понимания имперского долга или возможностей. Так, за десять лет своего правления он посетил Англию всего два раза, и ценил ее исключительно как страну, с которой его министры могли бы получать доходы, а его континентальные владения не извлекали выгоды из его присутствия. Порывистый и недальновидный, Ричард Йе-и-Ней должен был встретиться в смертельном соперничестве с величайшим государственным деятелем своего времени; и хотя панегиристы ставили его выше Александра, Карла Великого и короля Артура, он бесславно пал перед Филиппом Августом.

Последним идет младший сын Джон, "мое сердце, мой лучший возлюбленный". Никогда еще отец не расточал своей любви более недостойному ребенку. Обманутый отцом, обманутый братом Ричардом, Джон оказался обманутым всеми, кто когда-либо доверял ему, будь то мужчина или женщина. В нем не было ни смелости и отваги Ричарда, ни его большого и великолепного пути, ни его популярности и дара лидерства. Люди видели его таким, каким он был, - не Карлом Великим или Артуром, а мелким, подлым и трусливым, ничтожным даже в своих богохульствах, клянувшимся ногами или зубами Бога, в то время как Генрих II привычно клялся глазами, а Вильгельм Завоеватель - своим великолепием - *par la resplendor De!* Хитрость Джона, всегда изворотливая, иногда создавала ему репутацию умника, а Джон Ричард Грин дошел до того, что назвал его "самым искусным и безжалостным из Анжуйских". Но его способности, особенно в военных делах, были из тех, что растрачиваются на временные ухищрения и мелкие успехи; они были неспособны на постоянную политику или продолжительные усилия, и везде заканчивались неудачей. Джеральд, валлиец, друг его юности, в конце концов может назвать его только худшим из тиранов истории. Вся карьера Иоанна служит самым убедительным доказательством бесполезности таланта в отрыве от характера, под которым здесь подразумевается не столько личная добродетель, - ведь личные пороки Иоанна были общими с другими представителями его семьи и его времени, - сколько общая честь, надежность и стойкость. Даже в своих злодеяниях Иоанн был изворотлив и лжив, и потеря империи произошла не из-за какого-то одного промаха или ряда промахов, а из-за высшего греха - отсутствия характера.

Таким образом, можно увидеть, насколько сильно распад Нормандской империи был связан с семейной историей Генриха II - глупыми поблажками отца, амбициями и интригами матери, ревностью, предательством и политической несостоятельностью сыновей. Будучи личным творением, государство Плантагенетов рухнуло во многом по личным причинам. Если Генриху не повезло иметь таких сыновей, то можно сказать, что ему также не повезло иметь более одного сына любого рода, поскольку каждый из них становился ядром сепаратистского движения на той или иной территории. Короли Франции, как часто отмечалось, на протяжении многих поколений имели огромное преимущество: у них был сын-наследник, но только один сын. Коронация французского наследника при жизни отца обеспечивала бесспорное престолонаследие; коронация молодого короля оставляла его недовольным и вызвала соперничество младших братьев.

Но это еще не вся история. Сама сила и эффективность правления Генриха должны были вызвать реакцию в пользу феодальных свобод, в которых его сыновья служили лишь удобными центрами кристаллизации. Только время могло объединить каждое из этих владений внутри, в то время как для консолидации их в постоянное королевство требовалось гораздо больше времени, и эти процессы были прерваны, едва начавшись. Такое решение конечной проблемы консолидации было, как мы видели, вполне возможным и даже

естественным; но было возможно и другое, также естественное, а именно объединение этих территорий под властью короля Франции. География, как и история, склонялась ко второму варианту.

* * * * *

Географическое единство Франции - один из самых очевидных фактов на карте Европы. Альпы и Пиренеи, Средиземное море и Атлантический океан - вот ее естественные границы; только на северо-востоке границы размыты природой и оставлены на усмотрение истории. В этих пределах, конечно, есть много четко обозначенных подразделений - долины Роны, Гаронны, Луары и Сены, Гасконь, Бретань, Нормандия, Фландрия и другие - которые образовали великие вотчины Средневековья и великие провинции более поздних времен. Однако рано или поздно, по мере увеличения численности населения, развития торговли и коммерции, укрепления средств коммуникации, эти разделения должны были объединиться в одно большое государство. Местонахождение центра нового государства не было делом случая, оно во многом определялось великими коммуникационными линиями, и особенно торговой осью, проходящей от Средиземного моря до Фландрии и Ла-Манша. На этой линии расположены римская столица галлов Лион и современная столица Париж. Этот факт, в сочетании с центральным и доминирующим положением Парижского бассейна по отношению к великим долинам Сены, Луары и Мёза, утвердил регион вокруг Парижа, Иль-де-Франс в истории, как естественный центр будущей нации. Такое государство могло расти извне по направлению к своему центру, как современное королевство Италия замкнулось на Риме, но более естественным был процесс роста из центра наружу, как Англия выросла из Уэссекса или Бранденбург из области под Берлином. В великой борьбе между Капетингами и Плантагенетами Капетинги "держали внутренние линии". Отгороженный от моря как со стороны Луары, так и со стороны Сены, он мог сосредоточить все свои усилия, чтобы прорвать железное кольцо, в то время как норманнские правители должны были удерживать все свои далеко разбросанные территории от реакции и восстаний внутри страны, а также от французов в Туре и Ле-Мане и в Векшине. Тем временем вверх и вниз по этим долинам влияние торговли, коммерции и путешествий разрушало политические барьеры и влекло отдаленные регионы к географическому центру. Реки в своих руслах боролись против Плантагенетов.

Личный фактор в борьбе был весомей в пользу англо-норманнской империи, чем физико-географический, поскольку слабые звенья в престолонаследии Плантагенетов шли параллельно сильнейшей части линии Капетингов. Против такого рыцаря-изгоя, как Ричард, и такого пустяка, как Иоанн, выступал великий европейский государственный деятель в лице Филиппа Августа, короля Франции на протяжении сорока четырех лет и более чем кто-либо другой создатель французской монархии.

* * * * *

Филипп Август не был героической фигурой, и людям своего века он, вероятно, был менее симпатичен, чем его противник Ричард. Энергичный и выносливый, с щедрой печенью, вспыльчивый, но не терпящий ненависти, Филипп был в первую очередь осторожным, проницательным, беспринципным и дальновидным государственным деятелем. Он умел сражаться, когда это было необходимо, но не обладал большой личной храбростью и преуспел скорее в стратегии и предвидении, чем в тактике или руководстве на поле боя, и предпочитал добиваться своих целей с помощью дипломатии. Качество, на котором останавливаются все его современники, - это его мудрость. На протяжении всего своего долгого правления он держал перед собой единственную цель - увеличение королевской

власти, и своими терпеливыми и удачливыми усилиями он развалил империю Плантагенетов, удвоил королевские доходы и более чем вдвое увеличил королевские владения, и сделал Францию ведущей международной державой в Западной Европе.

Как мы уже видели, Филипп добился значительных успехов еще при жизни Генриха II. Коронованный в 1179 году в возрасте четырнадцати лет, за год до смерти своего парализованного отца Людовика VII, Филипп, естественно, относился к Генриху как к мальчику, который, однако, похоже, все время действовал с должным учетом положения Филиппа как короля и своего феодального сюзерена. В сложностях тех первых лет мы видим, что Генрих постоянно улаживал споры с вассалами короля и не раз спасал его из трудного положения. Но со временем эти отношения стали невозможны. Филипп открыто потворствовал мятежам Молодого короля и Ричарда, а в разразившейся в конце войны Ричард открыто сражался на его стороне. Однако как только Ричард вступил на престол, Филипп начал враждовать с ним, и вскоре использовал Иоанна против Ричарда, как когда-то Ричарда против его отца. "Разделяй и властвуй", - такова была политика Филиппа, и на его стороне всегда был тот факт, что он был королем во Франции, а Плантагенеты на континенте - его вассалами.

Первая фаза поединка между Ричардом и Филиппом является приятной интерлюдией в истории пограничных споров и семейного соперничества, которые составляют большую часть запутанной истории взаимоотношений Филиппа с Нормандской империей. Она переносит нас за море, в прекрасную землю Сицилии и к самым воротам Святого города. В 1100-1187 году взятие Иерусалима увенчало долгие усилия великого Саладина, и там, где за столетие до этого христианские рыцари ездили "до уздечки" в крови убитых мусульман, процессия рыцарей, священников и бедняков вышла из ворот Давида и оставила Гроб Господень неверным. Для сарацинов это был знак того, что они - единственный народ, "чье учение угодно Богу". Падение Иерусалима убило престарелого Папу, погрузило Европу в молитвы и посты и положило начало Третьему крестовому походу под предводительством императора Фридриха Барбароссы, Филиппа Французского и Ричарда Английского. Ричард, тогда всего лишь граф Пуату, стал первым западным принцем, принявшим крест в этой священной войне; его отец и Филипп вскоре скрепили свои крестоносные обеты публичным примирением под большим вязом на границе Нормандии и Франции, и летописцы рассказывают, что каждый человек заключил мир со своим соседом, не думая больше о турнирах и красивых одеждах, похоти плоти и гордости глаз, а только о восстановлении Святого города. Такие большие волны отречения и религиозного энтузиазма характерны для Средневековья, но их сила вскоре была исчерпана. Тогда, как и в другие времена, мало кто мог жить, как на вершине горы. Несмотря на все, что могла сделать церковь, Генрих и Филипп вскоре вступили в открытую войну, и дело Иерусалима было поглощено борьбой за Луару и аквитанские крепости. Ричард, как мы уже видели, был центральным пунктом в этих конфликтах, и его восшествие на престол просто продолжило борьбу в другой форме.

Тем не менее мир был заключен, и безвольный Филипп не смог остаться в стороне от крестового похода, который разжег военный пыл его главного вассала и соперника. Всеми способами были собраны большие суммы денег, и оба короля заключили соглашение о разделе поровну всех трофеев их экспедиции. Они также договорились отправиться на Восток морем после того, как соберут свои корабли и последователей в Мессине, избежав таким образом обычных осложнений с Восточной империей и рокового похода через бесплодные и враждебные внутренние районы Малой Азии, которые теперь требовали еще одной жертвы в лице галантного германского императора. В лучшем случае, однако, крестовый поход не был организованной кампанией под эффективным руководством, а

просто рядом независимых экспедиций, которые сочли удобным отправиться в одно и то же время и одним и тем же маршрутом. Не было верховного командования, и постоянно возникали ревность и трения между феодалами, которые всегда были нетерпимы к сдержанности и осторожны в вопросах достоинства и старшинства. Присутствие короля в какой-то мере помогало, присутствие двух только усугубляло ситуацию. Если бы можно было забыть о причинах соперничества дома и о пренебрежительном отношении к сестре Филиппа, оставался еще тот факт, что Ричард был вассалом Филиппа, а также его ровней, и Ричард был не из тех, кто мог бы пощадить восприимчивость Филиппа. Богатый, открытый, любящий показуху, Львиное Сердце "любил свет", а его властный характер и отсутствие такта не позволяли ему сотрудничать с другими. Он, как правило, шел своим путем, не обращая внимания на Филиппа и ведя себя так, словно руководство экспедицией принадлежало ему как само собой разумеющееся. Отношения стали напряженными во время пребывания в Мессине и ухудшились в Палестине, где дела Латинского королевства и соперничество мелких князей подливали масла в огонь. "Два короля и народа", - пишет английский хронист, - "сделали вместе меньше, чем сделали бы по отдельности, и каждый из них ставил перед собой лишь легкие задачи". Устав от всей этой затеи, Филипп после четырех месяцев пребывания на Востоке воспользовался первым же поводом, чтобы вернуться домой, и уехал в августе 1191 года.

Ричард пробыл в Палестине на год дольше, но так и не вошел в Иерусалим, и в итоге был вынужден уйти с разочаровывающим перемирием и провести еще год, а то и больше, томясь в немецких тюрьмах. События этих месяцев не касаются истории Нормандии, но если мы хотим увидеть Ричарда в его самом лучшем свете, мы должны увидеть его таким, каким он бросился на помощь Иоппии первого августа 1192 года, выйдя на берег из своей красной галеры с криком: "Погибнет тот, кто отступит!", прикрывая высадку своих последователей арбалетом, пробираясь по винтовой лестнице к дому тамплиеров на городской стене, а затем, с мечом в руках, очистив город от трех тысяч турок и преследуя их на равнине всего с тремя всадниками; Или, четыре дня спустя, отражает силовую атаку мамлюков с помощью искуснейшей тактической расстановки своей скудной армии, руководя сражением на берегу, одновременно удерживая город, "убивая бесчисленное множество турок своим сверкающим мечом, здесь рассекая человека от макушки до зубов, там одним ударом отрубил голову, плечо и правую руку сарацинскому эмиру, его почтовый плащ и конь оцетинились копьями и стрелами, как ежик, но при этом "остался непобежденным и не раненным в соответствии с божественным указом" ⁴³.

* * * * *

Больше всего Нормандскую империю беспокоило отсутствие короля с лета 1190 года, продленное его пленением в Германии до весны 1194 года. Хотя перед отъездом из Палестины Филипп дал клятву уважать людей и владения Ричарда во время его отсутствия и даже защищать их, как свой собственный город Париж, он потребовал освобождения от этого обязательства, как только достиг Рима на обратном пути, и, вернувшись во Францию, вскоре начал активную подготовку к нападению на территории Плантагенетов. Укрыв Ричарда в немецкой темнице, он захватил значительную часть норманнской границы и заключил с Иоанном тайный договор, по которому ему должны были отойти все земли к востоку от Сены и важные крепости в Анжу и Турени. Он предлагал огромные суммы денег за опеку Ричарда или даже за его дальнейшее содержание в Германии, и когда в начале 1194 года он предупредил Иоанна, что "дьявол наконец-то на свободе", он осаждал большую крепость Верней на нормандской границе. Когда в мае Ричард высадился в Барфлере, среди звона колоколов и процессий, воспевающих "Бог снова пришел в силу своей",

неудивительно, что он пришел, дыша мстью и резней, и вся его оставшаяся жизнь - это запись почти не прерывавшейся войны против короля Франции. Говорят, что в течение многих лет он отказывался от причастия, чтобы не простить своего врага. Снова и снова он обращал Филиппа в бегство. Однажды Филипп потерял весь свой багаж и спасся, отвернувшись в сторону, чтобы послушать мессу, пока Ричард скакал мимо; в другой раз Ричард загнал французов в Жизор, так что мост проломился под ними, "и король Франции пил из реки, а двадцать его рыцарей утонули".

Однако такие сцены - лишь яркие эпизоды в череде кампаний, запутанных и сложных, не поддающихся четкому описанию. Решающие сражения происходили редко, каждая сторона стремилась скорее измотать другую. Деньги свободно тратились на союзников и наемников - современники называли борьбу фунтом стерлингов и фунтом Тура, и преимущество было на стороне фунтов стерлингов в силу их большей численности. Обычно кампании проходили весной и летом, а осенью заканчивались перемирием, которое церковь пыталась продлить до прочного мира, но которое вскоре срывалось в новую войну. Войны по большей части были пограничными набегами, в ходе которых страна выжигалась и опустошалась вдоль и поперек, к ущербу главным образом для крестьян, на которых в основном и ложилось бремя средневековых войн. "Сначала уничтожить землю, потом врага", - гласил устав. Целью были не только военные преимущества, но и добыча и выкуп, так что даже состязания между рыцарями имели свою подлую сторону, настолько определенно они были направлены на захват выгодных пленников; В то время как феодальные представления о чести могли заставить Ричарда выколоть глаза пятнадцати пленникам и отправить их к Филиппу под руководством одного из них, которому оставили один глаз, после чего Филипп ослепил столько же рыцарей и отправил их к Ричарду под руководством жены одного из них, "чтобы, - говорит его [панегирист44](#), - никто не подумал, что он боится Ричарда или уступает ему в силе и храбрости".

Основная тяжесть войны пришлась на Нормандию и, в конечном счете, на замки, которые восполняли отсутствие естественных границ герцогства. В дополнение к большим внутренним крепостям Кан, Фалез, Аржентан, Монфор и Руан Генрих I начал строить ряд укреплений на южных и восточных границах. Генрих II, как нам рассказывают, улучшил или обновил почти все эти крепости, и особенно Жизор, пограничные ворота Франции, на крепость которого в казначейском списке указано, что за один год он потратил 2650 фунтов анжуйских. Эти замки, остатки многих из которых сохранились до сих пор, были типичными образцами лучшей военной архитектуры своей эпохи, но они уступали по прочности и научности строительства великим крепостям христианской Сирии, таким как Крак или Маргат, которые, похоже, восходили к византийским и даже персидским образцам. Такой увлеченный воин, как Ричард, не мог провести два года в Палестине, не ознакомившись с восточными методами военного искусства, и мы не удивлены, что в своих норманнских походах он брал с собой сарацинских солдат и сирийских артиллеристов, а также широко использовал восточный опыт для укрепления своей обороны. Его шедевром, конечно же, стал замок Гайяр, нахальный замок на Сене, контролировавший проход реки и ее притоков в том районе норманнского Вексина, который был главным предметом разногласий между Плантагенетами и французскими королями. Предварительно экспроприировав с большими затратами владыку этой области, архиепископа Руанского, он укрепил прилегающий остров Андели и заложил на берегу новый город. Он окружил его водой и заново укрепил башнями и крепостными стенами, защитив все это острогом через реку и выносными сооружениями дальше. Затем на великой скале он построил крепость с треугольным аванзалом, эллиптической цитаделью и круглой крепостью, окруженной "фоссе, почти вертикально вырубленной в скале". Здесь не было мертвого угла, который позволял бы саперам

добраться до основания прямолинейных стен, но вместо этого было наклонное основание, по которому снаряды могли рикошетировать; как и на углах квадратных башен, не было ни одной части окружающей территории, которая не могла бы быть достигнута прямым огнем изнутри. "Подступы и фоссе, - говорит [Дьелафой45](#), - прикрывались огнем гарнизона вплоть до подножия скалы, и ни один сапер не мог тронуть ни одной точки башен или стен при условии, что крепость находилась под руководством опытного командира". Эта оговорка очень важна, ведь новый тип укреплений был рассчитан на активную, можно сказать, наступательную оборону, а не на пассивное сопротивление, которым довольствовалась старая стратегия. Работы в Андели, проводившиеся в основном под личным руководством Ричарда, заняли более года и обошлись почти в 50 000 фунтов Анжуйских, которые мы видим в королевских счетах распределенными по пиломатериалам, камню и скобяным изделиям, а также среди каменщиков, плотников, камнерезов и мелкой прислуги.

К 1199 году Ричард вернул свои нормандские владения, за исключением Жизора и некоторых пограничных замков, где Филипп так и не смог закрепиться, и воздвиг эффективный барьер на пути французского продвижения в долине Сены. На его стороне были сильные союзники, а дипломатическая ситуация складывалась явно в его пользу. Никогда Филипп не был так сильно потеснен, и даже дружественный легат Папы Римского не смог добиться для него ничего лучшего, чем удержание Жизора в рамках заключенного перемирия. И тут на помощь Филиппу пришел второй удар судьбы, еще более сильный, чем плен 1192 года. Ричард, как всегда порывистый и упрямый, все испортил набегом на аквитанских повстанцев, в котором погиб. Его энергия, военное мастерство и яркая индивидуальность скрывали фундаментальную слабость его позиции в отношении Франции; его устранение означало быстрое падение Нормандской империи.

После смерти Ричарда оставалось два возможных наследника: его младший брат Джон, которого он назначил наследником, и его племянник Артур, сын старшего брата Джеффри и герцог Бретани. В феодальном праве было достаточно неопределенности, чтобы допустить правдоподобные аргументы в пользу любого из них, но Артуру было всего двенадцать лет, и Джон быстро вступил во владения, короновавшись в Руане в апреле и в Вестминстере в мае. Однако Артур пользовался поддержкой своих бретонцев и, что было важнее всего, поддержкой Филиппа Августа, который использовал Артура против Иоанна, как использовал Иоанна против Ричарда, а Ричарда против своего отца. Филипп утвердил Артура графом Анжу, Мэна и Турени, а вскоре привез его в Париж, где он был обручен с дочерью Филиппа. Тем не менее ход событий поначалу благоприятствовал Иоанну. Филипп находился в разгаре великой борьбы с папой Иннокентием III по поводу развода с его королевой Ингеборг, и в 1200 году был подписан договор, по которому, уступив территорию в нормандском пограничье и в центральной Франции и выплатив за свои земли большую помощь в размере 20 000 марок, Иоанн получил подтверждение своего контроля над Анжу и Бретанью, а визит в Париж, где он был великолепно принят, казалось, должен был увенчать примирение. Однако в положении, когда требовалась вся возможная сила и находчивость, недостатки характера Иоанна оказались роковыми. Никто не мог положиться на его верность, рассудительность или даже настойчивость, и он быстро заслужил прозвище "Мягкое слово".

Тем временем юридически подкованный Филипп, свободно тратя деньги на последователей Иоанна и не ослабляя своих дипломатических и военных усилий, пустил в ход оружие закона. Возрождение юридической науки в XII веке привело к появлению в Западной Европе профессиональных юристов, сведущих в римском и каноническом праве и быстро обращающих свои знания на пользу князьям, которым они служили. У Филиппа было

несколько таких советников при дворе, и они, несомненно, способствовали появлению в его правление более юридических методов ведения дел; но именно феодальный обычай, а не римское право, он использовал против Иоанна. По закону Иоанн был вассалом Филиппа - более того, он только что признал это в договоре 1200 года - и как таковой должен был посещать феодальный суд Филиппа и подчиняться его решению в спорах с другими вассалами. Можно возразить, что король Англии слишком велик, чтобы подчиняться такой юрисдикции, и что герцог Нормандии имел обыкновение выполнять свои феодальные обязательства путем формальной церемонии на нормандской границе; тем не менее техническое право было на стороне короля Франции, и наконец-то появился сюзерен, способный воплотить теорию в факты. В ходе ряда приключений в Пуату Иоанн увлек за собой невесту одного из своих баронов из дома Лузиньянов, который обратился к своему вышестоящему повелителю, королю Франции. Все это было в надлежащей форме, но Филипп не был львом правосудия, стремящимся исправить обиду ради справедливости. Он ждал почти два года, в промежутке между которыми состоялся визит Иоанна в Париж, а затем, когда был готов привести приговор в исполнение, незамедлительно вызвал Иоанна в феодальный суд пэров. Иоанн не пришел и не явился через представителя, и суд в апреле 1202 года объявил его лишенным всех земель за отказ подчиняться приказам своего господина и оказывать услуги, причитающиеся ему как вассалу. Пленение Артура на время утомило Филиппа; убийство мальчика Иоанном в течение 1203 года просто отплатило убийце. Привело ли это преступление к повторному осуждению судом пэров, как утверждали французы во время неудачного вторжения в Англию в 1216 году, - вопрос, который остро обсуждался среди ученых. В настоящее время ортодоксальной является точка зрения, согласно которой второго осуждения не было. Однако недавно Поуик выдвинул умный аргумент, который, сводя к минимуму значение общепринятого аргумента о молчании непосредственных современников, утверждает на основании *Маргамских анналов*, что второе осуждение в 1204 году, вероятно, имело место. В конце концов, этот вопрос имеет второстепенное значение, поскольку эффективные действия Филиппа были основаны на суде 1202 года, а к 1204 году судьба Иоанна была уже предрешена.

Решающим моментом в кампании против Нормандии стало взятие замка Гайяр, ключа к долине Сены, в мае 1204 года, после шестимесячной осады, которая, похоже, оправдала себя, если не считать каменного моста, укрывавшего инженеров, подрывавших внешнюю стену. Западная Нормандия пала перед атакой со стороны Бретани; великие крепости центра, Аржантан, Фалез и Кан, открыли свои ворота перед Филиппом, и после сдачи Руана 24 июня 1204 года Филипп стал хозяином Нормандии. Иоанн задерживался в Англии, ничего не предпринимая для поддержки обороны, и когда в 1206 году он наконец пересек границу, то был вынужден подписать окончательную капитуляцию всех территорий к северу от Луары, сохранив лишь южное Пуату и Гасконь. Гасконь и Англия были объединены еще два столетия, но единственная связь между ними осуществлялась по морю. Контроль над Сеной и Луарой был утрачен, а вместе с ним ушла и империя Плантагенетов.

* * * * *

Результаты отделения Нормандии от Англии были излюбленной темой историков, особенно тех, кто подходит к Средним векам с точки зрения современной политики и современных представлений о национальности. Все кажется таким естественным, что Нормандия должна принадлежать Франции, а не Англии. Однако национальность - вещь неуловимая, и многие силы, помимо географии, составили современную карту. Англия в Средние века имела гораздо больше общего с Нормандией, чем с Уэльсом или Шотландией, а по ощущениям, как и в пространстве, Ирландское море было шире Ла-Манша. С английской точки зрения в

потере Нормандии не было ничего неизбежного. С французской стороны дело обстоит более очевидно. Если Париж хотел стать столицей, он должен был контролировать Сену и Луару, а получив контроль над ними, его положение во Франции было обеспечено. Овладение Нормандией значило для Франции гораздо больше, чем для Англии. Кроме того, завоевание Нормандии отрезало Англию и Францию друг от друга. Англо-нормандские бароны должны были решить, кому они будут служить - королю Англии или королю Франции, и их быстро поглощала страна, с которой они бросали свой жребий. Больше нельзя было играть в интересах одной страны против другой; повернувшись спиной к самим себе, английские бароны встретились с Иоанном на своей собственной земле и завоевали Великую хартию, так что потеря Нормандии имеет прямое отношение к росту английской свободы. "Когда норманны стали французами, - заключает Поуик, - они сделали гораздо больше, чем просто завершили свою национальную эпопею. Они позволили англичанам вновь стать нацией и создали французское государство на все времена" ⁴⁶.

При таком рассмотрении конец Нормандии кажется более славным, чем сама Нормандия; как было сказано о Самсоне, "мертвых, которых он убил при смерти, было больше, чем тех, которых он убил при жизни". Но, конечно, в более широком смысле работа Нормандской империи не была закончена в 1204 году. Во-первых, административная организация нормандского герцогства не могла не оказать влияния на французскую монархию. Несмотря на огромный прогресс, достигнутый королями Капетингов в XII веке, нормандское правительство все еще сохраняло заметное превосходство в качестве системы судебного и налогового управления, и Филипп Август был не тем человеком, который мог бы пренебречь уроками, которые оно могло ему преподнести. Характер и степень влияния норманнов на французские институты - тема, которая до сих пор остается для нас темной и из-за отсутствия доказательств может оставаться таковой всегда; но можно не сомневаться, что норманнские прецеденты использовались в различных моментах развития Парижского парламента и разработки французской финансовой системы. В основном, однако, влияние было неизбежно в другом направлении, от Франции к Нормандии, а не от Нормандии к Франции. Правда, резких перемен не произошло. Филипп уважал корыстные интересы, как в церкви, так и среди баронов, и сохранял нормандские обычаи, так что герцогство долго сохраняло свою индивидуальность в законодательстве, местной организации и характере, и закрепило свои права от Людовика X в документе от 1315 года, *Charte aux Normands*, который иногда сравнивают в малой степени с Великой хартией. *Кутюм Нормандии*, как и обычаи других больших провинций, просуществовал до Французской революции, но это был свод обычаев, выработанных под влиянием центрального правительства и постепенно поглощавших юриспруденцию королевского двора. Если нормандская казна и продолжала заседать в Руане, то руководили ею комиссары, присланные из Парижа. Даже такой характерный для норманнов институт, как суд присяжных, был незаметно изменен новой инквизиторской процедурой XIII века и тихо исчез из практики континента. Как в законодательстве и управлении, так и в культуре и социальной жизни, силы централизации делали свое дело не менее эффективно, потому что они были постепенными, и Нормандия стала частью Франции.

Правда, был период, когда Нормандия вновь была присоединена к Англии, на этот раз в качестве завоеванной страны. В 1417-1419 годах Генрих V покорил Нормандию в ходе ряда хорошо проведенных кампаний, и он и его сын оставались во владении герцогства до 1400-1450 годов. В этот период английского правления, похоже, не было предпринято никаких попыток восстановить прежние условия, которые теперь были изжиты: законодательство, местное самоуправление, фискальная организация оставались неизменными. Английские чиновники, конечно, назначались, а английская иммиграция поощрялась за счет земель норманнов, покинувших провинцию. Первый нормандский университет был основан в Кане

во времена правления Генриха VI. Однако, несмотря на все попытки примирения и справедливого отношения, население оставалось враждебным. Идея о том, что англичанин - иностранец, выросла за два века отсутствия; она должна была окончательно выкристаллизироваться, когда концепция французской национальности сформировалась благодаря деятельности Жанны д'Арк. Лависс напоминает нам⁴⁷, что эта война "не была конфликтом между одной нацией и другой, между гением одного народа и гением другого; тем не менее она продолжалась, и была ожесточенной, а также долгой. Из года в год ненависть к англичанам росла. В контакте с иностранцем Франция начала познавать себя, как *это* в контакте с *не-это*. Побежденная, она чувствовала позор поражения. Акты муниципального и местного патриотизма предшествовали и предвещали французский патриотизм, который в конце концов расцвел в Жанне д'Арк и освятил себя благоуханием чуда. Прочь из Франции вместе с англичанами! Они покинули Францию, и появилась Франция". В этом стремительном росте французского национального самосознания Нормандия приняла самое активное участие, и некоторые из его великих сцен разворачиваются на нормандской земле. Именно в Руане инквизиция судила и осудила Жанну д'Арк; именно на старой рыночной площади этого же города английские солдаты слишком поздно обнаружили, что сожгли святыню.

Так и случилось, что двадцать лет спустя норманны встретили войска Карла VII и окончательно перешли под власть Франции. Гордая своим прошлым, гордая также своими провинциальными особенностями и местным своеобразием, Нормандия, тем не менее, была французской по чувствам и интересам, и со временем становилась все более французской под объединяющей силой абсолютной монархии, революции и современной республики. Она перестала быть герцогством в 1467 году; она перестала быть даже политическим делением с созданием современных департаментов в 1790 году. Его последняя сохранившаяся территория, признанная правительством, - церковная провинция Руан - исчезла с окончательным отделением церкви от государства в 1905 году. Единственное единство, которое сегодня сохраняют пять департаментов, - это история и традиции общего прошлого - *маленькой родины*, которая теперь поглощена нацией.

Лишь в одном месте старая Нормандия действительно устояла против сил централизации, а именно на Нормандских островах, этих "кусочках Франции, упавших в море и подобранных Англией", как называет их Виктор Гюго. Они не были завоеваны Филиппом или его преемниками и с того дня и по сей день принадлежат английской короне. Там по-прежнему есть свои *баи* и *виконты*, рыцарские гонорары и феодальные формы владения. Нормандский диалект все еще является их языком; *Coutume de Normandie* все еще является основой их законодательства; и все еще можно услышать, в спорах о собственности на Джерси и Гернси, старый крик *haro*, который сохраняет одну из самых архаичных черт норманнской процедуры.

* * * * *

После всего сказанного, именно в Англии сохранилось самое значительное наследие норманнов. Они создали английское центральное правительство и навязали ему свои представления о порядке и праве. Их феодализм пронизывал английское общество; их обычаи сформировали большую часть английской юриспруденции; их короли и дворяне были доминирующим классом в английском правительстве. Фримен никогда не мог понять тех, кто утверждал, что, по его словам, "мы, англичане, - это не мы сами, а кто-то другой". Однако факт остается фактом: в смешанной расе - а все расы в той или иной степени являются смешанными - нет такого понятия, как "мы сами"; и если численно английский народ в значительной степени состоит из донорманнских элементов, то норманнская

составляющая оказывает влияние, совершенно непропорциональное ее численности. Без Вильгельма Завоевателя и Генриха II англичане не были бы "самими собой", кем бы еще они ни стали.

Для более конкретной иллюстрации давайте еще раз вернемся к суду присяжных. Если суд присяжных вымер в Нормандии, то он выжил в Англии, где расцвел на плодородной почве народных местных судов. Он распространился в британских колониях и в Соединенных Штатах; в последнее время он вновь появился на континенте. Но это все тот же основополагающий институт, связанный прямой преемственностью со старой франкской процедурой через нормандские расследования двенадцатого века. Везде, где собираются двенадцать добрых и истинных людей, мы видим за ними присяжных Генриха II. Таким образом, в подобных вопросах влияние норманнов столь же широко, как и общее право; мы все являемся наследниками ранних норманнов. Как хорошо сказал Фримен: "Мы никогда не сможем быть такими, как если бы норманны никогда не появлялись среди нас. Мы всегда носим в себе следы его присутствия. Наши колонисты унесли эти знаки с собой в далекие земли, чтобы напоминать людям, что поселенцы в Америке и Австралии пришли с земли, на которую норманн однажды пришел как завоеватель" [48](#).

* * * * *

На этом наш обзор норманнской истории можно было бы, пожалуй, и закончить; но его необходимо дополнить в двух направлениях. Мы были так заняты внешней историей Нормандской империи и конституционными изменениями, которые она породила, что у нас не было времени изучить общество и культуру Нормандии в период расцвета империализма. И мы сосредоточили свое внимание исключительно на владениях Плантагенетов, оставив без внимания ту большую Нормандию на юге, которая представляет собой одну из самых блестящих глав достижений Нормандии и один из самых увлекательных сюжетов европейской истории. Этим темам будут посвящены три оставшиеся лекции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Лучший рассказ о падении Нормандской империи - Powicke, *The Loss of Normandy*, где можно найти множество ссылок на дополнительные материалы. Можно также обратиться к общим повествованиям Адамса, Дэвиса и Рамсея, а также к мисс Норгейт, *Джону Лакланду* (Лондон, 1902). О французской стороне см. Luchaire, в Lavissee, *Histoire de France*, III, 1. Наиболее полное описание отношений между Плантагенетами и Францией, вплоть до 1199 г., содержится в A. Cartellieri, *Philipp II. August* (Leipzig, 1899-1910), дополненная его работой *Richard Löwenherz im heiligen Lande*, в *Historische Zeitschrift*, CI, pp. 1-27 (1908), и *Philipp II. August und der Zusammenbruch des angiovinischen Reiches* (Leipzig, 1913). О спорах по поводу осуждения Иоанна при дворе Филиппа см. в Gross, *Sources and Literature*, nos. 2829, 2833. Характеристику Ричарда и Иоанна, данную Стаббсом, можно найти в его *"Исторических введениях"*, с. 315 и далее, 439 и далее. Й. Леманн, *Johann ohne Land* (Берлин, 1904), более благосклонен к Иоанну. Биографию молодого короля прослеживает П. К. Э. Ходжсон, *"Юнг Генрих, король Англии"* (Йена, 1906).

Общей работы по английской оккупации Нормандии в XV веке не существует; разрозненные монографии упоминаются в Prentout, *La Normandie*, pp. 71-76. Кое-что можно ожидать от продолжения работы покойного Дж.Х. Уайли о правлении Генриха V.

VI ЖИЗНЬ И КУЛЬТУРА НОРМАННОВ

Переходя от общего хода нормандской истории в XI и XII веках к рассмотрению нормандской жизни и культуры в этот период, мы сталкиваемся с трудностями, присущими любой попытке сделать срез человеческого общества в эпоху, которая не осознавала себя обществом и оставила нам для описания себя лишь сырой материал фрагментарного и неравномерного рода. Летописцы почти полностью ограничиваются внешними событиями, хартии касаются в основном земли, границ и прав на землю, большая часть литературы - это теологические комментарии или риторические банальности, которые ничего не отражают в той эпохе, в которой они были написаны; во всех них не хватает конкретных деталей повседневной жизни, из которых только и можно понять социальные и экономические условия и даже само правительство. И когда мы по крупицам собираем некоторые представления о Нормандии этого периода, наши знания о параллельных условиях в других регионах часто настолько недостаточны, что мы не можем быть уверены, насколько наши результаты характерны для Нормандии, насколько типичны для того времени, или, из-за разрозненности нашего материала, насколько они могут быть просто индивидуальными и изолированными. Большая часть социальной истории Средневековья еще не написана; за неимением доказательств многое никогда не будет написано. До тех пор, пока доступные источники не будут изучены более полно, нельзя пытаться сделать что-либо большее, чем предварительный набросок.

К счастью для наших целей, фундаментальная структура общества в раннем Средневековье была чрезвычайно проста. Существовало три сословия: те, кто воевал, те, кто трудился, и те, кто молился, соответствующие соответственно дворянам, крестьянам и духовенству. Созданное простыми потребностями феодальной эпохи, это примитивное разделение труда было даже объявлено институтом божественного происхождения и необходимым для гармоничной жизни человека. Казалось правильным и естественным, что дворяне должны защищать страну и поддерживать порядок, духовенство вести людей к спасению, а крестьяне поддерживать своим трудом эти два благодетельных класса, а также самих себя. Как идеал социальной организации, эта система классов открыта для очевидных возражений, не последним из которых является постоянное убийство и грабеж крестьян классом, чья функция заключалась в их защите и охране; но как описание фактических условий, она очень хорошо выражает факты дела.

* * * * *

Что касается боевого класса, то для норманнской привычки к порядку и организации характерно, что военная служба дворян была рано определена в Нормандии с большей системой и точностью, чем в соседних странах Северной Франции. Мы уже видели, что в период задолго до 1066 года размер службы, причитающейся с крупных лордов герцогу, был установлен в приблизительных единицах, равных пяти или кратных пяти, которые затем были разделены между их вассалами и привязаны к определенным участкам земли, которые впоследствии были названы рыцарскими гонорарами; этот порядок норманны перенесли в Англию и, вероятно, на Сицилию. К 1172 году, когда впервые был составлен полный список, субинфеудация привела к появлению в Нормандии около 1500 рыцарских сборов, крупнейшими держателями которых были епископ Байе и граф Лестер - 120, граф Понтё - 111 и граф Гиффард - 103. От них класс полностью вооруженных рыцарей дошел до обладателей небольших долей рыцарского жалования, но все они служили в полном вооружении, которое со временем стало отличать их как дворян от вассалов, или свободных солдат, чье

снаряжение было менее полным и чья служба, как правило, принимала форму охраны замка и подобных обязанностей. Довольно рано обычай определил и другие характерные черты феодальной службы в Нормандии, такие как срок в сорок дней, ограничение обязательств границами герцогства, а также случаи опеки и брака, вытекающие из феодальных принципов, которые здесь были доведены до логического конца.

Символом власти военного сословия, внешним и видимым признаком феодализма был замок, в котором проживал лорд и из которого он осуществлял власть над своим вотчиной. Возникнув в период анархии, сопровождавшей распад Франкской империи и нашествия IX и X веков, замок распространился по северной Франции по мере распространения феодализма и был завезен в Англию норманнами, когда они создали здесь свое феодальное государство. Однако самые ранние замки Нормандии и Англии не были массивными каменными донжонами, которые Фримен населял дьяволами и злыми людьми. За некоторыми исключениями, среди которых наиболее примечателен лондонский Тауэр, эти "ненавистные сооружения" были построены из дерева и окружены крепостной стеной, возвышавшейся над искусственной насыпью, или *моттом*, вырытым из глубокого рва у его основания. Большой разводной мост, укрепленный так, чтобы лошади не поскользнулись на крутом склоне, вел с дальней стороны рва прямо на второй этаж башни, первый этаж которой, использовавшийся только для складов и содержания пленных, не имел входа извне. Крепости такого типа, естественно, не оставили после себя ничего, кроме очертаний насыпей и рвов, но они хорошо известны по описаниям современников и отчетливо видны на гобелене из Байе, где даны грубые изображения крепостей Доль, Ренн, Динан и Байе, а также изображен острог в процессе строительства в Гастингсе. Тяжелые бревна этих возвышенных домов-блоков оказывали сильное сопротивление таранам, но они всегда подвергались большой опасности от огня, и в течение двенадцатого века дерево было заменено камнем, к которому относятся "суровые квадратные башни", сохранившиеся в Нормандии и Англии, а также самые ранние примеры более обороноспособных круглых крепостей и квадратных крепостей, фланкированных круглыми башнями. Деревянный или каменный, донжон был суровым местом, построенным скорее для прочности, чем для комфорта, и подчинявшим жизнь тех, кто в нем находился, настоятельной необходимости обороны. Пространство было ограничено, окон было мало, иногда всего одно окно и одна комната на каждый этаж, двери-ловушки и лестницы часто выполняли работу лестниц, а в деревянных замках пожары обычно исключались. Тем не менее донжоны не были, как предполагалось ранее, простыми "башнями-убежищами, используемыми только во время войны", а "были постоянными резиденциями знати одиннадцатого и двенадцатого веков".⁴⁹ Только к концу этого периода внешние здания развиваются, чтобы дать что-то из простора и удобства, требуемого растущим стандартом комфорта; только в тринадцатом веке начинают появляться более просторные замки без хранилищ.

О прогрессе герцогской власти в Нормандии говорит тот факт, что ко времени Вильгельма Завоевателя были введены определенные ограничения на создание этих оплотов местной власти и сопротивления. Кроме как с разрешения герцога, никто не мог построить замок, возвести крепость на скале или острове, или даже вырыть на открытой местности фосу такой глубины, что земля не могла быть выброшена со дна без искусственной помощи, а палисады должны были строиться по простой линии, без алюрсов и специальных защитных сооружений. По желанию герцога он мог также размещать гарнизоны в замках своих баронов и требовать заложников за их верность. Эти принципы, которые применялись и в Англии, конечно, часто было трудно обеспечить, и в XII веке они были дополнены развитием большой системы герцогских замков, частично за счет расширения и укрепления старых крепостей Руана, Кана, Фалеза и Аржентана, частично, как мы уже видели, за счет новых

опорных пунктов на границах. Поуик показал нам, как эти замки стали главными административными центрами во времена правления Генриха II и Ричарда, и как королевские письма и счета раскрывают их многогранную деятельность как в мирные дни, так и в более напряженные времена войны.⁵⁰ Под управлением *шателенов*, которые были королевскими офицерами, а не феодальными вассалами, с гарнизонами наемников и свитами рыцарей и сержантов, клерков, капелланов и личных слуг, они предвещают окончательную замену баронских донжонов королевской бюрократией.

Несомненно, именно из-за доминирующего положения герцога Нормандия менее богата, чем некоторые другие части Франции, живописными типами феодалов или яркими эпизодами феодальных конфликтов. Когда нормандские хронисты выходят за пределы церковных дел, они склонны концентрировать свое внимание на деяниях герцогского дома, а их рассказы о великих вассалах, как правило, сухи и генеалогичны. Главным исключением является Ордерик Виталис, чья тема и географическое положение заставляют его подробно рассматривать долгую анархию при Роберте Куртозе и непрекращающиеся конфликты великих лордов с его соседями на южной границе, домами Беллема, Грентемайснила, Конша и Бретеяля. В основном это тоскливая история о неожиданностях и осадах, о предательстве, плене и внезапной смерти, время от времени скрашиваемая более яркими эпизодами - леди Изабель Конш сидит в большом зале, пока юноши замка рассказывают свои сны; ежедневная битва за хлеб у печи при осаде Курси; накрытый стол и кипящие на углях горшки для господина и госпожи Сен-Сенери, которые так и не вернулись; человек из Сент-Эврүля, который с помощью святого выходит невредимым из-под стражи в Домфронте; чудесное видение армии рыцарей и дам в муках, которое явилось священнику Бонневалья.

С этими эпизодами норманнского феодализма интересно сравнить картину англо-норманнского общества сто лет спустя, которую мы находим в уникальном произведении феодальной биографии, "*Истории Вильгельма Маршала*". Спутница молодого короля и свидетельница последнего позора Генриха II, паломница в Иерусалим и Кельн, выдвинутая на ответственные посты при Ричарде и Иоанне, граф Стригуил и Пемброк и регент Англии при Генрихе III, граф Маршал находился в близких отношениях с главными людьми и движениями своего времени. Его биограф, однако, не позволяет себе блуждать, рассказывая о чужих деяниях, и хотя его работа содержит материал, имеющий большое значение для общей истории того времени, ее главная ценность заключается в отражении жизни эпохи и верном портрете самого человека - солдата удачи, джентльмена-авантюриста, если хотите, но всегда верного, благородного, прямого и правдивого, по меркам своего времени - человека без страха и упрека. Воспитанный в нормандском замке Танкарвиль, маршал, как и его господин Молодой король, страстно увлекся турнирами, *par éminence* рыцарским спортом Средневековья, благодаря которому охота и другие развлечения казались примитивными и служили лучшей подготовкой к настоящей войне, поскольку, как рассказывает один английский хронист, чтобы блистать на войне, рыцарь "должен был видеть, как течет его собственная кровь, как трещит его челюсть под ударом противника, как его валят на землю с такой силой, чтобы он почувствовал вес своего врага, и как двадцать раз его снимают с коня, как двадцать раз он должен возвращать свои провалы, более настроенный на бой, чем когда-либо". Неизвестные Англии до правления Ричарда, эти мужественные виды спорта более всего процветали во Франции, стране рыцарства и ратных подвигов, и в течение нескольких лет мы следуем за маршалом от боя к бою через Нормандию и Мэн, Шампань и Иль-де-Франс, так что его слава распространилась от Пуату до Рейна. В какой-то период своей жизни он участвовал в турнирах каждые две недели. Турниры его времени, однако, не были элегантными и модными мероприятиями XIV и XV веков, которые мы привыкли вспоминать при этом слове, собраниями красоты и мастерства,

проводившимися в специальных залах перед переполненными галереями, с тщательно разработанными правилами относительно доспехов и оружия и условий ведения боя. Напротив, они проходили как сражения, на открытом воздухе, со всем оружием и методами войны, со всеми ее маневрами и свирепостью атаки; от войны они отличались главным образом тем, что были добровольными и ограничивались одним днем. После одной серии таких громовых схваток маршала нашли в кузнице, его голова лежала на наковальне, а кузнец работал молотом и клещами, чтобы снять с него побитый шлем. Говорят, что в большом турнире в Лагни участвовало три тысячи рыцарей, из которых молодой король выставил восемьдесят. Рыцари сражались за честь и славу, за радость боя; они также сражались, мы должны помнить, за лошадей, доспехи и выкуп за пленных. На одном из норманнских турниров маршал захватил десять рыцарей и двенадцать лошадей. Между Пятидесятницей и Великим постом одного года их клерки подсчитали, что он и его спутник взяли в плен триста рыцарей, не считая лошадей и сбруи; но, похоже, он сохранил золотую середину между беспечной *щедростью* молодого короля и чисто корыстными мотивами многих, кто посещал турниры ради выгоды.

* * * * *

О великом земледельческом классе, на котором покоилась вся социальная система, наши сведения разрозненны и неравномерны. Человек с мотыгой не интересовал средневекового летописца, и он не обрел собственного голоса в рассматриваемый нами период. Летописи того времени действительно тщательно фиксируют засухи и наводнения, сезоны чумы, моровой язвы и голода, которые, похоже, выпали на долю Нормандии, но они ничего не говорят нам о влиянии этих бедствий на класс, которого они касались самым непосредственным образом; в то время как хартии, договоры аренды и манориальные записи, на основе которых должны строиться наши знания о крестьянах, дают нам в этот период отдельные и несвязанные факты. Кроме того, наша информация почти полностью ограничивается землями церквей и монастырей, где сельское хозяйство, скорее всего, было более прогрессивным из-за их более тесных связей с внешним миром. Нормандия была плодородной страной, и, насколько мы можем судить, ее сельскохозяйственное население жило неплохо по сравнению с другими регионами. Конечно, после XI века здесь не осталось и следа от крепостного права или освобождения крепостных, а свободное положение крестьянского класса отличало герцогство от большинства земель северной Франции. В других отношениях трудно найти существенные различия между нормандскими крестьянами и крестьянами других регионов. После подавления восстания в начале этого века мы не слышим о каком-либо всеобщем восстании нормандских крестьян, параллельном тем восстаниям, которые составляют печальную и тщетную главу в летописи многих частей Европы в Средние века. Однако именно локальное восстание XIII века на землях монахов Мон-Сен-Мишеля породило одно из лучших описаний жизни в нормандском поместье - "*Конте де Виллен де Версон*"⁵¹, и, хотя оно несколько запоздало для нашей цели, подтверждается документальными свидетельствами и вполне может служить иллюстрацией обязанностей сельскохозяйственного класса: - В июне крестьяне должны были косить траву.

В июне крестьяне должны срезать и укладывать сено и нести его в усадьбу. В августе они должны жать и перевозить монастырское зерно; их собственное зерно лежит под ветром и дождем, пока они отслеживают оценщика *шампарта* и несут его долю в его амбар. На Рождество Богородицы злодей должен отдать свинину, одну свинью из восьми; на день святого Дениса - *ценз*; на Рождество - птицу, мелкую и хорошую, а затем - зерно: два *десятка* ячменя и три четверти пшеницы; на Вербное воскресенье - овцу; на Пасху он должен пахать, сеять и боронить. Когда идет строительство, арендатор должен привозить

камень и прислуживать каменщикам; он также должен таскать монастырские дрова за два *денье* в день. Если он продает свою землю, то должен лорду тринадцатую часть ее стоимости; если он женится на своей дочери за пределами сеньории, то платит штраф. Он должен молотить зерно на сеньориальной мельнице и печь хлеб в сеньориальной печи, где обычные сборы не удовлетворяют слуг, которые ворчат и угрожают оставить хлеб непеченым.

Пока средневековое общество оставалось почти полностью сельскохозяйственным, не было необходимости приспособлять его организацию к другим классам, кроме тех, что были только что описаны. Однако со временем рост промышленности и торговли, очень медленный до XI века, но быстрый и постоянный в период крестовых походов и после них, о чем можно судить по большому количеству рынков и ярмарок в Нормандии, привел к появлению нового класса жителей городов, которые требовали признания своего особого характера и статуса. По роду своих занятий они стремились освободиться от сеньориальной системы с ее принудительным трудом, частыми повинностями и досадными ограничениями свободы передвижения и свободы купли-продажи; а поскольку экономические потребности объединяли их в промышленные и торговые центры населения, они развивали коллективное чувство и требовали коллективного обращения. Они требовали, как иногда говорят, не свержения феодальной системы, а места в ней, которое должно было признать их особые экономические и политические интересы; и результатом их усилий, когда они полностью увенчались успехом, стало формирование того, что называют коллективным сеньоритом, стоящим как тело в отношениях вассала с лордом или королем и несущим обязательства по оказанию почтения, феодальной и общинной военной службе. Но если в теории это движение не было антифеодальным, то на практике оно часто было антифеодальным, по крайней мере, в том, что касалось прав и привилегий непосредственного сеньора, и приводило к трениям, а часто и к вооруженным столкновениям с епископом, бароном или королем. В Нормандии мы не находим ни одного из тех коммунальных восстаний, которые встречаются на севере Франции и даже вблизи Ле-Мана; города всегда подчинялись высшей власти герцога, чьи права на владение были значительны даже в епископальных городах, и который поощрял те формы городского развития, которые укрепляли военные ресурсы герцогства. Ранняя история нормандских городов - одна из самых неясных глав в истории Нормандии, но она свидетельствует о различных влияниях, которые не вписываются ни в одну из многочисленных теорий происхождения муниципалитетов, ставших предметом стольких научных споров. Некоторые города изначально были укрепленными местами, как, например, баронская крепость Бретей или крепости Генриха I Верней, Нонанкур и Понторсон на южной границе. Некоторые пользовались защитой монастыря, как, например, Фекамп или *бурги* аббата и аббатисы Кана. Крупные порты, такие как Барфлер и Дьепп, очевидно, были обязаны своим значением торговле, и именно торговля обеспечивала процветание главных городов герцогства, Руана и Кана. Как бы ни был развит нормандский муниципальный тип, он оказал немалое влияние на городскую организацию: законы Бретейля стали образцом для нормандских фондов на валлийской границе и в Ирландии; руанские *Établissements* были скопированы в главных городах западной Франции - Туре и Пуатье, Ангулеме и Ла-Рошели, вплоть до гасконской Байонны на испанской границе.

Если мы возьмем в качестве иллюстрации этого развития главный нормандский город Руан, то не найдем никаких свидетельств о его институтах до XII века, в то время как его организация как коммуны датируется правлением Генриха II и, вероятно, 1171 годом. Основным законом, или *Établissements*, который Руан получил тогда и который стал моделью

для коммунального управления в других частях Нормандии, представляет собой орган из ста пэров, которые собираются раз в две недели для судебных и других дел и выбирают из своего числа каждый год двенадцать *эшевенов*, или магистратов, и двенадцать советников, которые заседают вместе с *эшевенами*, чтобы сформировать совет *юре*. Помимо этих советов, типичных для средневековых городских конституций, пэры также выдвигают трех кандидатов на пост мэра, но выбор среди них делает король, и большая власть мэра в этой системе, очевидно, призвана обеспечить более эффективный королевский контроль. Именно мэр возглавляет общинное ополчение, получает доходы, следит за исполнением приговоров и председательствует на всех заседаниях магистратов и советов. Отправление правосудия собственными магистратами - пожалуй, самая ценная привилегия коммуны, но самые тяжкие преступления подлежат рассмотрению королевскими чиновниками, и присутствия короля или заседания его ассиза достаточно, чтобы приостановить все коммунальные полномочия по отправлению правосудия. В таком государстве, как Нормандское, границы муниципального самоуправления очевидны.

Однако значение Руана как торгового и промышленного центра не зависело от формы правления. Древняя гильдия кордельеров была признана Генрихом I и Стефаном, ее торговые привилегии были подтверждены в одной из самых ранних хартий Генриха II. Купцы Руана имели монополию на торговлю с Ирландией, в Англии они могли проходить через все рынки страны, в Лондоне они были освобождены от всех платежей, кроме вина и рыбы, и имели исключительные права на свою особую пристань в Даугейте. Позже, в правление Генриха, они даже были освобождены от всех пошлин во всех его владениях. Только гражданин мог провезти через Руан корабль с товаром или доставить вино в городской погреб. Помимо большой торговли вином, мы слышим о торговле кожей, тканями, зерном и особенно солью и соленой рыбой. При Генрихе II герцогские права на город стоили более 3 000 *ливров* в год. Помимо участия в общем процветании, горожане имели особые льготы в отношении пошлин и сборов на привозимые ими товары, а свобода от феодальных ограничений, характерная для всех бургеров, делала их владение собственностью более выгодным. Помимо привилегированных территорий, принадлежавших собору и соседним аббатствам, положение в городе ценили и другие: епископ Байе имел городской дом; аббат Кана дорожил погребом и освобождением от винных пошлин, которым он был обязан щедрости Вильгельма Завоевателя; клерки и капелланы королевского дома пользовались возможностью приобретать ренты и дома в Руане, а также в Лондоне и Винчестере.

К сожалению, никто не оставил нам в этот период такого описания оживленной жизни Руана, какое Фиц Стивен дал современному Лондону, и только с помощью воображения мы можем представить себе корабли у причалов с тюками шкур куницы из Ирландии и бочками вина из Бургундии и с юга, фулеры и красильщики, мельники и кожевники, промышленяющие вдоль Иу-де-Робек, бургомистры, торгующие на улицах и в соборе, королевские клерки и сержанты, спешащие по делам своего господина. Еще большее сожаление вызывает исчезновение тех материальных остатков древнего великолепия, которые до прошлого века сохраняли форму и аромат, если не реальное дерево и камень, средневекового города. Сегодня почти ничего не сохранилось от Руана герцогов - его стен и ворот, разрушенных Филиппом Августом, замка на берегу реки с башней, из которой Генрих I сбросил предателя Конана, и большим залом и комнатами, обновленными его внуком, каменного моста императрицы Матильды, королевского парка и дворца на берегу Сены в Квилли. Только великая башня собора Святого Ромена и ранняя часть церкви аббатства Сен-Уан () все еще свидетельствуют о непрерывной преемственности норманнского прошлого.

Нормандская церковь на протяжении всего изучаемого нами периода находится в самой тесной связи с общими условиями жизни нормандского общества. Монастыри и церкви этого региона были почти полностью уничтожены северными вторжениями, и хотя северяне вскоре приняли религию своих новых соседей, прошло много лет, прежде чем церковная жизнь и дисциплина вновь достигли уровня других епархий Франции. Уже в 1001 году бургундский монах сообщал, что в Нормандии почти не осталось священников, которые могли бы правильно читать уроки или произносить псалмы. Прелаты вели жизнь великих феодальных семей, членами которых они являлись, раздавая церковное имущество в качестве вотчин своим друзьям или подарков многочисленному потомству; а низшее духовенство, в большинстве своем женатое, стремилось передать свои бенефиции своим детям. Однако в течение одиннадцатого века стали преобладать более канонические стандарты, во многом благодаря влиянию монахов Ключи. Старые фонды, такие как Фекамп, были возобновлены, а нормандские лорды вскоре начали соперничать друг с другом в финансировании новых монастырских учреждений. За полвека, предшествовавшие Завоеванию Англии, мы можем проследить зарождение двадцати крупных монастырей и шести женских монастырей, не считая приорств и более мелких оснований, - движение, которому современники не могли найти аналогов, кроме как во времена расцвета монашества в Римском Египте. Со временем монашеский идеал отразился на светском духовенстве, а монастырские школы подняли уровень образования во всем герцогстве, пока провинциальные соборы не добились установления безбрачия священства и более строгой дисциплины Рима. Во всем этом движении за реформы герцоги играли ведущую роль, приглашая реформаторов к своим дворам, помогая в основании и восстановлении монастырей и оказывая решительную поддержку усилиям по нравственному совершенствованию светского духовенства. Они также утверждали свое главенство над нормандской церковью, председательствовали на ее соборах, пересматривали решения ее судов, назначали и посвящали епископов и аббатов. Более того, готовые сотрудничать с моральными идеями папства, они противостояли всем попыткам папского вмешательства в нормандские дела. Когда Александр II попытался восстановить аббата, которого низложил Вильгельм Завоеватель, герцог ответил, что с радостью примет папских легатов в вопросах веры и доктрины, но повесит на самом высоком дубе ближайшего леса любого монаха, который посмеет сопротивляться его власти в его собственной земле. Сопротивление Вильгельма было столь же твердым и в случае с Григорием VII, который потерпел полный провал в своих попытках прямого действия во владениях Вильгельма. Нигде на континенте, [заключает Бёмер52](#), не было в это время страны, где принц и его епископы так энергично подавляли бы симонию и нарушения церковных обетов; нигде церковь не была так полностью подчинена светскому правительству.

Самая выдающаяся фигура в нормандской церкви XI века, Одо, почти пятьдесят лет бывший епископом Байе, был далек от того, чтобы соответствовать более строгому идеалу жизни прелата. Сводный брат Завоевателя по матери Арлетте, он получил епископство в качестве семейного дара в нежном возрасте четырнадцати лет и стал одним из величайших князей Нормандии. Сто двадцать рыцарских гонораров обеспечили его могущественными вассалами; его владения давали ему поместья и леса для содержания его хозяйства, топливо для его костров, тростник и камыш для его зала, ренту и десятину в Кане и монополию на мельницу в Байе, пошлины, штрафы и рыночные права, которые приносили значительный доход в готовых деньгах. Для вторжения в Англию он, как говорят, предоставил сто кораблей и принял активное участие в битве при Гастингсе, размахивая огромной булавой вместо копья и меча, поскольку проливать кровь церковнику было запрещено. В ходе последовавшей за этим раздачи Одо получил большие владения на юго-востоке, а также графство Кент и владение замком Дувр, и, похоже, он управлял своими землями тяжелой

рукой как в качестве графа, так и в качестве регента в отсутствие Вильгельма. В его амбиции даже вошло желание сменить могущественного Гильдебранда на посту папы, и он уже потратил значительные суммы в Риме, когда Вильгельм, обвинив его в тирании и притеснениях, посадил его в тюрьму, ответив на его утверждение о церковных привилегиях заявлением, что он заключил в тюрьму не епископа Байе, а графа Кента. Там он томился пять лет, пока Вильгельм на смертном одре, вопреки здравому смыслу, не освободил его еще на десять лет правления в Нормандии. И хотя панегиристы Одо признают, что он был слишком склонен к мирским амбициям, похотям плоти и гордости жизни, они рассказывают о его энергичной защите своего духовенства как оружием, так и красноречием, о подающих надежды молодых людях, которых он поддерживал в школах Лотарингии и других центрах иностранного образования, о путешествии в Иерусалим, в котором он встретил свою смерть, о великом соборе, который он построил в честь Богородицы и украсил золотом и серебром и, вероятно, тем самым гобеленом из Байе, который является главным сохранившимся памятником его великолепия.

С двенадцатого века тип меняется. Для монастырского историка такой епископ, как Филипп д'Харкур, также из Байе, может показаться мудрым в мудрости мира сего, которая для Бога - [глупость](#)⁵³, но его мудрость проявляется в частых поездках в Рим и упорных тяжбах в герцогских судах, а не в битвах и осадах, и своим назначением он обязан своему влиянию как канцлера Стефана, а не кровному родству. Арнульф из Лизье - еще один королевский чиновник, разносторонний, вкрадчивый, изворотливый, не слишком правдивый, если верить его коллегам-епископам, но гордящийся своим латинским стилем и знанием законов и расточительный в письмах к папе. Их современники по-прежнему обязаны своим продвижением по службе службе в качестве капелланов или канцлеров короля, но они также смотрят в сторону Рима и должны быть канонистами, а также светскими чиновниками. Контраст между Бекетом-канцлером короля и Бекетом-архиепископом Кентерберийским является симптомом нового времени, хотя конфликт, к которому он привел, затронул Нормандию лишь косвенно. Отношения со светской властью, которые когда-то опирались на местные норманнские обычаи, формулируются в более резких терминах канонического права вселенской церкви; обращения в Рим и указания из Рима быстро растут в объеме и значении; норманнское духовенство посещает собрания духовенства соседних земель; и к концу эпохи Плантагенетов норманнская церковь готова к поглощению церковью Франции.

О повседневной жизни и разговорах соборного и приходского духовенства двенадцатый век хранит молчание, если не считать осуждения отдельных пороков на советах провинции. Однако с середины XIII века Нормандия представляет нам в дневнике посещений, который вел архиепископ Руана Эудес Риго, картину нравов и морали, которая по достоверности и полноте деталей, вероятно, не имеет аналогов в средневековой Европе; Так и тянет перенестись на два-три поколения назад, описывая руанских каноников, бродящих по собору и болтающих с женщинами во время службы, монахинь Сен-Совер с их домашними собаками и белками и других монастырей, отмечающих праздник Невинных с танцами, песнями и непристойным весельем, монахов Бочервиля, среди которых нет ни одной Библии для чтения. Трудно поверить, что в беспорядках, которые этот праведный архиепископ описывает из года в год, было что-то новое: распутство, пьянство и недержание среди приходского и кафедрального духовенства, распущенная дисциплина, свободное управление и пренебрежение к учебе в монастырях и женских монастырях. То, что было старым во времена Рабле, вероятно, было старым и в XIII веке, и существует множество свидетельств злоупотреблений в средневековой церкви, как в Нормандии, так и в других местах. Больше всего нам хотелось бы знать, насколько распространенными были эти злоупотребления и как много было тех, кто им противостоял, подобно чосеровскому "povre

persoun of a toun", который преподавал "учение Христа и двенадцати его апостолов", но сначала "сам следовал ему". Данных такого рода всегда не хватает для моральной статистики, и их приходится дополнять и интерпретировать с помощью дошедших до нас свидетельств народной набожности и преданности. Таковы шествия священников и народа по всей епархии к соборам на Витсунтид, чудесные исцеления болезней Богоматерью Кутансской, необычайный всплеск раскаяния, религиозного энтузиазма и рвения к добрым делам, вспыхнувший при строительстве шпилей Шартра в 1145 году и распространившийся по всей Нормандии. Создавая ассоциации тех, кто исповедовал свои грехи, принимал покаяние и примирялся со своими врагами, верующие запрягали телеги, наполненные камнем, древесиной, едой и всем, что могло помочь церквям, которым они стремились служить, и тянули их долгие мили, пока, казалось, не исполнилось изречение пророка: "Дух живого существа был в колесах". Аббат Сен-Пьер-сюр-Див, которому мы обязаны самым полным рассказом об этом движении, говорит нам об этих процессиях:[54](#)

Когда они останавливаются на дороге, не слышно ничего, кроме исповедания грехов и чистой и умиротворенной молитвы к Богу о помиловании. Под голос священников, проповедующих мир, ненависть забывается, раздоры отбрасываются, долги возвращаются, единство сердец устанавливается. Но если кто-то настолько продвинулся во зло, что не желает помиловать обидчика или подчиниться благочестивым наставлениям священника, его приношение тут же выбрасывается из повозки как нечистое, а сам он с позором и бесчестьем исключается из общества святых. Там, в результате молитв верующих, можно увидеть, как больные и немощные встают из своих повозок, немые открывают рот для восхваления Бога, одержимые обретают здравый рассудок. Священники, возглавляющие каждую повозку, увещевают всех к покаянию, исповеди, сетованиям и решению жить лучше, а старые и молодые, и даже маленькие дети, распростертые на земле, взывают к Божьей Матери и из глубины сердца возносят к ней рыдания и вздохи, со словами исповеди и хвалы..... После того как верующие возобновляют свое шествие под звуки труб и знамен, путь становится настолько легким, что никакие препятствия не могут его замедлить..... Достигнув церкви, они расставляют повозки вокруг нее, как духовный лагерь, и в течение всей следующей ночи воинство Господне несет вахту с псалмами и песнопениями, на каждой повозке зажигаются лампы и светильники, а мощи святых приносятся для облегчения больных и немощных, за которых священники и люди в процессии молят Господа и Его Пречистую Матерь о милосердии. Если исцеление не наступает сразу, они сбрасывают свои одежды, как мужчины, так и женщины, и тащатся от алтаря к алтарю... умоляя священников подвергнуть их бичеванию за грехи".

В конце анжуйского периода в Нормандии насчитывалось около восьмидесяти монастырей и конвентов, не считая многочисленных келий и приорств, как, например, различные зависимости от великого аббатства Мармутье в Туре. В основном это были бенедиктинские основания, хотя более новые направления цистерцианцев, премонстратов и августинцев были хорошо представлены, а единственный ярко выраженный нормандский орден, конгрегация Савиньи, был рано поглощен цистерцианцами. Самые старые из этих учреждений находились на двух крайних точках герцогства: Мон-Сен-Мишель на одном конце и Жюмьеж, Сен-Вандриль, Сент-Уан и Фекамп на другом; но распределение быстро выравнивалось, и великие аббатства центра, Бек, Кан и Сент-Эврель, вскоре были известны во всей Европе. Завоевание Англии открыло новое поле для монашеского влияния: двадцать нормандских монастырей получили земли в Англии к моменту проведения Domesday survey, и их число значительно увеличилось, когда в начале XV века были конфискованы владения чужеземных приорств. Мон-Сен-Мишель, например, имел приорство в Корнуолле, а также в Ле-Мане, и его земли в Мэне, Бретани и различных частях Англии не ослабляли его желания

получить больше при любой возможности. В течение пяти лет, с 1155 по 1159 год включительно, мы имеем запись деятельности аббата Роберта Ториньи, связанной с имуществом монастыря, и это очень поучительная запись. Он посещает Англию и Нормандские острова, королевские суды в Гаврае, Домфроне, Кане и Карентане, суды епископов Авранша, Кутанса и Байе, а также архиепископа в Руане; доказывая свои права, идя на компромисс, обменивая, покупая, получая в дар или по королевской грамоте; подбирая здесь кусочек земли, там мельницу, сад, виноградник, десятину, церковь, чтобы добавить к землям и рентам, мельницам и лесам, рынкам и церквям и феодальным правам, которыми он уже владел. Существуют также различные примеры ссуд под заклад, поскольку монастыри были главным источником сельского кредита в этот период, а поскольку земля с ее доходами сразу переходила во владение залогодержателя, гарантия была абсолютной, ежегодный доход - гарантированным, а шансы на окончательное приобретение собственности - значительными. За тридцать два года правления монастырем аббат Роберт смог увеличить число монахов с сорока до шестидесяти, расширить монастырские здания, в которых он принимал королей Англии и Франции, и пристроить к церкви аббатства большой фасад - вклад в массивную громаду Марвела, которую мы больше не имеем права лицезреть. Он также трудился над интеллектуальной стороной жизни монастыря, восстановив библиотеку и пополнив ее на сто двадцать томов, а также написав множество работ на исторические темы, которые делают его главным авторитетом для полувековой истории Нормандии.

Однако в хронике Роберта мало что касается монастырей, и даже его специальный очерк по истории нормандских аббатств ограничивается внешними деталями. Возможно, он был поглощен службой; более вероятно, что он не видел ничего достойного пера историка во внутренней жизни учреждения. Когда аббат посвящал новый алтарь или обновлял реликвию святого Обера и святого Лаврентия, об этом стоило написать, но повседневная рутина была в Мон-Сен-Мишеле такой же, как и в других бенедиктинских основаниях, и оставалась практически неизменной на протяжении веков монастырской истории. Во всяком случае, ни один монах Босвелл не сделал для Нормандии того, что Джоселин из Бракелонда сделал для современной Англии в той яркой картине жизни в монастыре Бури-Сент-Эдмундс, которую Карлайл сделал известной в своем *"Прошлом и настоящем"*. Монах из Сент-Эвреля, правда, сделал гораздо больше в *"Истории еkkлeзиaстичeскoй"* Ордерика Виталиса (), но он был историком, а не Босуэллом, и его опыт полувековой монашеской жизни глубоко запечатлен в пяти солидных томах этого обширного труда. Один из этапов религиозной жизни средневековых монастырей прекрасно проиллюстрирован в Нормандии, а именно - посмертные списки членов и глав религиозных домов. Рано вошло в обычай не только регулярно читать молитвы за усопших членов и благодетелей общины, но и обращаться за поддержкой к родственным общинам или ко всем верующим. Для этого составлялась энциклика с изложением добродетелей усопшего, которая разносилась специальным посыльным от монастыря к монастырю, в каждом учреждении указывались молитвы, которые там были произнесены, и добавлялись имена братьев, за которых просили молитв в ответ. Два наиболее значительных документа такого рода, дошедших до нас, имеют норманнское происхождение: список Матильды, первой настоятельницы Святой Троицы в Кане, и список Виталиса, основателя конгрегации Савиньи, который относится к 1122 году и является самой старой рукописью этого типа, сохранившейся в своем первоначальном виде, со всеми причудливыми местными разновидностями исполнения. Каждая из них была провезена по большей части Англии, северной и центральной Франции, достигнув в первом случае двухсот пятидесяти трех различных монастырей и церквей, во втором - двухсот восьмью, а поскольку ответы часто были составлены в прозе или стихах, они представляют собой любопытный памятник состояния культуры в посещаемых местах.

Если импульс к религиозной реформе в Нормандии был бургундского происхождения, то интеллектуальный стимул пришел в основном из Италии. Две главные фигуры в интеллектуальной жизни герцогства в XI веке, Ланфранк и Ансельм, были итальянцами: Ланфранк выделялся своим мастерством в области права, ломбардского, римского и канонического, великой школой, которую он основал в Беке, и своими трудами в области церковного государственного управления; Ансельм - его ученик и преемник на посту настоятеля Бека и архиепископа Кентерберийского, замечательный как учитель, еще более замечательный как один из выдающихся теологов Западной церкви. "При первых шести герцогах, - рассказывают нам, - в Нормандии не было почти никого, кто бы посвятил себя гуманитарным наукам, и не было ни одного мастера, пока Бог, который обеспечивает всех, не послал Ланфранка на эти берега". Преподавая сначала в Авранше, Ланфранк обосновался в Беке в 1042 году, и вскоре его школа привлекла учеников из самых отдаленных уголков Франции и отправила их во всех направлениях к почетным и влиятельным должностям. Такие аббаты, как Гилберт Криспин Вестминстерский, такие епископы, как Сент-Ив Шартрский, примасы Руана и Кентербери, даже папа римский в лице Александра II - все эти люди фигурируют в длинном почетном списке учеников Ланфранка в Беке. Однако для столь известного учебного заведения мы знаем крайне мало о реальном курсе и методах обучения в Беке, и его историк вынужден опираться на общее описание *тривиума* и *квадривиума*, которые составляли обычную монастырскую программу обучения. Мы даже не знаем, действительно ли Ланфранк преподавал предмет права, по которому он был прошлым магистром, хотя мы можем быть уверены, что теология и философия занимали большое место при Ансельме, и что школа должна была испытывать влияние большого участия, которое ее лидеры принимали в теологических дискуссиях своего времени. Важной формой деятельности в монастырях того периода было копирование рукописей - надежная защита от безделья, которое святой Бенедикт объявил врагом души. Ланфранк не спал ночами, исправляя ежедневные копии монахов Бека; первый аббат Сент-Эвруля рассказывал назидательную историю о заблудшем брате, который обеспечил себе спасение, добровольно скопировав священную книгу таких размеров, что ангелы, которые представили ее от его имени на суде, смогли буква в букву сверить ее с его грехами и в конце оставить одну букву в его пользу! Монахи Сент-Эвруля гордились своим латинским стилем, особенно латинским стихом, и своими песнопениями, которые пели даже в далекой Калабрии; однако лучший пример их обучения, историк Ордрик, свободно признает литературное превосходство Бека, "где почти каждый кажется философом, и даже неученым есть чему научить пенистых грамматиков".

В течение двенадцатого века лидерство в обучении переходит от регулярного к светскому духовенству, и монастырские школы падают перед соборными школами Лаона, Тура, Шартра, Орлеана и Парижа, две из которых, Париж и Орлеан, вскоре выходят за рамки старой учебной программы и превращаются в университеты. По мере того как поток ученых устремляется к этим новым центрам, Нормандия остается в стороне; больше не являясь лидером, ее студенты должны изучать теологию и философию в Париже, право - в Орлеане и Болонье, медицину - в Салерно и Монпелье. Главный нормандский философ нового времени, Вильгельм Коншский, воспитатель Генриха II, ассоциируется скорее с Парижем, чем со школами Нормандии. Возможно, самая оригинальная работа пионера новой науки, "*Вопросы природы*" Аделарда из Бата, посвящена нормандскому епископу, Ричарду из Байе,

но ее автор не был нормандцем, и мы не находим нормандских имен среди тех, кто глубоко пил из новых источников Испании и Сицилии.

Для оценки интеллектуальной активности норманнских монастырей и соборов ничто не может служить лучше, чем изучение содержимого их библиотек, где мы могли бы сами судить о том, какие книги они приобретали, переписывали и читали. Этого, к сожалению, мы уже не можем сделать. Библиотека Бека, частично уничтоженная пожаром в семнадцатом веке, была рассеяна на четыре ветра небесных в восемнадцатом, и хотя законодательство 1791 года предусматривало передачу таких коллекций в публичные хранилища соседних городов, Библиотеки Авранша, Аленсона и Руана, возрожденные Национальной библиотекой, собрали лишь малую часть древних сокровищ Мон-Сен-Мишеля, Сент-Эвреля и заведений в низовьях Сены. Сохранились как важные, так и диковинные произведения - автографические исправления Ланфранка, оригиналы великих историй Роберта Ториньи и Ордерика Виталиса, служебные книги, проливающие свет на истоки литургической драмы, картотеки церквей и аббатств, - но для более полного представления о ресурсах XII века мы должны обратиться к современным каталогам, дошедшим до нас из монастырей Сент-Эврель, Бек, Лир, Фекамп и собора Руана. Ведь, как напоминал нам восхитительный академик *Сильвестр Боннар*, нет такого легкого, спокойного и соблазнительного чтения, как каталог рукописей; и нет лучшего проводника в тишину и покой монастырской библиотеки, как это до сих пор можно ощутить в тиши Эскориала или Монте-Кассино. Возьмем самый конкретный пример - коллекцию из ста сорока томов, завещанную Беку Филиппом, епископом Байе, после его смерти в 1164 году, точнее, сто тринадцать, которые дошли до монастыря, а двадцать семь упали по дороге и поэтому были опущены в каталог. Как и другие библиотеки того времени, эта состояла в основном из богословия - трудов Отцов, каролингских и послекаролингских комментаторов и богословов, вплоть до современников Филиппа, святого Бернара, Жильбера де ла Порре, Хильдеберта Турского, Хью Сен-Викторского, и его митрополита Хью Амьенского. Умудренный мудростью мира сего, епископ владел всем *Корпусом гражданского права* в пяти томах, а также ведущими авторитетами по каноническому праву - Бурхардом, Сент-Ивом и *Декретом* Грациана. У него не было ни одного из римских поэтов, хотя они не были неизвестны нормандским писателям его эпохи, но зато была хорошая подборка прозаических произведений литературного и философского характера - Цицерон и Квинтилиан, Сенека и младший Плиний, а также средневековая версия платоновского *"Тимея"*. Неплохо представлены римские историки, наиболее популярные в Средние века: Цезарь, Суетоний, Валерий Максим, Флор, Евтропий, латинская версия Иосифа, а также их средневековые преемники, наиболее близкие к англо-нормандской тематике. Наука ограничивалась *"Естественной историей"* Плиния и двумя анонимными трактатами по математике и астрономии, а практические искусства были представлены Палладием по сельскому хозяйству и Вегецием по тактике. В целом это типично нормандская библиотека, не обладающая богатым воображением, но сильная в ортодоксальном богословии, праве и истории; не во всех отношениях современная коллекция, поскольку в ней не было ни одного из логических трудов Аристотеля, преобразивших европейскую мысль, и, за исключением трактата Аделарда из Бата, в ней не было заметно следов новой науки, которая начала проникать через Испанию; Поразительно отсутствие, за исключением тома по нормандской истории, продуктов самой Нормандии, даже в области теологии и толкования Писания, где, например, Ричард аббат Прео написал чудесные комментарии к Бытию, Второзаконию, Экклезиасту, Песне Песней и Притчам Соломона, а также "аллегорически или тропологически рассуждал во многих трактатах о неясных проблемах Пророков" ⁵⁵.⁵⁵

В конце концов, труды по истории Нормандии были самым нормандским, что мог создать нормандец, и именно в этой области герцогство внесло свой главный вклад в средневековую литературу и образование. Появляются все обычные типы: местные анналы, списки епископов и аббатов, жития святых, биографии князей, но наиболее характерными являются произведения, в которых история Нормандии рассматривается как единое целое: полулегендарный рассказ о первых герцогах Дудо из Сен-Кантена, путаная, но ценная "Геста" Вильгельма из Жюмьежа, наконец-то восстановленная в критическом [издании](#)⁵⁶, "Хроника" Роберта из Торины и особенно великая "История еkkлeзиaстики" Ордерика Виталиса, шеф-повар нормандской историографии и самый важный исторический труд, написанный во Франции в двенадцатом веке.

Ордерик родился в 1075 году недалеко от Шрусбери и рано посвятил себя монашеской жизни. Чтобы семейные привязанности не помешали его призванию и надеждам на рай, которые возлагались на рыдающего мальчика, горе-родители навсегда отправили его в Сент-Эврель у южной границы Нормандии. В десять лет он был посвящен в сан дьякона, в восемнадцать - в сан священника, а в тридцать два - в сан пастыря. Шесть аббатов сменяли друг друга, пока в возрасте шестидесяти шести лет он не сложил перо с трогательной молитвой и благодарностью Тому, Кто распорядился этими годами по Своему благоволению. В течение этого полувека бедности и послушания Ордерик почти не имел возможности покидать пределы монастыря, хотя в редких случаях мы можем проследить его в Англии, в Камбрее, Реймсе и Клуни, и материалы для его истории пришлось собирать почти полностью из хорошо укомплектованной библиотеки аббатства и из разговоров с теми, кто проходил мимо него. Однако эти возможности были немалыми, поскольку, как бы ни казался Сент-Эврель удаленным в своем уголке *pays d'Ouche*, он поддерживал постоянные отношения с Англией, где у него были земли, и с южной Италией, куда он отправлял своих прихожанок для основания новых монастырей; Как и все подобные заведения, он был местом развлечений для путешественников всех сословий, священников и монахов, рыцарей и жонглеров, даже короля, такого как Генрих I, которые привозили с собой отчеты о своих путешествиях по миру и рассказы о великих деяниях в далекой Испании, Сицилии, и Иерусалиме. Лучших мест для сбора материалов для написания истории было мало, и не было никого, кто мог бы использовать их лучше, чем Ордерик. К 1123 году он полностью приступил к своей великой работе и продолжал ее в течение оставшихся восемнадцати лет своей жизни, откладывая ее на зиму, когда его пальцы немели от холода, но возобновляя ее каждую весну четкой круглой рукой, которая встречается нам во многих рукописях Сент-Эвреля, и предлагая ее в конце будущим поколениям, памятник более долговечный, чем гранитный обелиск, воздвигнутый в его память в 1912 году. Его первоначальная цель была ограничена историей его монастыря, но вскоре план расширился и включил в себя основные движения его времени и, наконец, вырос до идеи всеобщей истории, начинающейся, действительно, с христианской эры, а не с более обычной точки отсчета - Творения. Тем не менее, даже в своем окончательном виде труд Ордерика не является всеобщей историей христианских веков, поскольку общая часть носит в основном вводный и сравнительно краткий характер; его настоящей темой является норманнская история, в центре которой, конечно, находятся перипетии его монастыря и прилегающей территории, но также большое место отводится деяниям норманнов в той большой Нормандии, которую они создали за морем, в Англии, в Италии и в Палестине. Таким образом, он не только норманнский, но и паннормандский. План, или скорее отсутствие плана, его тринадцати книг отражает изменения замысла и перерывы, которые претерпела работа; здесь есть некоторые повторения, много путаницы и явное отсутствие архитектурного искусства. Эти недостатки, однако, не умаляют главного достоинства произведения, которое заключается в том, что оно заменяет бессвязные анналы старого типа полным и обширным историческим

повествованием, богатым деталями, ярким в изложении, уделяющим место литературной истории и повседневной жизни, а также делам церкви и государства, и в целом представляющим собой наиболее верную и живую картину, дошедшую до нас, европейского общества его эпохи. Не будучи ни в миру, ни от мира, этот монах обладал зрелым знанием людей и дел, независимостью суждений, чувством личности и верным штрихом в характеристике. У него был и свой собственный латинский стиль, временами скорее трудовой, чем аффектированный, готовый продемонстрировать свое мастерство в хорошо выверенных стихах или в развернутых речах по образцу классических историков, но прямой и энергичный, недостойный гибкого и звучного языка, который он сделал своим собственным.

Латынь, однако, была исключительным достоянием духовенства, да и то не всего, если судить по экзаменам, проведенным Эудесом Риго, и к середине двенадцатого века нормандские бароны стали требовать от клерков изложения англо-норманнского прошлого на языке, который они тоже могли понять. История на просторечии развивается во Франции раньше, чем в других странах, и раньше всего - в Нормандии и в английских землях, которые разделяли нормандскую речь и создали самый старый из сохранившихся примеров такого труда, *"Историю англов"* Гаймара, написанную между 1147 и 1151 годами. Главным центром создания вернакулярной истории был двор покровителя церковной и светской образованности Генриха II и его аквитанской королевы, одному или обоим из которых посвящены истории Уэйса и Бенуа де Сент-Мора. Уэйс, самый интересный из этой группы писателей, был уроженцем Джерси и клерком из Кана, который зарабатывал честные гроши своими сочинениями и получил каноническое звание в Байе благодаря самому важному из них, своему *Роману де Ру*. Начиная с Ролло, от которого происходит его название, он прослеживает ход нормандской истории до победы Генриха I в 1106 году, в простых и приятных французских стихах, основанных на латинских хрониках, но включающих кое-что из народной традиции. Такая компиляция мало что добавляет к нашим знаниям, но ко времени Третьего крестового похода мы находим современное повествование во французских стихах, подготовленное *жонглером* из Эврё, который сопровождал Ричарда в экспедиции. Если мы не будем обращать внимания на линию, в лучшем случае очень слабую, которая в произведениях такого рода отделяет историю от романа и от назидательных произведений, мы должны отнести норманнских первопроходцев еще дальше назад, к *"Жизни святого Алексия"*, которой мы обязаны, вероятно, канонику Руана в XI веке, и к великому национальному эпосу средневековой Франции, *Шансону Роланда*, донорманнскому по происхождению, но норманнскому в своей ранней форме, который недавно был приписан Турольду, епископу Байе после смерти более известного Одо, а затем в течение многих лет монаху Бека. Можно возразить, что в этом замечательном пеане о рыцарстве Средневековья, религией которого является Бог битв, никогда не лгавший, и герой которого встречает смерть с лицом к Испании и нетленным мечом под ним, нет ничего монашеского; Но у рыцарей и монахов было больше общего, чем считалось раньше, и мы все больше убеждаемся, что монастыри, особенно монастыри великих магистралей, сыграли большую роль в создании, если не в окончательном написании, средневекового эпоса, а также средневековых хроник.

Когда мы доходим до таких произведений, литературная история Нормандии сливается с историей Франции, а также Англии, которая, благодаря нормандскому завоеванию и нормандской империи, долгое время оставалась литературной провинцией Франции. Однако мы не должны оставлять впечатление о романтическом или поэтическом характере этой простонародной литературы, пока еще почти полностью являющейся делом рук клерков. Ее стихотворная форма была просто привычкой эпохи, которая находила стих

легким для запоминания; сама литература, как хорошо заметил Гастон [Парис57](#), была "по существу учебной литературой для использования непрофессионалами", подходящим материалом для прозы, а не для поэзии. Таким образом, она характерна для норманнов как по теме, так и по речи - простая и строгая по форме, набожная и назидательная, а не мистическая, скорее историческая, чем умозрительная, и стремящаяся с помощью морализированной науки лапидариев, бестиариев и астрономических пособий помочь повседневной жизни серьезных и практичных людей.

* * * * *

Нормандии было что сказать миру и в самом средневековом из искусств - архитектуре, и особенно в романской форме строительства, расцвет которой пришелся на одиннадцатый век и первую половину двенадцатого. Великие норманнские церкви этой эпохи были естественным результатом ее жизни - богатства аббатств, великолепия княжеских прелатов, таких как Одо из Байе и Джеффри из Кутанса, благочестия и покаяния Вильгельма Завоевателя и Матильды, искупивших двумя аббатствами свой брак в запретных степенях, религиозной набожности народа, о чем свидетельствуют процессии 1145 года. Биограф Джеффри де Моубрея, например, [рассказывает58](#), как епископ день и ночь трудился над расширением и благоустройством своей церкви в Кутансе (освященной в 1056 году), выкупил у герцога большую половину города, чтобы получить место для собора и дворца, ездил в Апулию, чтобы получить золото, драгоценные камни и облачения от Роберта Гискара и его братьев-норманнов, и содержал за счет своей ренты штат скульпторов, каменщиков, золотых дел мастеров и мастеров по стеклу. Почти сорок лет спустя, когда церковь пострадала от землетрясения и бури, он привез из Англии водопроводчика, чтобы тот восстановил свинцовую крышу и поваленные камни башен и заменил позолоченный петух, венчавший все это; и когда он увидел, что петух снова сверкает на вершине, он возблагодарил Бога и вскоре скончался, произнеся вечные проклятия тем, кто повредит его церковь. От этого знаменитого сооружения теперь ничего не осталось, потому что благородные башни, которые смотрят с холма Кутанс на западное море, построены в готическом стиле, как и вся церковь; а за уцелевшими памятниками соборов XI и XII веков мы должны отправиться в нефы Байе и Эврё и в башню Святого Ромена в Руане. Но и здесь впечатление будет фрагментарным, нарушенным готическими хорами, башнями и шпилями более поздней эпохи, подобно тому, как простые линии ранней церкви Мон-Сен-Мишель поглощаются витиеватой готикой более высоких частей великой громады. Сооружения, полностью относящиеся к романскому периоду, следует искать в приходских церквях, которыми так богата Нормандия, или в больших аббатствах, которые встречаются нам в Лессее, Серизи, Кане, Жюмьеже и Бошервиле. Жюмьеж, хотя и находится в руинах, сохраняет полный контур стиля середины одиннадцатого века; Кан представляет в Аббатстве людей и Аббатстве дам два совершенных, хотя и контрастных типа несколькими годами позже, один простой и строгий, другой более богатый и менее величественный. Фримену может показаться причудливым предположение, что эти церкви-сестры выражают дух своих основателей, "имперскую волю герцога-завоевателя" и более мягкий нрав его "любящей и верной герцогини" [59](#), но в любом случае они являются нормандскими и типичными для своей эпохи и страны. В орнаменте нормандских церквей этого периода есть элементы, которые объясняются далеким влиянием скандинавского севера или Дальнего Востока, возможно, в их плане прослеживаются следы ломбардской архитектуры, но в целом их структура такая же нормандская, как и камень, из которого они построены, и отличается местными чертами от других разновидностей французского романского стиля, которые

породил этот период. Не последней норманнской чертой этих зданий является неизменный здравый смысл замысла и исполнения; норманнские зодчие не пытались сделать невозможное с архитектурной точки зрения и не брались за задачи, подобные собору в Бове, которые они не могли закончить в свое время и в своем стиле. "Что они начали, то и завершили", - пишет Нестор американских историков в своей сочувственной интерпретации искусства и духа *Мон-Сен-Мишеля и Шартра*. В норманнском искусстве, как и в других фазах норманнских достижений, последнее слово не может быть сказано, пока мы не проследим его далеко за пределами герцогства, на север до Дарема, "наполовину дома Божьего, наполовину замка против шотландцев", и других массивных памятников, которые сделали "норманн" синонимом целого стиля и периода английской архитектуры, и на юг до тех более вычурных сооружений, которые норманнские князья возвели в Бари и Чефалу, Палермо и Монреале. "Ни одно искусство - ни греческое, ни византийское, ни итальянское, ни арабское, - говорит Генри Адамс⁶⁰, - никогда не создавало двух религиозных типов, столь прекрасных, столь серьезных, столь впечатляющих и в то же время столь разных, как Мон-Сен-Мишель, смотрящий на северный океан, и Монреале, смотрящий вниз через свои леса апельсинов и лимонов, на Палермо и сицилийские моря".

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Не существует общего описания жизни и культуры норманнов в любой период Средневековья, а также общего исследования норманнского феодализма. Об условиях во Франции в целом см. Luchaire, *La société française au temps de Philippe-Auguste* (Paris, 1909), перевод Krehbiel (New York, 1912); об Англии - Miss M. Bateson, *Mediæval England* (New York and London, 1904). О замках см. C. Enlart, *Manuel d'archéologie française*, II (Paris, 1904, с библиографией), и Mrs. E. S. Armitage, *The Early Norman Castles of the British Isles* (London, 1912). О Вильгельме Маршале см. введение Поля Мейера к его изданию "*Истории Гильома Маршала*" (Париж, 1891-1901); поэма была использована Жюссераном для описания турниров в его книге "*Спорт и упражнения в древней Франции*" (Париж, 1901), гл. 2.

* * * * *

Классической является работа Делисле "*Исследования состояния сельскохозяйственных классов и состояния сельского хозяйства в Нормандии в средние века*" (Évreux, 1851).

Лучшими исследованиями нормандских муниципальных учреждений являются A. Chérueil, *Histoire de Rouen pendant l'époque communale* (Rouen, 1843); A. Giry, *Les Établissements de Rouen* (Paris, 1883-85), дополненный Valin, *Recherches sur les origines de la commune de Rouen* (*Précis of the Rouen Academy*, 1911); Charles de Beaurepaire, *La Vicomté de l'Eau de Rouen* (Évreux, 1856); E. de Fréville, *Mémoire sur le commerce maritime de Rouen* (Rouen, 1857); Miss Bateson, *The Laws of Breteuil*, in *English Historical Review*, XV, XVI; R. Génestal, *La tenure en bourgage* (Paris, 1900); Legras, *Le bourgage de Caen* (Paris, 1911).

* * * * *

Прекрасный рассказ о нормандской церкви в Н. Böhmer, *Kirche und Staat in England und in der Normandie* (Leipzig, 1899), останавливается на 1154 году. Об Одо и Филиппе д'Харкуре см. статьи В. Бурриенна в *Revue Catholique de Normandie*, VII-X, XVIII-XXIII. Регистр Эудеса Риго (ed. Bonnin, Rouen, 1852) проанализирован Делилем в *Bibliothèque de l'École des Chartes*, VIII, pp. 479-99; *Miracula Ecclesie Constantiensis* и письмо аббата Хаймо обсуждаются им же, *ibid.*, IX, pp. 339-52; XXI, pp. 113-39. О мортурных списках см. его факсимильное издание *Rouleau*

mortuaire du B. Vital (Париж, 1909 г.). Лучшая монография о нормандском монастыре - R. N. Sauvage, *L'abbaye de S. Martin de Troarn* (Caen, 1911), где перечислены и другие подобные исследования. См. также Génestal, *Rôle des monastères comme établissements de crédit étudié en Normandie* (Paris, 1901), и издание Delisle's edition of Robert of Torigni.

Школы Бека описаны А. Попе, *Histoire de l'abbaye du Bec* (Évreux, 1901). О различных нормандских историках рассказывает А. Молинье, *Les sources de l'histoire de France* (Paris, 1901-06), особенно II, chs. 25, 33. Об Ордерике и Сент-Эвреле см. введение Делиля к изданию "*Historia Ecclesiastica*", опубликованному Обществом истории Франции, и тома, выпущенные Историческим и археологическим обществом Орна по случаю праздников 1912 года (Аленсон, 1912). Другие ранние каталоги библиотек, в том числе каталог Филиппа из Байе, содержатся в первых двух томах "*Генерального каталога MSS. департаментов*" (Париж, 1886-88). О вернакулярной литературе см. Gaston Paris, *La littérature normande avant l'annexion* (Paris, 1899); и L. E. Menger, *The Anglo-Norman Dialect* (New York, 1904). Последние обсуждения "*Шансона Роланда*" см. в J. Bédier, *Les légendes épiques*, III (Paris, 1912); исследования В. Тавернье в *Zeitschrift für französische Sprache und Litteratur*, XXXVI-XLII (1910-14), и *Zeitschrift für romanische Philologie*, XXXVIII (1914). Энларт, "*Manuel d'archéologie française*", I, упоминает основные работы по нормандской церковной архитектуре. См. также R. de Lasteyrie, *L'architecture religieuse en France à l'époque romane* (Paris, 1912), ch. 15; Enlart, *Rouen* (Paris, 1904); H. Prentout, *Caen et Bayeux* (Paris, 1900); Henry Adams, *Mont-Saint-Michel and Chartres* (Boston, 1913).

VII НОРМАННЫ НА ЮГЕ

Из всех достижений героического века норманнской истории ни одно не было более смелым по исполнению или более блестящим по результатам, чем подвиги норманнских баронов в землях Средиземноморья. Сражаясь с неверными в Испании, на Сицилии и в Сирии, рассеивая папскую армию и становясь покорными вассалами Святого престола, побеждая лангобардских князей и византийских полководцев, норманны были славными искателями приключений в средиземноморском мире на протяжении всего XI века, который стал великим периодом норманнской экспансии. Затем, став хозяевами Южной Италии и Сицилии, они применили свои способности к ассимиляции и организации и создали сильное, хорошо управляемое государство и богатую, многогранную цивилизацию, ставшую чудом Европы. Если бы у кого-то возникло искушение приписать успехи норманнов в Англии счастливой случайности или уникальной личности Вильгельма Завоевателя, то история достижений норманнов на юге, работы разрозненных групп простых баронов без какой-либо помощи со стороны правящих герцогов, стала бы убедительным доказательством творческой силы норманнского гения в завоевании и управлении.

Самые ранние связи норманнов со странами Средиземноморья были следствием паломничества к святым местам, которое играет столь важную роль в жизни и литературе Средневековья. Возникнув из раннего почитания святынь, связанных с зарождением христианства, страданиями и смертью христианских мучеников, паломничество со временем было усилено более практическими мотивами исцеления и покаяния, пока толпы

паломников, преследовавших дороги в позднее Средневековье, не стали включать многих охрипших преступников, стремившихся искупить свои грехи этой особой формой добрых дел. Иногда этих кающихся отправляли скитаться по земле на определенное время, чаще же им назначали путешествие к соседней святыне или к какому-нибудь более известному источнику целебной благодати, например в Компостелу, Рим или Иерусалим. Компостела, скрывающая среди галисийских холмов кости не менее великого апостола, чем св. Иакова Великого, ставшего со временем покровителем Испании и распространившего имя Сантьяго на два континента, рано стала центром паломничества из Франции и приняла в число своих почитателей могущественного Карла Великого, чьи следы паладины проследили через темные дефиле Пиренеев в *"Песне о Роланде"*, а также в специальном маршруте, составленном для французских паломников к гробнице святого. Рим, конечно, был важнее, ведь в нем жили два апостола, а также их живой преемник на понтификальном престоле. Не требовалось благочестивых выдумок, чтобы доказать, что Карл Великий был в Риме и получил императорскую корону, преклонив колени в соборе Святого Петра, а люди рассказывали, как в свое время великий король Канут отправился туда с посохом, скрепами и множеством лошадей, нагруженных золотом и серебром. В Риме уже было так много чужестранцев, что были составлены путеводители с указанием главных достопримечательностей и чудес - можно сказать, что это были "путеводители по Риму"; и когда процессии приближались к Вечному городу, они врывались в его восхваление в этом замечательном хоре паломников: - O Roma nobilis, orbis.

O Roma nobilis, orbis et domina,
Cunctarum urbium excellentissima,
Roseo martyrum sanguine rubea,
Albis et virginum liliis candida;
Salutem dicimus tibi per omnia,
Te benedicimus: salve per secula.

Иерусалим был наиболее ценным из всех, как из-за его священных ассоциаций, так и из-за трудности путешествия. Не понадобился Карл Великий, чтобы оправдать обращение к Гробу Господню, где мать великого императора Константина построила первую святыню; но великий Карл построил там общежитие для франкских паломников, и вскоре легенда заставляет его тоже отправиться по дороге в Константинополь и Иерусалим, о чем нам напоминает великое окно Карла Великого в Шартре. Существовали пособия и для паломников в Иерусалим, но они были в основном посвящены тому, как достичь небесного города, хотя одно из них содержит совет путнику всегда держать лицо на востоке и просить помощи у Бога.

Во всей этой дорожной жизни норманны принимали самое активное участие. Мишле считает, что их мотивом был норманнский дух наживы: они больше не могли грабить соседей дома, но были рады возможности заработать в пути и уверенности в том, что получают сто процентов, гарантируя спасение души в конце путешествия. Конечно, они не боялись путешествовать и не прочь были воспользоваться возможностями, которые им предоставляло путешествие. Мы видим их, иногда поодиночке, иногда вооруженными отрядами, на пути в Испанию, в Рим и в Святой город. В одно время это может быть сам герцог, Роберт Великолепный, который с большой компанией направляется к Гробу Господню, чтобы по возвращении умереть в Никее; или святой аббат, как Тьерри из Сент-

Эвруля, лишенный возможности увидеть земной Иерусалим, который он искал, но обративший свои мысли к городу, созданному не руками, когда он укладывался спать перед одиноким алтарем на берегу Кипра. В других случаях преобладает военный элемент, как в случае с Роджером Тонийским, который возглавил армию против испанских сарацин во времена герцога Ричарда Доброго, или Робертом Криспином полвека спустя, который сражался в Испании, жил в Италии и, наконец, перешел на службу к императору в Константинополе, где "много торжествовал и много побеждал". В этом волнующемся мире грань между паломником и искателем приключений было нелегко провести, и норманны не всегда ее проводили. Часто "одежда кающегося покрывала почтовый плащ", и они носили большой меч вместе с посохом и кошельком пилигрима.⁶¹ Мы должны помнить, что в этот период Нормандия экспортировала значительное количество молодых сыновей, воспитанных для жизни в войне и вскормленных богатой пищей *chansons de gestes*, но отпущенных в мир, чтобы искать в других местах земли, добычу и подвиги славы, которые они уже не могли найти у себя дома. Завоевание Англии дало выход этому движению в одном направлении; завоевание Южной Италии поглотило его в другом.

* * * * *

В одиннадцатом веке, как и в начале девятнадцатого, Италия была всего лишь географическим выражением. Единство закона и правительства, которым она пользовалась при римлянах, было давно нарушено вторжением лангобардов и франкским завоеванием, которые втянули центр и север полуострова в потоки западной политики, в то время как юг продолжал смотреть на Константинополь как на свою столицу, а Сицилия перешла под власть Пророка и фатимидских халифов Каира. Отделенная от остальной Италии высоким барьером Аbruцци и клином территорий, который папство вбило в линии коммуникаций на западе, южная половина следовала иному курсу исторического развития со времен лангобардов до времен Гарибальди. Природа отвела ей центральное место в средиземноморском мире, к которому через заливы и бухты длинной береговой линии открывались богатые внутренние районы Кампании и Апулии и природные магистрали за их пределами. Здесь возникли города Magna Graecia, ставшие колыбелью итальянской цивилизации; здесь римляне имели свои главные гавани в Поццуоли и Бриндизи и свою великую военно-морскую базу на мысе Мизено; здесь порты Гаэта, Неаполь, Амальфи и Бари поддерживали связь с Востоком на протяжении всего Средневековья. И если когда-то гений Гамилькара и Ганнибала стремился оторвать юг и острова от Италии, чтобы объединить их с карфагенской империей, то тесные связи с Африкой были вновь подтверждены набегами и завоеваниями сарацинов, а связь с Востоком сделала их последним оплотом византийской власти за пределами Адриатики. В конечном счете, однако, было отмечено, что если культура этого региона пришла с юга, то его хозяева - с [севера](#)⁶²; и его новые хозяева XI века должны были объединить и консолидировать его в то самое время, когда остальная часть полуострова распадалась на враждующие коммуны и княжества. В 1000 году единство юга было в значительной степени формальным. Восточная империя все еще претендовала на власть, но северный регион был полностью независим под лангобардскими князьями Капуи, Беневенто и Салерно, а приморские республики Неаполь, Гаэта и Амальфи подчинялись в лучшем случае лишь номинально. Фактическая власть Византии была ограничена крайним югом, где ее губернаторы и сборщики налогов правили в Апулии и Калабрии. Из этих двух областей Калабрия, ставшая теперь носком сапога, была более греческой, как по религии и языку, так и по политической лояльности, но ее разрозненные города были не в состоянии защитить себя от активного нападения. Многочисленное лангобардское население Апулии сохранило свою речь и свои законы и не проявляло никакой привязанности к своим греческим правителям, чьи налоги и военная служба не приносили ни мира и безопасности

внутри страны, ни защиты от набегов сарацин. Материала для восстания было предостаточно, и норманны послужили поводом.

Первый определенный след норманнов в Италии появляется примерно в 1016 году, когда группа, возвращавшаяся из Иерусалима, была обнаружена в Монте-Гаргано на восточном побережье. Здесь находилось древнее святилище святого Михаила, более древнее, чем знаменитый монастырь святого Михаила Погибели на границах Нормандии, с которым он делил красный плащ своего покровителя, и естественный объект почитания со стороны норманнских паломников, которые хорошо понимали воинственные добродетели архангела пламенного меча. Здесь норманны разговорились с лангобардом по имени Мелес, который недавно возглавил неудачное восстание в Апулии и сказал им, что с несколькими такими же воинами, как они, он сможет легко победить греков, после чего они пообещали вернуться со своими соотечественниками и помочь ему. Другая история того же года повествует о том, как сорок доблестных норманнов, также возвращавшихся домой от Гроба Господня, обнаружили сарацинскую армию, осаждавшую Салерно, и, получив от местных жителей оружие и лошадей, разгромили и изгнали неверных. Жители просили их остаться, но те ответили, что действовали только из любви к Богу, и согласились привезти домой лимоны, миндаль, богатые одеяния и другие товары юга, чтобы привлечь других норманнов поселиться в этой земле молока и меда. Легенда, несомненно, играет свою роль в этих рассказах, - добрый Ордрик заставляет двадцать тысяч сарацин перед Салерно бежать перед сотней норманнов, - но общий рассказ о причинах норманнских походов кажется верным. Возможно, лангобардский эмиссар сопровождал паломников домой, чтобы помочь в наборе войск; конечно, в 1017 году норманны вернулись в полном составе и были готовы к делу. Однако в первых подвигах норманнов на итальянской земле не было ничего сенсационного или решающего. Результаты первых кампаний с Мелесом в северной Апулии были потеряны в результате серьезного поражения при Канне, и в течение многих лет норманны, немногочисленные, но храбрые и умелые, искали свои индивидуальные преимущества на службе у различных партий в итальянской политике, переходя от одного князя к другому в зависимости от выгоды, и не давая никому такого решительного перевеса, чтобы он мог обойтись без них. Первое норманнское княжество было основано около 1030 года в Аверсе, к северу от Неаполя, где деньги Руана продолжали обращаться более века после этого; но такие определенные точки кристаллизации появляются медленно, и тело норманнов, постоянно набираемое из дома, жило как наемники на жалованье и грабежи. Однако их репутация была прочной, и когда папа попросил принца Салерно распустить его норманнскую дружину, тот ответил, что ему стоило много времени и денег собрать это драгоценное сокровище, для которого солдаты врага были "как мясо перед пожирающими львами" ⁶³.

Среди норманнских предводителей выделяется дом Хаутевилей, как доминирующая сила в этот период становления и как родоначальник последующих князей Южной Италии и Сицилии. Глава семьи Танкред владел баронством Хотевиль в окрестностях Кутанса, но его наследства было недостаточно для обеспечения двенадцати сыновей, большинство из которых отправились искать счастья на юге: старшая группа, состоящая из Вильгельма Железной Руки, Дрого и Хамфри, и младшая группа сводных братьев, среди которых наиболее важными являются Роберт Гискар и Рожер. Поначалу едва ли отличимые от своих соратников-воинов, *li fortissime Normant* их историка Эме, подвиги этих братьев прославляются позднейшими хронистами так, что напоминают нам не столько трезвую историю, сколько героев саг или *песнопений*. Вильгельм Железная Рука и Дрого, по-видимому, прибыли на юг около 1036 года и вскоре отличились в первом вторжении на Сицилию и в завоевании северной Апулии, где Вильгельм был избран вождем, или графом,

другими норманнами, а после его смерти в 1046 году его сменил Дрого, который вскоре после этого был наделен графством императором Генрихом III. По всей видимости, именно в этом году Роберт Гискар впервые прибыл в Италию. Отказавшись от помощи своих братьев, он нанимался к разным баронам, пока не был оставлен Дрого во главе небольшого гарнизона в горах Калабрии. Здесь он жил как разбойник, угоняя скот и овец жителей и удерживая самих людей в качестве выкупа. Однажды он устроил засаду для греческого коменданта Бизиньяно, которого пригласил на конференцию, и заставил его заплатить двадцать тысяч золотых *солидов* за свою свободу. Как бы ни был разбойник, Роберт был больше, чем просто бандит. Благодаря своей проницательности и находчивости он рано получил прозвище Гискар, или настороженный, а его византийская современница, принцесса Анна Комнина, оставила его портрет, на котором его возвышающийся рост, сверкающий глаз и кричащая сила сочетаются с непомерными амбициями и желанием доминировать, организаторскими способностями и непобедимой волей. Вступив в брак с влиятельным южным бароном, он вскоре добился успехов в завоевании Калабрии, и хотя Дрого и его брат Хамфри завидовали продвижению Роберта, после смерти Хамфри в 1057 году он был избран преемником графа и предводителем норманнов. Оставив младшему брату Роджеру, только что прибывшему из Хаутевиля, завоевание Калабрии и первые попытки захвата Сицилии, Гискар уделил особое внимание делам Апулии и после ряда кампаний и восстаний завершил покорение материка взятием Бари в 1071 году. Через пять лет после битвы при Гастингсе вся южная Италия перешла под власть норманнов. Юг был завоеван, но для кого? Роберт не был королем, а у простого графа должен быть, хотя бы для проформы, феодальный начальник. И эту роль, как ни странно, взял на себя Папа Римский.

Отношения норманнов с папством составляют не последнюю примечательную главу в необычной истории их владычества на юге. Этот период экспансии совпал с великим движением возрождения и реформ в церкви, которое было энергично подхвачено немецкими папами середины века и достигло кульминации несколько лет спустя в великом понтификате Григория VII. Что касается итальянской политики папства, то это движение, по-видимому, имело два аспекта: стремление положить конец беспорядкам, вызванным симонией и браками духовенства, которые на юге усугублялись конфликтом между властью греческих и латинских епископов, и желание расширить временную власть и влияние папы на полуострове. В обоих этих направлениях завоевания норманнов, казалось, угрожали папским интересам, и мы не удивляемся тому, что первый из этой энергичной череды пап, Лев IX, активно вмешивался в церковные дела региона и выступал в роли защитника туземного населения, которое обращалось к нему и, в случае с Беневенто, формально взяло себя под его защиту. Наконец, с войском, собранным в Германии и других частях Италии, он встретился с норманнами в битве при Чивитате в 1053 году и потерпел ошеломляющее поражение, которое четко установило господство норманнов в Италии. Норманны, однако, не могли продолжать свою победу, как если бы она была одержана над обычным врагом; похоже, они чувствовали некоторую неловкость в сложившейся ситуации и, смирившись перед Папой, отнеслись к нему с уважением и почтением, что не помешало им продержать его несколько месяцев в почетном заключении в Беневенто. Очевидно, что норманнов нельзя было покорить силой оружия, и вскоре реформаторам стало ясно, что они будут полезными союзниками против римской знати и неререформированного духовенства, а также против опасной власти германского императора. Поэтому в 1059 году, в год, когда коллегия кардиналов получила свою первую определенную конституцию в качестве выборщиков папы, Николай II провел собор в норманнской крепости Мельфи, на котором присутствовало высшее духовенство юга, а также два главных норманнских принца, Ричард Аверсский и Роберт Гискар. В обмен на инвеституру папой их земель эти князья принесли клятву верности и преданности Святому престолу и согласились выплачивать папе ежегодную ренту за свои

владения; в клятве Роберта, которая сохранилась, он назвал себя "милостью Божьей и святого Петра герцогом Апулии и Калабрии и, с их помощью, в дальнейшем Сицилии". Как герцог и вассал Папы Римского, скотокрад с Калабрийских гор отныне занимал признанное положение в феодальном обществе.

Однако Гискар был не из тех, кто довольствуется завоеванным положением или трактует свои вассальные обязательства как обязательства повиновения. Вскоре он снова был на поле боя, продвигаясь по западному побережью до Амальфи и по восточному до Абруцци, не забывая при этом отличать земли Святого Петра от чужих земель. Папа начал задавать себе вопрос, чего он добился этим союзом, и вскоре последовал окончательный разрыв с отлучением норманнского лидера от церкви. К этому времени папский престол занял Григорий VII, который, как Гильдебранд, долгое время был силой, стоявшей за тронном при его предшественниках, величайшим, самым интенсивным и самым бескомпромиссным из пап XI века; но даже ему не удалось склонить норманна к своей воле. Опасаясь объединения со своим злейшим врагом, императором Генрихом IV, он в конце концов заключил мир с Гискаром, и в последовавшем за этим обновлении верности и инвеституры недавние завоевания норманнов были прямо исключены. Прошло совсем немного времени, прежде чем папа был вынужден обратиться к норманнам с отчаянным призывом о помощи. После неоднократных попыток Генрих IV получил контроль над Римом, заточил Григория в замке Сант-Анджело и поставил на его место другого папу, который короновал Генриха императором в соборе Святого Петра. Затем, в мае 1084 года, пришла армия Гискара. Император совершил то, что можно назвать "стратегическим отступлением" на север, осада Сант-Анджело была снята, и Рим был отдан на растерзание и разграбление норманнам и их сарацинским войскам. Огонь следовал за мечом, пока большая часть города не была сожжена. Древние руины и христианские церкви, такие как Сан-Клементе, были уничтожены пламенем, а такие кварталы, как холм Селиан, так и не оправились от разрушений. Памятники древнего Рима пострадали от норманнов больше, чем от вандалов. Не имея возможности оставаться в Риме без защитника, Григорий сопровождал своих норманнских союзников на юг до Салерно, ныне норманнского города, где и умер в следующем году, до последнего протестуя, что умер в изгнании, потому что "любил справедливость и ненавидел беззаконие". В 1085 году пришел конец и Роберту Гискару. За три года до этого он начал серию кампаний против Греческой империи, захватив порты Авлона и Дураццо, которые тогда, как и сейчас, были ключом к Адриатике, и сражаясь с венецианцами на море и греками на суше, пока его войска не проникли вплоть до Фессалии. В конце концов он скончался от болезни на острове Цефалония в возрасте семидесяти лет и был похоронен в своем апулийском монастыре Веноза, где нормандские монахи пели песнопения Сент-Эвруля над гробницей, где он был увековечен как "ужас мира": - *Hic terror mundi Guiscia*.

Hic terror mundi Guiscardus; hic expulit Urbe

Quem Ligures regem, Roma, Lemannus habent.

Parthus, Arabs, Macedumque phalanx non texit Alexin.

*At fuga; sed Venetum nec fuga nec pelagus.*⁶⁴

С уходом Роберта Гискара полвека норманнских завоеваний практически закончились, за ними последовало еще полвека соперничества и консолидации, пока Рожер II не объединил все норманнские завоевания под властью одного правителя и не принял титул короля в 1130 году, всего через сто лет после основания первого норманнского княжества в Аверсе. Земли Гискара и герцогский титул перешли к его сыну Рожеру, которого обычно называли Роже Борса, чтобы отличить его от одноименного дяди и двоюродного брата. Норманнские

владения в Калабрии и недавние приобретения на Сицилии остались в руках брата Гискарда графа Рожера, номинально вассала герцога Апулийского, в то время как северное княжество Капуя сохранило свою независимость, которая впоследствии была обменена на феодальный вассалитет. Рожер Апулийский, однако, был слабым правителем, несмотря на добрую волю церкви и поддержку своего дяди, а восстание его брата Боэмонда и апулийских баронов грозило стране феодальным распадом. Неудачное правление наложило отпечаток и на правление его сына Вильгельма, который стал герцогом в 1111 году и правил до 1127 года. Настоящим преемником Гискара как политического и военного лидера стал его брат Рожер, завоеватель и организатор Сицилии, основатель государства, которое его более знаменитый сын превратил в королевство.

Овладев Калабрией, граф Рожер начал бросать тоскливые взгляды за Мессинским проливом на богатый остров, который во все века был соблазном для правителей юга. Ни один из членов дома Хаутевилей, говорит нам их панегирист, никогда не видел земли соседа, не желая заполучить их себе, и в этом случае граф мог получить выгоду как для души, так и для тела, если он мог "вернуть к поклонению истинному Богу землю, отданную неверным, и временно распоряжаться для божественной службы плодами и рентой, узурпированными расой, не помнящей Бога" ⁶⁵.⁶⁵ Язык Джеффри Малатерры; оправдание встречается нам на протяжении всей мировой истории - шестью веками ранее, когда Хлодвиг смирился с тем, что арианские вестготы должны владеть изрядной частью Галлии, которая могла бы стать его собственностью, шестью веками позже, когда Эммануил Даунинг счел грехом терпеть дьяволопоклонничество наррагансеттов, "если на справедливой войне Господь освободит их", чтобы обменять на "прекрасную подушку" негров-рабов;⁶⁶ Эта доктрина не имеет сторонников и в наши дни. Мы можем считать завоевание Сицилии своего рода крестовым походом, предшествовавшим крестовым походам, который не был постановлен никаким церковным собором и не распространялся за границу благодаря проповеди или привилегиям, но был задуман и осуществлен благодаря предприимчивости и смелости норманнов. Подобно великим крестовым походам на Востоке, он извлекал выгоду из разобщенности мусульман; подобно им, он также не стеснялся заключать союзы с неверными и оставлять их мирно обрабатывать свои земли, когда все было кончено.

Завоевание Сицилии началось со взятия Мессины в 1061 году и заняло тридцать лет. В основном это была работа Рожера, хотя Гискар помогал ему на протяжении всех предыдущих лет и претендовал на долю в результатах для себя, а также на вассальную зависимость от части Рожера. Решающим переломным моментом стало совместное предприятие - осада и взятие Палермо в 1072 году, в результате которого норманны получили контроль над сарацинской столицей, крупнейшим городом Сицилии с гаванью, от которой он получил свое название. Однако сарацины по-прежнему владели главными городами острова: древние карфагенские крепости на западе и в центре, Эрикс и "безупречная Энна", известная со времен средневековья как Кастроджованни; Гирдженти, "самый прекрасный город смертных", с его древними храмами и оливковыми рощами, поднимающимися с берегов Африканского моря; Таормина, вззирающая на снега и огни Этны, а также на ионические воды и смелые мысы Калабрии; Сиракузы, укрывающие сарацинский флот в этой великой гавани, ставшей свидетелем крушения афинского величия. Чтобы покорить все это и то, что лежало между ними, потребовалось девятнадцать лет упорных боев, которые, конечно, сменялись частыми визитами во владения Рожера на материке и частыми экспедициями в помощь его племяннику, но требовали, даже когда великий граф присутствовал лично, военного и дипломатического мастерства высокого порядка. Однако когда дело было сделано и в 1091 году был сдан последний оплот сарацинов - Ното, под властью графа Рожера оказалось сильное и укрепленное княжество, где греки и магометане

пользовались терпимостью к своей речи и вере, где в каждом важном городе была построена нормандская крепость, и где бароны, владевшие в основном небольшими и разрозненными вотчинами, были обязаны повиноваться графу, сделавшему их состояние, что резко контрастировало с бурным феодализмом Апулии, который смотрел на дом Хаутевилей как на лидеров, но не как на хозяев. Рожер также мог свободно решать проблемы церкви, реорганизуя по своему усмотрению епархии, исчезнувшие под властью магометан, и получив от папы Урбана II в 1098 году для себя и своих наследников сан апостольского легата на Сицилии, так что другие легаты были исключены, и папа мог вести дела с сицилийской церковью только через графа. Эта необычная привилегия, ставшая основой так называемой "сицилийской монархии" в церковных делах, стала поводом для постоянных споров в более поздние времена, но успех крестового похода Рожера против неверных, казалось, в тот момент оправдывал столь необычную уступку.

После своей смерти в 1101 году Рожер I оставил после себя двух сыновей, Симона и Рожера, под регентством их матери Аделаиды. Четыре года спустя умер Симон, оставив бесспорным наследником сицилийских и калабрийских владений десятилетнего Рожера II, который в шестнадцать лет взял на себя управление государством. Во время регентства столица переместилась через Мессинский пролив из старой норманнской штаб-квартиры на калабрийских холмах в Милето, где был похоронен Рожер I; отныне она была закреплена в Палермо, подходящем центре средиземноморского государства. Когда умер его кузен Вильгельм, Рожер II поспешил захватить апулийское наследство, которое ему пришлось отстаивать на поле боя не только против восставших баронов, но и против папы, стремившегося любой ценой предотвратить объединение норманнских владений в руках одного правителя. Получив в 1128 году от папы Гонория II инвеституру с Апулией, Рожер двумя годами позже воспользовался спорными выборами папы, чтобы получить от Анаклета II сан короля; и на Рождество 1130 года он был коронован и помазан в Палермо, приняв отныне титул "Божьей милостью короля Сицилии, Апулии и Калабрии, помощи и щита христиан, наследника и сына великого графа Рожера". Что это королевство должно было означать в истории и культуре Европы, мы рассмотрим в следующей лекции.

* * * * *

Между тем, чтобы завершить наш обзор деяний норманнов на юге, мы должны обратить внимание на ту роль, которую они сыграли в крестовых походах и на Латинском Востоке. Движение, охватившее всю Западную Европу и даже сделавшее иерусалимскими странниками своих родственников со скандинавского севера, не могло не затронуть такой народ, как норманны, которые уже прошли долгий путь паломничества к далеким святыням и крестоносного воинства в Испании и Сицилии. Три норманнских прелата присутствовали в Клермоне в 1095 году, когда папа Урбан огласил латинский мир кличем *Dieu le veut*, и они привезли в Нормандию постановления собора и весть о священной войне. Однако крестовый поход, похоже, не имел особых проповедников в Нормандии, где мы не слышим о таких сценах, которые сопровождали огненное продвижение Петра Отшельника через Лотарингию и Рейнланд, и ни о каких народных движениях, которые посылали людей на смерть под предводительством Петра в долине Дуная и за Босфором. Пионеры и воины, а не энтузиасты и мученики, норманны сохраняли спокойствие, когда Европа кипела от новых приключений, и объединенный отряд норманнов, бретонцев и англичан, отправившийся в путь в сентябре 1096 года, кажется, был не очень большим. Во главе его, однако, ехал герцог Нормандии Роберт Куртуазный, которого современники называли "мягким герцогом", рыцарственным, добродушным и покладистым, не способным отказать в услуге никому, при котором благостный мир времен Завоевателя уступил место всеобщему беспорядку и

смятению. Как всегда, он был вынужден заложить герцогство своему брату Вильгельму Руфусу, чтобы собрать средства для экспедиции. С ним отправились его боевой дядя, Одо из Байе, и капеллан герцога Арнульф, более известный в свое время как патриарх Иерусалимский. Не похоже, чтобы Роберт был особо сильным элементом крестоносного войска, хотя он сражался вместе с другими предводителями в Никее и Антиохии и при взятии Иерусалима. Он приятно провел зиму на юге Италии по пути на Восток, так что достиг Константинополя после того, как большинство остальных ушли вперед, и ускользнул от тягот осады Антиохии, чтобы отдохнуть среди приятных блюд и кипрских вин в [Лаодикийи](#)⁶⁷ - Роберт всегда был чем-то вроде лаодикийца! Когда его клятва крестоносца была выполнена у Гроба Господня, он отошел от суровой работы новом Иерусалимском королевстве и отправился домой, привезя с собой нормандскую невесту с юга для благословения святого Михаила Погибели и повесив свой штандарт в церкви аббатства своей матери в Кане. Легенда, однако, была добра к Роберту: вскоре он убил в одиночном бою гигантского сарацина и отказался от короны Латинского королевства, посчитав себя недостойным, пока не стал героем целого давно забытого цикла романов.

Настоящих норманнских героев Первого крестового похода нужно искать в другом месте, опять же среди потомков Танкреда из Хотевилля. Когда Роберт Куртуазный и его спутники достигли юга, они обнаружили, что норманнские войска заняты осадой Амальфи под командованием великого графа Рожера и старшего сына Гискара - Боэмонда, светловолосого, широкогрудого сына севера, "такого высокого роста, что он был выше самых высоких людей почти на целый локоть". Новое предприятие поразило воображение Боэмонда, который потерял большую часть отцовского наследия в пользу своего брата Рожера Борса и увидел возможность создания нового царства на Востоке; и, разрезав большой плащ на кресты для себя и своих последователей, он снял осаду и начал подготовку к походу в Палестину. Среди тех, кто связал себя обязательствами в этом великом деле, были пять внуков и два правнука Танкреда Хотевильского, главным из которых был племянник Боэмонда Танкред, чья верность и доблесть должны были быть доказаны на многих отчаянных полях сражений в Сирии. Командуя, возможно, самым сильным контингентом крестоносной армии и используя опыт кампаний на Балканах в правление своего отца, Боэмонд оказался самым энергичным и находчивым лидером Первого крестового похода. Его цель, однако, была мало связана с облегчением положения Восточной империи или освобождением Святого города, а направлена на создание для себя великого сирийского княжества, подобного тем, что другие члены его семьи создали в Италии и Сицилии. В качестве центра такого владычества Антиохия подходила гораздо лучше, чем Иерусалим, как в торговом, так и в стратегическом плане, и Боэмонд позаботился о том, чтобы обеспечить себе контроль над этим городом до вступления в него крестоносных войск. Он проявил норманнский талант примирения местных элементов - греков, сирийцев и армян - в своем новом государстве, и некоторое время казалось, что у него есть все шансы создать настоящее норманнское королевство на Востоке. Однако в конце концов Восточная империя и турки оказались слишком сильны для него; он потерял драгоценные месяцы в плену у мусульман, а когда несколько лет спустя собрал еще одну большую армию во Франции и Италии, совершил глупость, предприняв сухопутную экспедицию против Константинополя, которая закончилась катастрофой. Боэмонд не вернулся на Восток, и его кости до сих пор показывают посетителям под восточным мавзолеем в Каносе, где латинские стихи оплакивают его потерю для дела Святой земли. Танкред галантно боролся за сохранение позиций в Сирии во время отсутствия своего дяди, но его борьба была проигрышной, и Антиохийское княжество превратилось в зависимость от Иерусалимского королевства, в котором оно сохраняло свое существование до тех пор, пока эта линия не угасла вместе с Боэмоном VII в 1287 году.

Два других норманнских принца появляются в качестве лидеров в ходе поздних крестовых походов: Ричард Львиное Сердце, об участии которого в Третьем крестовом походе мы уже имели случай рассказать, и Фридрих II, который унаследовал власть и политику своих норманнских предков с юга. Однако для каждого из этих правителей крестовый поход был лишь эпизодом на фоне других начинаний; день постоянных франкских государств в Сирии уже прошел, и ни один из них не предпринимал попыток основать сирийское королевство. Четвертый крестовый поход ни в коем случае не был норманнским движением, так что норманны не внесли свой вклад в новую Францию, которую раздел Восточной империи создал на греческом материке, где франкские замки возвышались, чтобы увековечить память бургундских герцогов Афин и лангобардских надзирателей Фермопильского прохода. Во франкских государствах Сирии мы находим некоторое количество норманнских имен, но значительного норманнского элемента в латинском населении нет. Дело в том, что доля норманнов в Первом крестовом походе была совершенно непропорциональна их вкладу в постоянную оккупацию Востока. Княжество Антиохия было единственным норманнским государством в восточном Средиземноморье, и его ярко выраженный норманнский характер в значительной степени исчез с уходом Боэмунда I и Танкреда. В отличие от своих братьев-христиан из Франции и Италии, норманнов не привлекала торговая и колонизаторская сторона крестоносного движения. Нормандские земли в Англии и Италии представляли собой достаточное поле для колониального предпринимательства, и результаты были более значительными и долговечными, чем романтические, но эфемерные творения франкской власти на Востоке, а положение сирийских княжеств как посредников в средиземноморской цивилизации было сопоставимо со свободным смешением восточной и западной культуры в Сицилийском королевстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Летопись норманнского завоевания южной Италии и Сицилии лучше всего изложена в книге F. Chalandon, *Histoire de la domination normande en Italie et en Sicile* (Paris, 1907), I. O. Delarc, *Les Normands en Italie* (Paris, 1883), более полно описывает период до 1073 года, но менее критично. Византийская сторона истории изложена в J. Gay, *L'Italie méridionale et l'empire byzantin* (Paris, 1904); сарацинская - в Michele Amari, *Storia dei Musulmani di Sicilia* (Florence, 1854-72), III. На английском языке нет ничего более полного, чем вводные главы книги Э. Кертиса "Роджер Сицилии" (Нью-Йорк, 1912). Интересные исторические очерки отдельных местностей можно найти в F. Lenormant, *La Grande-Grèce* (Paris, 1881-84); и F. Gregorovius, *Apulische Landschaften* (Leipzig, 1877). О святилище Святого Михаила на Монте-Гаргано см. E. Gothein, *Die Culturentwicklung Süd-Italiens* (Breslau, 1886), pp. 41-111.

* * * * *

Исследование норманнов в Испании не проводилось; о паломничествах в Компостелу см. Bédier, *Les légendes épiques*, III. О норманнах в Византийской империи см. G. Schlumberger, "Deux chefs normands des armées byzantines," in *Revue historique*, XVI, pp. 289-303 (1881).

* * * * *

О доле норманнов в крестовых походах нет ничего подобного P. Riant, *Les Scandinaves en Terre Sainte* (Paris, 1865). Подробности можно почерпнуть из R. Röhricht, *Geschichte des Königreichs Jerusalem* (Innsbruck, 1898), и *Geschichte des ersten Kreuzzuges* (Innsbruck, 1901). Удовлетворительной биографии Роберта Куртуазного не существует; легенды о нем обсуждаются Гастоном Парисом в *Comptes-rendus de l'Académie des inscriptions*, 1890, pp.

207 ff. О норманнских князьях Антиохии см. В. Kugler, *Boemund und Tankred* (Tübingen, 1862); а также статьи Г. Рея в *Revue de l'Orient latin*, IV, pp. 321-407, VIII, pp. 116-57 (1896, 1900).

VIII НОРМАННСКОЕ КОРОЛЕВСТВО СИЦИЛИЯ

Из всех широко разделенных земель, составлявших большую Нормандию Средневековья, ни одна не отделилась друг от друга дальше, чем нормандская Англия и нормандская Сицилия. Основанные примерно в одно и то же время и не сильно различающиеся по площади, эти государства утратили все общие традиции, пока история южных норманнов не стала казаться далекой, как во времени, так и в пространстве, от их северных сородичей. С расширением исторического поля южная Италия и Сицилия больше не занимают, как во времена Средиземноморья, центр исторической сцены, а великолепие их ранней истории померкло от землетрясений и лихорадок, экономических бедствий и разлагающих традиций многовекового правления. Ни по языку, ни по расе, ни по политическим традициям Англия не признает родства между страной Черной руки и "матерью парламентов". Однако если английский мир и утратил чувство родства к людям юга, он не утратил чувства к этой земле. Не просто воспоминания о "вергилиевских мысах" и громах Одиссея привлекли Шелли к Неаполитанскому заливу, Браунинга - к Сорренто или, в качестве параллельного примера, Гете - к пылающим апельсиновым рощам Палермо. И не только поэт, чья душа откликается на

Замок, обрывистый с обрыва,

В прорехе опечаленной ветром Апеннины;

или

Дом на берегу моря на юге,

Где от засухи гибнет печеная цикала,

и стоит одно острое дерево - кипарис.

Ни одна страна западного Средиземноморья не вошла так глубоко в воображение и чувства англоговорящих народов. Дважды эта яркая южная земля играла ведущую роль в жизни и мысли мира: один раз при греках, "ветреной мысли и градообразующем разуме", как мы можем прочесть в мраморах Пестума и Селина и на бессмертных страницах Фукидида; и второй раз при норманнских князьях и их преемниках Гогенштауфенах, создателях необычайно энергичного и развитого государства и блестящей космополитической культуры. Если наш интерес к этому краткому периоду сицилийского величия и не норманнский, то, по крайней мере, человеческий, как к одной из кульминационных точек средиземноморской цивилизации.

* * * * *

С самого начала следует подчеркнуть, что история этого норманнского королевства была недолгой. У него было два гениальных правителя, Рожер II, 1130-54, и его внук Фридрих II, 1198-1250, разделенные правлениями Вильгельма Плохого и Вильгельма Хорошего, - современников Генриха II Английского, но не таких плохих и не таких хороших, как можно

предположить по их именам, - Танкреда Лечче и его сына Вильгельма III, а также Констанции, дочери Рожера и матери Фридриха, жены императора Гогенштауфенов Генриха VI. Принято считать, что норманнский период заканчивается с низложением Вильгельма III в 1194 году, а Констанцию и Фридриха II относить к Гогенштауфенам. В случае с Констанцией для этого нет никаких оснований, поскольку она была такой же нормандкой, как и все ее предшественники, и выпускала документы на свое имя в течение оставшихся трех лет жизни мужа и нескольких месяцев 1197-98 годов, на которые она его пережила. С их сыном Фридрихом II, наполовину норманном, наполовину Гогенштауфеном, вопрос, пожалуй, еще не решен, а наука генетика еще не продвинулась настолько далеко, чтобы мы могли классифицировать и проследить до их источника доминантные и рецессивные элементы в его наследственности. Однако никто не может изучить его с близкого расстояния, не обнаружив заметного сходства с его нормандскими предшественниками, в частности со вторым Рожером, и вся тенденция последних исследований показывает, что в области управления, как и в области культуры, его политика является продолжением деятельности нормандских королей, от которых напрямую зависит большая часть его законодательства. Наполовину норманн по происхождению, Фредерик был преимущественно норманном по своему политическому наследию. Именно на Сицилии он вырос и начал править, и именно на Сицилии он проделал свою по-настоящему конструктивную работу. Судить о нем как о Гогенштауфене менее ошибочно, чем как о германском короле, поскольку центр и цель его политики лежали в Средиземноморье. В сыновьях Фредерика, законных и незаконных, норманнское начало еще более ослабло, а поскольку у них не было реальной возможности продолжить дело своего отца, не имеет значения, называть их норманнами или гогенштауфенами. Приход Карла Анжуйского завершает эту эпоху, а его победа при Тальякоццо в 1268 году решает судьбу династии. Мы можем, если захотим, перенести нормандский период на эту точку; для всех реальных целей он заканчивается со смертью Фридриха в 1250 году. Предшествующие сто двадцать лет - это настоящая история жизни Нормандского королевства. Как ни кратка эта история, она слишком длинна для одной лекции, и мы должны ограничиться Роджером и двумя Уильямами, затрагивая события тринадцатого века лишь вскользь.

На протяжении всего этого периода территория королевства оставалась практически неизменной и включала в себя Сицилию с Мальтой и южную половину Итальянского полуострова до Террачины на западном побережье и реки Тронто на восточном. Конечно, были времена, когда королевская власть оспаривалась внутри и атаковалась извне, - феодальные восстания, набеги пизанцев, экспедиции германского императора, дипломатические споры с папой, - но она не была постоянно ограничена или лишена своих территорий. С другой стороны, были моменты экспансии, особенно на море, ведь Сицилия по необходимости была морской державой и рано осознала важность создания флота, соответствующего ее морскому положению. Захват Триполи и Туниса Рожером II захватил Средиземноморье за горло; владение Корфу угрожало свободе Адриатики; но ни одно из завоеваний не было постоянным, и в основном Греческой империи и державам Северной Африки удавалось удерживать сицилийских королей в их естественных границах.

Южное королевство, площадь которого составляла примерно четыре пятых площади Англии, отличалось гораздо большим разнообразием как земель, так и жителей. Протянувшись от субтропических садов Сицилии до самых высоких Апеннин, оно было разделено горами и морем на отдельные природные регионы, связь между которыми затруднена и по сей день: изолированные долины Абруцци, великая равнина Апулии, "гранитная цитадель" Калабрии, богатые поля Кампании, торговые города Неаполитанского залива и Салернского залива, контрастные горы и береговые полосы самой Сицилии. Сложности географии усугублялись

расовыми, религиозными и политическими различиями. Основная масса населения континента была, конечно, итальянского происхождения, частично восходящая к самнитским пастухам первобытной Италии, и хотя во многих местах она была изменена лангобардским завоеванием, она сохранила латинскую речь и подчинялась власти латинской церкви. Калабрия, однако, была теперь греческой, как в религии, так и в языке, и греческий элемент был значительным в городах Апулии и перетекал в Сицилию, где главным иностранным компонентом были африканцы и магометане. В политическом плане в горных крепостях верхней Апулии и Абруцци укоренилось смешанное наследие лангобардского и римского права, греческой и сарацинской бюрократии, муниципальной независимости и норманнского феодализма, а разнородное происхождение составного государства выражалось в официальном титуле государя: "король Сицилии, герцогства Апулии и княжества Капуи". Объединение этих противоречивых элементов в единое сильное государство стало испытанием и триумфом норманнской государственной мысли.

* * * * *

Очевидно, что условия этой политической проблемы были совершенно иными, чем те, которые ставили перед собой норманнские правители Англии. Какие бы местные различия ни выявило тщательное изучение англосаксонской Англии, здесь не было различий в религии или общих политических традициях, а быстрота завоевания под руководством одного правителя сделала возможной единую политику на всей территории страны. Например, удобная формула конфискации и возврата всей земли создавала одновременно единообразие владения и социальной организации. Кроме того, как мы уже видели, за норманнским завоеванием Англии стояла сама Нормандия, прочно организованная под властью сильного герцога, который взял с собой через канал своих домашних слуг, светских и духовных советников, чтобы сформировать ядро своего нового центрального правительства, которое во многих отношениях было единым с центральным правительством Нормандии. На юге не было ни одного из этих благоприятных условий. Страна, состоящая из множества разнообразных элементов, была завоевана разными лидерами и в разное время, так что не могло быть и речи о единообразии системы. Более того, здесь вообще не могло быть никакой системы, поскольку норманны пришли как индивидуальные авантюристы, не имея за спиной никакой государственной организации, и инструменты управления, которые они использовали, пришлось создавать по ходу дела. Что бы ни дошло до юга от норманнских традиций, это могло произойти только в виде разрозненных и ослабленных индивидуальных влияний. Кроме того, нормандская составляющая в населении оставалась относительно небольшой. Разрозненные группы раннего периода, конечно, со временем вновь усиливались, но никогда не было ни общей миграции, ни какого-либо движения, которое повлияло бы на массу населения в городе и деревне. Если бы мы располагали статистическими данными, то, несомненно, обнаружили бы, что все норманнское население Италии и Сицилии составляло бы несколько сотен или, самое большее, несколько тысяч человек. Они принесли с собой свою речь, свои феодальные владения, возможно, некоторые элементы норманнского обычного права; но, учитывая их малочисленность, они не могли надеяться на норманизацию огромной страны, где их язык вскоре исчез, а их самобытность окончательно потерялась в общей массе. В таких условиях не могло быть и речи о всеобщей трансплантации нормандских институтов. Правители были норманнами, как и владельцы крупных вотчин, но, как это ни парадоксально, самым норманнским в их правительстве был его ненорманнский характер, то есть быстрая ассимиляция чужеродных элементов и государственное отношение к местным обычаям и институтам. Нормандские лидеры были слишком мудры, чтобы пытаться осуществить невозможную норманизацию.

Политика веротерпимости в политических и религиозных вопросах зародилась в первые дни норманнской оккупации, но широкое применение получила лишь в ходе завоевания Сицилии Великим графом, а впервые полностью и систематически была проведена его сыном Рожером II. В области религии это означало полную свободу для греков, иудеев и магометан, а также сохранение иерархии греческой церкви, поощрение и обогащение базилианских монастырей наряду с бенедиктинскими, которые были заметными объектами норманнской щедрости. В области права это означало сохранение местных прав и обычаев, а также обычаев нескольких различных элементов населения, латинского и греческого, еврейского и сарацинского. В местном управлении это означало сохранение местных сановников в городах и византийских должностей *стратегов* и *катепанов*, а также фискальных механизмов, установленных сарацинами на Сицилии. И, наконец, в самом центральном правительстве необходимость мудрого и эффективного взаимодействия с различными народами королевства потребовала найма людей, знакомых с каждым из них, и содержания секретарского бюро, выпускавшего документы на греческом и арабском языках, а также на латыни.

Именно в центральном управлении Рожер II столкнулся со своей самой свежей проблемой - созданием сильного центрального правительства для королевства, которое никогда прежде не было объединено под властью одного правителя-резидента. Его метод был откровенно эклектичным. Нам рассказывают, что он тщательно изучал практику других королей и стран и перенимал все, что казалось ему ценным, а также привлекал к своему двору из всех стран, независимо от речи и веры, людей, мудрых в советах или отличившихся на войне, среди которых ярким примером является блестящий адмирал Георгий Антиохийский. Тем не менее мы ошиблись бы, если бы считали его искусственным композитом. Калабрия времен его молодости сохранила жесткие традиции византийской администрации, а у магометан Сицилии бюрократия была еще сильнее. Столица Рожера находилась в Палермо, и было вполне естественно, что греческие и сарацинские институты Сицилии и Калабрии должны были оказать формирующее влияние на его правительство, когда оно распространялось на вновь приобретенные и менее централизованные регионы материка. При этом происходила свободная адаптация и использование опыта, но свободные феодальные методы норманнов были глубоко изменены бюрократическими традициями Востока.

Центральное место в управлении, как и в государствах за Альпами, занимала *курия* феодальных вассалов и особенно ее более постоянное ядро, состоящее из домашних чиновников и непосредственных советников короля. Но если в других частях Западной Европы все еще преобладало исключительно феодальное баронство, которое медленно уступало место росту специализированной подготовки и компетентности, то в сицилийской *курии* профессиональный элемент присутствовал с самого раннего периода в логофетах и эмирах, которые Рожер II перенял от прежней организации. Канцелярия с ее латинскими, греческими и арабскими отделениями неизбежно была более сложным учреждением, чем в других западных королевствах, и ее документы подражали византийским и папским, даже внешне. Однако в одном пункте она обнаруживает близкие параллели с англо-норманнской канцелярией, а именно в свободном использовании *mandata* или административных предписаний, которые все еще редки в светских государствах XII века; и если мы вспомним, что их использование является самым надежным показателем эффективности средневековой административной системы, мы должны заключить, что и в других отношениях очевидно, что наиболее энергичными правительствами того периода были два нормандских королевства. В судебных вопросах параллель также поучительна. Здесь

профессиональный класс существовал на юге с самого начала как наследство от византийского периода, и он рано появляется в *курии* в лице группы судей, которые со временем, кажется, полностью поглощают судебные функции более крупного органа. В то же время норманнские бароны использовались в качестве королевских юстициаров, которых король Рожер учредил во всех частях своего королевства. Параллельно с этими провинциальными юстициарами действовали провинциальные камергеры, а над ними позже были учреждены магистраты и камергеры для больших округов Апулии и Капуи, подчинявшиеся центральной *курии*.

Особенно характерной была фискальная система. Биограф Рожера рассказывает, что король проводил все свободное время, внимательно следя за поступлениями и расходами своего правительства, и что все, что касалось счетов, тщательно фиксировалось в письменном виде. Начиная с его правления мы имеем документальные свидетельства о существовании отделения *курии*, называвшегося по-арабски *diwan*, по-гречески *σέκρετον*, а по-латыни - *duana* или *secretum* и выступавшего в качестве центрального финансового органа для всего королевства. Он вел объемные реестры, называемые по-арабски *defêtir*, а поскольку его чиновники и клерки были в основном сарацинами, то, очевидно, он восходит к сарацинским предкам. Однако на материке есть следы тщательных описаний земель и крепостных, подобных тем, которые он извлек из своих записей на Сицилии под названием *plateæ*, так что византийские пережитки также должны быть приняты во внимание при изучении происхождения этого института. Действительно, вся эта система предполагает тщательно продуманные обзоры и реестры земли и ее жителей, подобные тем, что велись в Египте Птолемеями и, менее полно, в Римской империи, и те, что встречаются нам, в более грубой и простой форме, в уникальной северной записи, Domesday survey 1086 года, которая сама, возможно, была создана благодаря знанию более древней системы в Италии. Никто не может не отметить поразительные аналогии между сицилийской *дуаной* и англо-норманнским казначейством, но исчезновение всех записей южного бюро исключает возможность сравнения их фактической организации и процедуры. Единственные параллельные записи, дошедшие до нас, - это реестры феодальных владений, которые демонстрируют заметное сходство во владении землей в двух королевствах.

Такие феодальные институты, очевидно, были предметом общего наследования, но любые связи, на которые указывают схожие административные механизмы, несомненно, были вызваны более поздним подражанием с одной или другой стороны. Рожер II на Сицилии, Генрих I и Генрих II в Англии работали над решением практически одних и тех же государственных проблем, и Рожер был не одинок в том, что обращался за советами к другим странам. Среди иностранцев, которых Рожер привлекал к своей службе, мы находим таких англичан, как его канцлер Роберт из Селби и один из его капелланов и фискалов Томас Браун, который позже вернулся на родину, чтобы занять почетное место в казначействе Генриха II. В двенадцатом веке между двумя королевствами происходило постоянное общение, и имел много возможностей для того, чтобы одно правительство было в курсе административных экспериментов другого.

В целом, однако, сицилийская монархия была гораздо более абсолютной и восточной, чем у северных норманнов или где-либо еще в Западной Европе. Двор короля с его гаремом и евнухами напоминал двор фатимидских халифов, а его представления о королевской власти основывались на Константинопольской империи. Единственный современный портрет короля Рожера, дошедший до нас, - мозаика церкви Марторана в Палермо - изображает его в далматике апостольского легата и императорском костюме Византии, принимающим корону прямо из рук Христа; аналогичное изображение коронации короля Вильгельма II

показывает, что эта сцена должна была быть типичной для божественного права короля, не подчиняющегося никакой земной власти. Теократическая в принципе, сицилийская монархия черпала свое вдохновение как из сводов законов Юстиниана, так и из живого примера на восточном троне. Серия законов или ассиз, изданных королем Рожером, естественно, отражает составной характер норманнского государства. Масса местных обычаев не отменена, феодальные обязательства вассалов четко признаны, влияние канонического права и тевтонского обычая ясно прослеживается, более того, северная концепция королевского мира, возможно, была их отправной точкой; но большая часть этих постановлений вытекает непосредственно из римского права, сохраненного и измененного византийскими императорами. Царская власть повсеместно превозносится, часто в фразах, где царь заменяется императором римского оригинала, а закон о государственной измене подробно применяется для защиты царских документов, царских монет и царских чиновников. Даже оспаривание указов или решений короля приравнивается к святотатству.

Проверкой таких фраз было обладание достаточными военными и финансовыми ресурсами. О силе армии короля Рожера достаточно свидетельствуют его долгие и успешные войны; большой реестр его военных вотчин, так называемый *Каталог баронов*, показывает, что феодальная служба могла быть увеличена, когда того требовала необходимость, а контингенты сарацинских войск были так же ценны для него, как и для его отца. То же самое можно сказать и о его флоте, ведь безопасность Сицилийского королевства и его положение в средиземноморской политике в значительной степени зависели от морской мощи, а флот Рожера имеет выдающиеся достижения в его итальянских и африканских кампаниях. Однако и армия, и флот, и гражданская служба в конечном итоге опирались на королевскую казну, а среди современников Сицилийское королевство пользовалось заслуженной репутацией большого богатства. Его ресурсы состояли частично из продуктов земли, таких как зерно, хлопок и шерсть, которые экспортировались из самой Сицилии; частично из мануфактур, как в случае с шелковой промышленностью, которую король Роджер развил в Палермо; и частично из непревзойденных возможностей для торговли, которые были представлены многочисленными гаванями и выгодным расположением по отношению к великим морским путям. При норманнских королях торговля южного королевства была скорее пассивной, чем активной, то есть велась не в основном собственными городами, такими как Бари и Амальфи, которые пользовались большим процветанием в византийский период и потеряли свою местную независимость при норманнах, а торговыми державами извне - Пизой, Генуей и Венецией. Относительное значение каждой из них менялось в зависимости от превратностей итальянской политики, но они делили между собой внешнюю торговлю королевства. Венецианцев мы находим на восточном побережье, генуэзцев и пизанцев - в Салерно и главных портах Сицилии, где у них были специальные склады и часто значительные колонии; а самые ранние торговые записи Генуи и Пизы, в частности, реестр генуэзского нотариуса Иоанна Писца, позволяют нам проследить, как они вели дела от купца к купцу и от порта к порту. Сицилия служила не только местом обмена экспортных товаров на иностранные, сукна Северной Италии и Франции, пряности и ткани Востока, но и этапом в торговле с Востоком по великой магистрали Мессинского пролива или с Африкой и Испанией через Палермо и порты западного и южного побережья. От всего этого король получал свою дань. Не отказываясь от своих феодальных и домениальных доходов или обширных монополий, Рожер и его преемники взимали портовые сборы и тарифы на экспорт и импорт с этой растущей торговли, обеспечивая тем самым готовыми деньгами тот купеческий класс, на котором в будущем должны были строиться монархии Западной Европы. Считалось, что доход от одного только Палермо превышал тот, который король Англии получал от всего своего королевства.

Даже из этого краткого описания очевидно, что сицилийское государство было не только искусным сочетанием политических элементов различного происхождения, но и значительно опережало своих современников во всем, что касается современного типа правления. Его короли принимали законы в то время, когда законотворчество было редкостью; у них был большой денежный доход, когда другие государи жили за счет феодальных повинностей и продукции своих владений; у них была хорошо устроенная бюрократия, когда в других странах центральное и местное управление было полностью феодализировано; у них была великолепная столица, когда другие суды были еще амбулаторными. Его единственный соперник в этих отношениях, англо-норманнское королевство на севере, уступал в финансовых ресурсах и намного меньше продвинулся в развитии класса подготовленных чиновников, через которых должен был реализоваться прогресс европейской администрации. Если судить по этим критериям, то королевство Рожера и его преемников можно назвать первым современным государством, так же как нефеодалная политика Рожера, его дальновидность и дипломатическое искусство иногда завоевывали для него титул первого современного короля. Это звание, как мне хорошо известно, чаще приберегали для младшего из "двух крещеных султанов Сицилии" ⁶⁸, Фридриха II - *Stupor mundi et immutator mirabilis*, "чуда света и чудесного новатора". Никто не может проследить за карьерой этого талантливого и увлекательного деятеля, не почувствовав современных элементов в его характере и в управлении Сицилийским государством. Его правительство опережает своих современников в XIII веке, как и правительство Рожера в XII, и более позднее, естественно, кажется более современным. Однако нельзя сказать, что относительное превосходство было большим, и недавние исследования показали то, что сначала не осознавалось: значительная часть законодательства и административной системы Фредерика восходит к его норманнским предшественникам, а некоторые из них - к самому Рожеру. В конце концов, не дело историка присуждать награды за современность, особенно когда не всегда ясно, в чем она заключается. Главное - признать поразительную индивидуальность сицилийского государства в тех направлениях, которым со временем должны были следовать другие государства, и помнить, что эта индивидуальность была постоянной, а не созданной вторым Фридрихом. Более того, как мы вскоре увидим, то, что верно в области управления, верно и в области цивилизации: блестящая космополитическая культура XIII века является прямым развитием аналогичных условий при короле Рожере.

Культура нормандского королевства была еще более поразительно составной, чем его правительство. Как исторически, так и географически Сицилия была естественным местом встречи греческой, арабской и латинской цивилизации и естественным путем для передачи восточного искусства и образования на Запад. Более того, в интеллектуальной сфере великолепие Сицилийского королевства совпадает с тем движением, которое часто называют ренессансом двенадцатого века и которое в значительной степени заключалось в приобретении новых знаний у греков Востока и сарацинов Сицилии и Испании. Сицилия была не единственным каналом, по которому мудрость Востока текла на запад, ведь ученые из Северной Италии посещали Константинополь, а сарацинские знания постоянно распространялись через школы Испании. Однако нигде больше латинская, греческая и арабская цивилизации не жили бок о бок в мире и терпимости, и нигде больше дух Возрождения не был так ярко выражен в политике правителей.

Более древняя латинская культура южного королевства имела свой центр и в значительной степени источник в Монте-Кассино, матери бенедиктинских монастырей по всей длине и

ширине западного христианства. Основанный святым Бенедиктом в 529 году, этот монастырь до сих пор хранит уникальную летопись четырнадцати веков монашеской истории и более чем сорока поколений последователей бенедиктинского правила, которые из века в век свои бдения в труде, молитве и посте, но пировали своими незамутненными глазами - *per gl' occhi almeno non v'è clausura!* - на массивные хребты центральных Апеннин и спокойную долину Гарильяно, "землю труда и землю отдыха". Золотым веком монастыря были XI и начало XII веков, когда его отношения с норманнами и папой удерживали его на переднем крае итальянской политики, когда два его аббата восседали на троне Святого Петра, а величайший из них, Дезидерий - папа, известный как Виктор III - построил великую базилику, украшенную константинопольскими мастерами мозаикой и огромными бронзовыми дверями, которые являются главным сохранившимся свидетельством его раннего великолепия. В монастырь потянулись ученые люди, такие как монах Константин Африканский, сведущий в науках греческих и арабских врачей, чьи труды он перевел на латынь. Всевозможные рукописи переписывались характерным южноитальянским почерком, беневентским шрифтом, который служит надежным указателем интеллектуальной активности южной половины полуострова в этот период: проповеди и богослужебные книги, богословские комментарии и жития святых, а также своды законов Юстиниана и труды латинских поэтов и историков с их комментариями. Действительно, без писцов Монте-Кассино мир потерял бы некоторые из своих самых ценных памятников античности и раннего Средневековья, включая, со стороны Средневековья, старейший из папских регистров, регистр Иоанна VIII, а со стороны классики - Варро, Апулея и большую часть работ Тацита. Нигде больше не проявляется деятельность монастырей как хранителей античной образованности.

Дом греческой образованности в Италии также находился в монастырях, в тех базилианских фондах, которые распространились по Калабрии и Базиликате в девятом и десятом веках, а теперь под защитой норманнов отправляли новые колонии, такие как аббатство Сан-Сальваторе в Мессине. Обогащенные землями, рентой и феодальными владениями, они также занялись созданием библиотек по копиям и рукописям, привезенным с Востока; но, насколько мы можем судить по древним каталогам и по разрозненным фрагментам, сохранившимся после их рассеяния, эти коллекции были почти полностью библейскими и богословскими по характеру, включая, однако, великолепные образцы каллиграфии, такие как текст Евангелий, написанный серебряными буквами на фиолетовом пергаменте и украшенный прекрасными миниатюрами, который до сих пор хранится в соборе Россано.

Тем временем, во многом благодаря постоянным связям между южной Италией и греческим Востоком, образование вышло за пределы монастырских стен и церковной тематики и стало привлекать внимание людей с севера. Английский ученый Аделард Батский, посетивший юг в начале двенадцатого века, обнаружил там латинского епископа Сиракуз, искушенного во всех математических искусствах, греческого философа из Магна-Греции, рассуждавшего о натурфилософии, и величайшую медицинскую школу Европы в старой столице лангобардов Салерно, рано прославившейся как город Гиппократ и местонахождение старейшего университета на Западе. Поколение спустя другой англичанин, гуманист Джон Солсберийский, изучает философию с греческим переводчиком в Апулии и пьет тяжелые вина сицилийского канцлера; другие же извлекают пользу из переводов греческих философских и математических трудов, хранящихся в итальянских библиотеках. Однако отличительный элемент южной образованности лежал не на латинской стороне, а в непосредственном контакте с греческой и арабской ученостью, и главным местом встречи этих различных культурных течений был королевский двор в Палермо, прямой наследник цивилизации сарацинской Сицилии.

Сицилийский двор, как и королевство, был многоязычным и космополитичным, его дифирамбы пели и арабские путешественники и поэты, и византийские церковники, и латинские ученые Италии и севера. Греческий архимандрит Нилос Доксопатриос по просьбе короля Рожера написал *"Историю пяти патриархатов"*, направленную против верховенства римского папы; сарацин Эдриси подготовил под его руководством величайший трактат по арабской географии, прославленный впоследствии как *"Книга короля Рожера"*. При Вильгельме I главные литературные деятели также связаны с двором: Евгений Эмир, греческий поэт, хорошо знавший арабский язык и глубоко разбиравшийся в математике и астрономии древних; и Генрих Аристипп, архидиакон Катании и некоторое время главный министр короля, собиратель рукописей, переводчик Платона, Аристотеля и Диогена Лаэртца, исследователь явлений, связанных с извержением Этны, в духе, который напоминает нам не столько о веке школяров, сколько о смерти младшего Плиния. Такая литературная атмосфера была особенно благоприятна для создания переводов с греческого и арабского на латынь, и мы можем определенно связать с Сицилией те версии, которые сделали известными в Западной Европе *"Мено"* и *"Федота"* Платона, части *"Метеорологии"* и некоторых других работ Аристотеля, более продвинутые труды Евклида и *"Альмагест"* Птолемея, величайший из древних и средневековых трактатов по астрономии. В совершенно другой области мы имеем от правления Рожера греко-арабскую псалтырь и важную группу рукописей Нового Завета. "В то время как мы, германцы, были во многих отношениях варварами, - говорит Шпрингер, - правящие классы Сицилии наслаждались почти перезревшими плодами древней культуры и сочетали норманнскую энергичность молодости с восточной утонченностью жизни" ⁶⁹.

В двенадцатом веке не хватало поэтических и образных элементов, которые процветали при дворе Фридриха II, но в научном и философском плане прослеживается четкая преемственность в интеллектуальной истории юга от Рожера II и Вильгельма до Фридриха II и Манфреда. В какой-то момент можно даже проследить реальную материальную связь, поскольку коллекция греческих рукописей, которой Манфред очень дорожил, по-видимому, возникла из кодексов, привезенных из Константинополя в Палермо при первых норманнских королях; а поскольку библиотека Манфреда, вероятно, перешла во владение пап, она стала основой самой старой коллекции греческих рукописей в Европе гуманистов. В своих пределах интеллектуальное движение при дворе короля Рожера и его сына имело многие элементы ренессанса, и, как и великое возрождение XIV века, оно во многом было обязано княжеской благосклонности. Именно по просьбе королей были предприняты переводы и написаны труды Нилоса и Эдриси, и не случайно двое таких ученых, как Аристипп и Евгений Палермский, занимали высокие посты в королевской администрации. В своем покровительстве образованию, а также в просвещенном и антифеодалном характере правления сицилийские государи, от Рожера до Фридриха II, принадлежат к эпохе нового государственного устройства и гуманистического возрождения.

Искусство Сицилийского королевства, как и его образование и его правительство, было продуктом множества разнообразных элементов, развившихся на материке в различные местные и провинциальные типы, но на Сицилии объединенных и гармонизированных под направляющей волей королевского двора. Следы прямого норманнского влияния прослеживаются, например, в башнях и внешнем убранстве собора Чефалу или в плане этого большого курорта норманнских паломников, церкви Святого Николая в Бари; но в основном норманны, по выражению Берто, внесли не более чем цемент, скрепляющий

художественные материалы, предоставленные [другими70](#). Эти материалы были многочисленны и разнообразны: римская базилика и греческий купол, бронзовые двери и блестящие мозаики византийских мастеров, купола, изящные арки и потолки, замысловатые арабески сарацинского искусства; но в церквях и дворцах Сицилии они были сплавлены в прекрасное и гармоничное целое, которое до сих пор ослепляет нас своим великолепием. Главные образцы этого "нормандского" стиля можно найти в Чефалу, заветной резиденции короля Рожера, где он нашел свое последнее пристанище в огромном порфировом саркофаге, позднее перевезенном в Палермо, и где византийские художники создали в синем и золотом цветах прекрасные изображения Христа и Богородицы и величественные фигуры архангелов и святых Восточной церкви; в Монреале, королевской резиденции Вильгельма II, где находится неисчерпаемое богатство Золотой раковины Палермо и , служащее несравненным местом для великого собора, с мозаиками всех цветов, покрывающими его стены и сводчатый потолок, подобно освещенному миссалу, и с клуатрами редкой и пронзительной красоты; А между ними, в пространстве и времени, дворцы и церкви Палермо - церковь Марторана, построенная в византийском стиле и снабженная греческой библиотекой адмиралом Рожера Георгием Антиохийским, сарацинские постройки Сан-Катальдо и Сан-Джованни-дельи-Эремити, непревзойденная слава Капеллы Палатина - все это на блестящем фоне сицилийской столицы, которая обязана норманнским королям своим уникальным местом в истории искусства.

Принимая купцов и чужеземцев всех стран и рас, содержа внутри себя организованные общины греков, магометан и евреев, каждая со своими церквями, мечетями или синагогами, Палермо двенадцатого века был великим космополитическим городом и естественным центром средиземноморского искусства. Находясь на полпути между Кордовой и Константинополем, между Африкой и Италией, он вместил их всех. Путешественники отмечали роскошные сады города и окружающие его равнины, обширные поля сахарного тростника и рощи апельсинов, фиг и лимонов, оливок, пальм и гранатов, его удобную гавань и просторные и оживленные улицы, его великолепные ткани и изобилие иностранных товаров, его стены, дворцы и места поклонения. "Это потрясающий город, - пишет испанский путешественник Ибн [Джобайр71](#) , - элегантный, изящный и великолепный, встающий перед человеком, как искусительница"... и предлагающий своему королю - "да заберет их у него Аллах! - все удовольствия мира". Город для художников, отличающийся теми качествами, которые видел в нем Гете: "чистота света, нежность линий и тонов, гармония земли, моря и неба".

На самой высокой точке столицы возвышается королевский дворец, сохранивший, несмотря на преобразования восьми веков, нечто от массивности и великолепия своего норманнского оригинала, от которого сохранилась великая Пизанская башня, бывшая когда-то хранилищем королевских сокровищ, королевская капелла и один из государственных апартаментов времен короля Рожера. Его террасы и сады давно исчезли, с их мраморными львами и бьющими фонтанами, напоминающими Альгамбру или великие увеселительные площадки магометанского Востока; но мы можем легко оживить их с помощью сарацинских поэтов и остатков других королевских резиденций, которые окружали город "как ожерелье из жемчуга". Здесь, среди своего гарема и евнухов, придворных и свиты слуг-магометан, царь жил в манере восточного владыки. В государственных случаях он надевал пурпур и золото греческих императоров или роскошные одеяния из красного самита, расшитые золотыми тиграми и верблюдами и арабскими воззваниями к христианскому Искупителю, которые до сих пор хранятся среди сокровищ Священной Римской империи в Вене. А когда по праздникам он входил в дворцовую капеллу, латинскую по плану, греческую и арабскую по орнаменту, атмосфера также была восточной. В том виде, в каком она была описана при

посвящении в 1140 году, со звездными небесами на потолке и цветочными лугами на мостовой, капелла сохраняет свои основные черты и по сей день. На куполе и хорах доминируют большие византийские фигуры Христа, сопровождаемые византийскими святыми и сценами с греческими надписями, выполненные с наибольшим блеском, на который способна мозаика, а сталактитовый потолок, "пронизанный всем изощренным богатством сарацинского искусства", кажется, "воссоздает какое-то забытое видение *арабских ночей*". Гармоничная по дизайну и бесконечно разнообразная в деталях, богатая до невероятности цветами и линиями, отражающая как тусклые лучи подвесных ламп, так и полный свет южного солнца, Капелла Палатина является наиболее полным и адекватным выражением многогранного искусства Нормандского королевства и объединяющей силы норманнских королей.

* * * * *

Блестящие, но эфемерные, скороспелые, но не имеющие постоянных результатов - таковы суждения, которые обычно выносятся о Сицилийском королевстве и его цивилизации. В лучшем случае королевство, кажется, не дотягивает до Фридриха II, а о нем Фримен сказал, что, хотя гений и был способен положить начало какому-то великому движению или новой эре, ему, похоже, суждено стоять в конце всего, чего он касался - средневековой империи, Сицилийского королевства, норманно-гогенштауфенской [линии](#)⁷². В области государственного управления эти утверждения в основном верны: быстрая смена династий и глубокий политический упадок, в который в конце концов погрузился юг, разрушили единство его политического развития и свели на нет работу норманнского государственного строительства, так что долговечные результаты норманнского государственного управления и норманнского права следует искать на севере, а не в Италии. Однако это еще не вся история, и в области культуры менее ощутимые, но не менее реальные влияния влились из норманнского потока в общие течения европейской цивилизации. До тех пор, пока Ренессанс XIV и XV веков рассматривался как просто отрицание Средневековья путем возвращения к классической античности, такие фигуры, как король Рожер и Фридрих II, были просто "спортом", изолированными вспышками гения и современности, не имеющими никакого отношения ни к их собственному времени, ни к более масштабному движению, которое последовало за ними. Однако с тех пор, как мы стали рассматривать Ренессанс в его более широких аспектах как нечто большее, чем просто классическое возрождение, его отношения со Средними веками стали гораздо более тесными и важными, чем предполагалось ранее. Эволюция порой происходит стремительно, но *Треченто* вырастает из предшествующих веков так же естественно, как и *Кватроченто* из последующих. Место Италии в этом процессе общепризнанно; место южной Италии иногда упускается из виду. Мы слишком склонны забывать, что Никкола Пизано назывался также Николаем Апулийским; что Петрарка был во многом обязан своим пребыванием при неаполитанском дворе; что Боккаччо учился греческому у калабрийца; что первые ноты новой итальянской литературы прозвучали при дворе Фридриха II. Многие этапы взаимоотношений между югом и севером в этот переходный период все еще остаются неясными, но в значимости южного вклада теперь можно быть уверенным. Более того, преемственность между интеллектуальным движением при Рожере и Вильгельме I и движением при Фридрихе II и позже можно довольно подробно проследить по истории отдельных манускриптов и авторов. Когда гуманисты, такие как Петрарка и Салютати, читали "*Федота*" Платона или "*Альмагест*" Птолемея, их библиотеки показывают, что они использовали латинские версии сицилийских переводчиков двенадцатого века. Возможно, образованность южного королевства была слабым светом, но ее передавали, а не гасили.

Для общего понимания норманнов и их деятельности хорошо, если мы проследим за ними в землях, где их непосредственное влияние становится все слабее и слабее, так же, как и в тех, где их потомки все еще правят. Только формальный и механический взгляд на историю стремится отделить отдельные расы от отдельных регионов как единственные источники населения и власти; только ложная национальная гордость представляет себе какой-либо народ как постоянно находящийся в авангарде цивилизации. Расы - смешанные вещи, институты и цивилизация - еще более сложные, и ни один народ не может претендовать на роль единственного и постоянного источника света и силы. За пределами Нормандии норманны были всего лишь небольшим народом, и рано или поздно они неизбежно теряли свою идентичность. Они делали свою работу в первую очередь не как отдельный народ, а как группа лидеров и вдохновителей, маленькая закваска, которая заквашивает весь ком. Куда бы они ни отправлялись, они проявляли удивительную силу инициативы и ассимиляции; если инициатива более очевидна в Англии, то ассимиляция более очевидна на Сицилии. Наказанием за такую активность является быстрая потеря самобытности; наградой - большая доля в общем развитии цивилизации. Если норманны платили штраф, они также пожинали награду, и они никогда не были более норманнами, чем в принятии государственной политики веротерпимости и ассимиляции, которая привела их к окончательному исчезновению. *Все меняется, все остается по-прежнему!*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Лучшее общее описание Нормандского королевства принадлежит Шаландону, который доводит его историю до 1194 года, а также дает предварительное описание его институтов и неудовлетворительную главу о его цивилизации. Э. Каспар, *Рожер II* (Инсбрук, 1904), является лучшей книгой о правлении; Кертис, *Рожер Сицилийский*, удобен. G. B. Siragusa, *Il regno di Guglielmo I* (Palermo, 1885-86), и I. La Lumia, *Storia della Sicilia sotto Guglielmo il Buono* (Florence, 1867), нуждаются в пересмотре. Для Констанца по-прежнему полезен Т. Тоече, *"Кайзер Генрих VI"* (Лейпциг, 1867).

* * * * *

Трактовка сицилийских институтов Э. Майером, *Italienische Verfassungsgeschichte* (Лейпциг, 1909), слишком юридическая. Есть прекрасная книга о канцелярии К. А. Кепа, *Die Urkunden der normannisch-sicilischen Könige* (Innsbruck, 1902); а о *дуане* есть важные монографии Амари, в *Memorie dei Lincei*, третья серия, II, pp. 409-38 (1878); и К. А. Гаруфи, в *Archivio storico italiano*, пятая серия, XXVII, pp. 225-63 (1901). О местной администрации см. ценное исследование мисс Э. Джемисон *"Норманнская администрация Апулии и Капуи"* в *"Бумагах Британской школы в Риме"*, VI, стр. 211-481 (1913). См. также H. Niese, *Die Gesetzgebung der normannischen Dynastie im Regnum Siciliae* (Halle, 1910); Haskins, "England and Sicily in the Twelfth Century," in *English Historical Review*, XXVI, pp. 433-47, 641-65 (1911); W. Cohn, *Die Geschichte der normannisch-sicilischen Flotte* (Breslau, 1910); R. Straus, *Die Juden im Königreich Sizilien* (Heidelberg, 1910); F. Zechbauer, *Das mittelalterliche Strafrecht Siziliens* (Berlin, 1908); а также различные исследования в *Miscellanea Salinas* (Palermo, 1907) и *Centenario Michele Amari* (Palermo, 1910). Торговля Сицилийского королевства описана А. Шайбе в *"Handelsgeschichte der romanischen Völker"* (Мюнхен, 1906).

* * * * *

О Монте-Кассино в этот период см. E. A. Loew, *The Beneventan Script* (Oxford, 1914), с приведенными там работами; R. Palmarocchi, *L'abbazia di Montecassino e la conquista normanna* (Rome, 1913). О греческих монастырях см. Gay, *L'Italie méridionale*; P. Batiffol,

L'abbaye de Rossano (Paris, 1891); K. Lake, "The Greek Monasteries in South Italy," in *Journal of Theological Studies*, IV, V (1903-04); и F. LoParco, *Scolario-Saba*, in *Atti of the Naples Academy*, new series, I (1910). Лучшее изложение сарацинской культуры на Сицилии по-прежнему принадлежит Амари. О южноитальянских и сицилийских переводчиках см. O. Hartwig, "Die Uebersetzungsliteratur Unteritaliens in der normannisch-staufischen Epoche," in *Centralblatt für Bibliothekswesen*, III, pp. 161-90, 223-25, 505 (1886); Haskins and Lockwood, *The Sicilian Translators of the Twelfth Century and the First Latin Version of Ptolemy's Almagest*, in *Harvard Studies in Classical Philology*, XXI, pp. 75-102 (1910); Haskins, *ibid*, XXIII, pp. 155-166; XXV, pp. 87-105. О сицилийском происхождении греческих списков папской библиотеки см. J. L. Heiberg, in *Oversigt of the Danish Academy*, 1891, pp. 305-18; F. Ehrle, in *Festgabe Anton de Waal* (Rome, 1913), pp. 348-51. Связь интеллектуального движения двенадцатого века с ренессансом при Фридрихе II хорошо показана Niese, "Zur Geschichte des geistigen Lebens am Hofe Kaiser Friedrichs II", в *Historische Zeitschrift*, CVIII, pp. 473-540 (1912). В целом см. F. Novati, *Le origini*, в процессе публикации в *Storia letteraria d'Italia* (Милан, с 1897 г.).

* * * * *

Развитие искусства на юге в этот период рассматривается в A. Venturi, *Storia dell' arte italiana* (Rome, 1901 ff.), II, гл. 3; III, гл. 2. См. также C. Diehl, *L'art byzantin dans l'Italie méridionale* (Paris, 1894). Для континентальных территорий есть прекрасный отчет в E. Bertaux, *L'art dans l'Italie méridionale* (Paris, 1904). По Сицилии нет ничего столь же хорошего, хотя есть монографии по отдельным сооружениям. Diehl, *Palermo et Syracuse* (Paris, 1907) - хороший очерк с иллюстрациями; Miss C. Waern, *Mediæval Sicily* (London, 1910), более популярна. У Фримена есть интересный очерк "Норманны в Палермо" в его *"Исторических очерках"*, третья серия, стр. 437-76. См. также A. Springer, "Die mittelalterliche Kunst in Palermo," в его *Bilder aus der neueren Kunstgeschichte* (Bonn, 1886), I, pp. 157-208; и A. Goldschmidt, "Die normannischen Königspaläste in Palermo," в *Zeitschrift für Bauwesen*, XLVIII, coll. 541-90 (1898). Интересные аспекты Палермо двенадцатого века запечатлены в Бернском кодексе Петра из Эболи, воспроизведенном Сирагузой для Istituto Storico Italiano (1905) и Рота для нового издания Muratori (1904-10). Сохранившиеся части королевского костюма воспроизведены Ф. Боком, *Die Kleinodien des heil.-römischen Reiches* (Вена, 1864).

КОНЕЦ

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

- 1 *La France*, p. 161.
- 2 *Pages normandes*, посвящение.
- 3 *Мон-Сен-Мишель и Шартр*, с. 55.
- 4 *Ystoire de li Normant* (ed. Delarc), p. 10.
- 5 *Historia Sicula*, I, 3.
- 6 *Gesta Regum* (серия Rolls), p. 306.
- 7 Ed. LePrévost, III, p. 474; cp. p. 230.

- 8 *Roman de Rou* (ed. Andresen), II, строки 9139-56.
- 9 H. W. C. Davis, *England under the Normans and Angevins*, p. 3.
- 10 *Мон-Сен-Мишель и Шартр*, стр. 4.
- 11 II, 14, в переводе Keary, *Vikings*, p. 136.
- 12 *Corpus Poeticum Boreale*, I, p. 257.
- 13 *Corpus Poeticum Boreale*, I, pp. 236-40.
- 14 *Corpus Poeticum Boreale*, I, p. 265 f.
- 15 *Corpus Poeticum Boreale*, I, pp. 268-70.
- 16 *Ibid.*, I, p. 281 f.
- 17 *Germanic Origins* (New York, 1892), p. 305 f.
- 18 *Corpus Poeticum Boreale*, I, p. 373.
- 19 *Ibid.*, II, p. 345.
- 20 "Первобытная Исландия" в его *"Исследованиях по истории и юриспруденции"* (Оксфорд, 1901), стр. 263 и далее.
- 21 Pollock and Maitland, *History of English Law*, I, p. 66.
- 22 *История нормандского завоевания* (третье издание), II, с. 164-67.
- 23 *Нормандское завоевание*, II, с. 166.
- 24 Перевод Джайлса (Лондон, 1847), с. 461-63.
- 25 Фульк Речин, в *Chroniques des comtes d'Anjou* (ed. Marchegay), p. 378 f; (ed. Halphen and Roupardin, Paris, 1913), pp. 235-37.
- 26 Luchaire, *Les quatre premiers Capétiens*, in Lavissee, *Histoire de France* (Paris, 1901), II, 2, p. 176.
- 27 W. S. Ferguson, *Greek Imperialism*, p. 1.
- 28 Salzmann, *Henry II*, где континентальные аспекты правления Генриха отброшены в краткой главе о "внешних делах". Этот заголовок был бы более уместен в рассказе о кампаниях Генриха в Ирландии.
- 29 *Benedict of Peterborough*, II, p. xxxiii.
- 30 *Benedict of Peterborough*, II, p. xxxi.
- 31 *Recueil des actes de Henri II*, Introduction, p. 1; ср. p. 151.
- 32 Delisle, p. 166, из Madox, *Exchequer*, I, p. 390.
- 33 *Английская конституция*, с. 3.
- 34 *Origin of the English Constitution* (London, 1872), p. 20 f.
- 35 Stubbs, *Benedict of Peterborough*, II, p. xxxv.

- 36 Poole, *The Exchequer in the Twelfth Century*, pp. 42-57; Haskins, "The Abacus and the King's Curia," in *English Historical Review*, XXVII, pp. 101-06.
- 37 Salzmann, *Henry II*, p. 176.
- 38 Pollock and Maitland, *History of English Law*, I, p. 142.
- 39 Pollock and Maitland, I, p. 141.
- 40 Giraldus Cambrensis (Rolls Series), VIII, p. 283.
- 41 Salzmann, *Henry II*, p. 214.
- 42 Конституционная история, I, p. 551.
- 43 См. отрывки из хроник, переведенные в Т. А. Archer, *The Crusade of Richard I* (London, 1888), pp. 285 ff.
- 44 Гийом ле Бретон, *Филиппида*, V, строки 316-27.
- 45 *Le Château-Gaillard*, in *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, XXXVI, 1, p. 330.
- 46 *The Loss of Normandy*, p. 449.
- 47 Общий взгляд на политическую историю Европы (перевод Чарльза Гросса), с. 64.
- 48 Вильгельм Завоеватель, с. 2.
- 49 Armitage, *Early Norman Castles of the British Isles*, p. 359.
- 50 *The Loss of Normandy*, pp. 298 ff.
- 51 Печатается по Delisle, *Études sur la classe agricole*, pp. 668 ff.
- 52 *Kirche und Staat*, p. 41.
- 53 Robert of Torigni (ed. Delisle), I, p. 344.
- 54 Текст напечатан в *Bibliothèque de l'École des Chartes*, XXI, pp. 120 ff.
- 55 Ordericus Vitalis (ed. Le Prévost), III, p. 431.
- 56 Guillaume de Jumièges, *Gesta Normannorum Ducum* (ed. Marx), Société de l'Histoire de Normandie, 1914.
- 57 *La littérature normande avant l'annexion*, p. 22.
- 58 *Gallia Christiana*, XI, instr., coll. 219-23; Mortet, *Recueil de textes relatifs à l'histoire de l'architecture* (Paris, 1911), pp. 71-75.
- 59 *Norman Conquest*, III, p. 109.
- 60 Мон-Сен-Мишель и Шартр, стр. 4.
- 61 Delarc, *Les Normands en Italie*, p. 35.
- 62 Bertaux, *L'art dans l'Italie méridionale*, p. 15.
- 63 Aimé, *Ystoire de li Normant*, p. 124.

64 William of Malmesbury, *Gesta Regum*, p. 322.

65 Джеффри Малатерра, II, с. 1.

66 Коллекции Массачусетского исторического общества, четвертая серия, VI, p. 65.

67 Laodicea ad mare, а не фригийская Лаодикия из Апокалипсиса.

68 Фраза принадлежит Амари: *Storia dei Musulmani di Sicilia*, III, p. 365.

69 *Bilder aus der neueren Kunstgeschichte*, I, p. 159.

70 *L'art dans l'Italie méridionale*, p. 344.

71 Его описание переведено Амари, *Biblioteca arabo-sicula* (Turin, 1888), I, pp. 155 и далее; и Скиапарелли, *Ибн Губайр* (Рим, 1906), pp. 328 и далее. Ср. Waern, *Mediæval Sicily*, pp. 64 и далее.

72 "Император Фридрих Второй" в *"Исторических очерках"*, первая серия, стр. 291.

Примечания транскриптора

Пунктуация, дефис и орфография приведены в соответствие, если в оригинале книги преобладали те или иные предпочтения; в остальных случаях они не изменялись.

Простые опечатки были исправлены; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, в противном случае оставлены несбалансированными.

Иллюстрации в этой электронной книге были размещены между абзацами и за пределами цитат. В версиях этой книги, поддерживающих гиперссылки, ссылки на страницы в списке иллюстраций ведут к соответствующим иллюстрациям.

Сноски, первоначально расположенные в нижней части страниц, были собраны, последовательно перенумерованы и помещены между концом последней главы и указателем.

Указатель не проверялся на правильность алфавита и корректность ссылок на страницы.